

ОБАЯНИЕ ПОРОКА

ПАГУБНЫЕ СТРАСТИ
НАСЕЛЕНИЯ
ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА

УЛЬЯНОВА С.Б.

в 1920-е
годы

СИДОРЧУК И.В.

Светлана Ульянова, Илья Сидорчук
Пагубные страсти населения
Петрограда – Ленинграда в 1920-е годы.
Обаяние порока

ОБАЯНИЕ ПОРОКА

© Ульянова С.Б., Сидорчук И.В., 2020

© «Центрполиграф», 2020

Девиантное поведение, не принимаемое обществом или законом, существует в любом социуме. Проблемы наркомании, алкоголизма, проституции и т. п. постоянно обсуждаются политиками, журналистами, социологами, педагогами, являются частью массовой культуры и предметом научного изучения.

Книга посвящена асоциальным и нетрадиционным формам свободного времяпрепровождения жителей Петрограда-Ленинграда в период военного коммунизма и нэпа. Авторы акцентируют внимание не столько на борьбе с теми или иными общественными пороками, сколько на их распространении в досуговой сфере, на мотивации потребителей различных видов девиантного досуга и на инфраструктуре его предложения.

Применительно к 1920-м гг. актуальным является исследование наркомании, хулиганства, участия в религиозных обрядах, азартных игр, пьянства и проституции. Эти практики оказывали существенное влияние на культуру эпохи, выражали стремление к сопротивлению доминирующей идеологии, в определенной степени формировали структуры повседневной жизни горожан.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 16–31 00017 «Девиянтный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация»).

Рецензент – д-р. ист. наук В.С. Измозик.

Введение

«Система добродетелей, так же как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом истории», – писал в начале XX в. французский социолог и криминолог Г. Тард^[1]. Неотъемлемой составляющей любого общества, любой страны и исторической эпохи является отклоняющееся поведение, однако «набор девиаций» и отношение к ним общества варьируется в разных культурах и эпохах^[2]. Сегодня проблемы наркомании, алкоголизма, проституции и т. п. постоянно обсуждаются политиками, журналистами, социологами, педагогами, являются частью массовой культуры и предметом научного изучения. Однако, какие бы усилия ни предпринимались, какие бы идеологические, религиозные, законодательные ограничения ни вводились и как бы строго они ни соблюдались, социальное зло невозможно искоренить. Пусть и не все, но многие не представляют свою жизнь без экстремальных, аморальных, пагубных для себя, а иногда и для общества развлечений и занятий. Ученые склоняются к выводу, что единственно верным способом борьбы с ними являются не полный запрет, а комплексное изучение, понимание и, в определенной степени, допущение.

Эпоха торжества консьюмеризма, массового потребления, превращение западной цивилизации в «цивилизацию досуга», рост свободного времени и доходов заставляют экономистов, социологов, психологов, философов и, конечно же, историков обращаться к изучению досуга. До эпохи модерна общественная мысль сходилась на том, что легитимное потребление трудящихся должно быть сведено к поддержанию скромного уровня жизни. Возможность потреблять больше исключалась: считалось, что она ведет к пьянству, распутству и т. п. Эти пороки оставлялись на долю «праздного класса». Но в первой половине XX в. в индустриальном мире произошел культурный переворот, связанный с уменьшением продолжительности рабочего дня, введением еженедельных выходных, оплачиваемых отпусков и пенсий по старости. Появилась «обязанность ничего не делать», а это означало свободу существования для себя, возможность наслаждаться жизнью. Правда, научиться это делать оказалось непросто.

Узнать о том, как люди прошлого проводили свое свободное время, безусловно, интересно. Причем не только профессиональным ученым, но и простым читателям. Нередко это может стать ключом к пониманию эпохи или исторического персонажа. Разве наше представление о времени Петра Первого будет полным без информации об ассамблеях или «Всешутейшем, всепьянейшем и сумасброднейшем соборе»? И можно ли погрузиться в атмосферу «золотого века русской литературы» без описания балов, театров, карточной игры и охоты?

Эпоха 1920-х гг. выбрана нами неслучайно. На смену Гражданской войне, «красному» и «белому» террорам, голоду и эпидемиям сыпного тифа, повлекшим за собой гибель миллионов человек, в марте 1921 г. пришла новая экономическая политика – нэп. Частичный возврат к капитализму, «торговый ренессанс», нормализация отношений между городом и деревней позволили восстановить страну и начать решать не только задачи выживания, но и расходования свободного времени и денег. В Петроград, в котором к окончанию Гражданской войны оставалось 700 тыс. жителей (к началу 1917 г. их было около 2,5 млн), вернулись клубы, роскошные рестораны, пивные. Пусть с 1918 г. он и не являлся столицей, но оставался культурным, научным и промышленным центром. Население стало быстро расти, становилось еще более гетерогенным. Петроград, переименованный после смерти В.И. Ленина в 1924 г. в Ленинград, служил местом жизни, работы и развлечений представителей разных слоев общества, разной культуры, идеологической ориентации и уровня образования. Вчерашние аристократы в результате политики «уплотнения жилплощади» могли делить коммунальные квартиры с выходцами из деревни или потомственными пролетариями, переселившимися с окраин в центр. Пламенные большевики с безжалостными глазами, прошедшие колчаковский или деникинский фронт, ездили в одних трамваях с напуганными происходившими переменах «колюшками» – мещанами-обывателями. Отбросившие старые нормы морали рабфаковцы и «красные студенты» гуляли в садах и парках и презрительно смотрели на ухоженных барышень. А часто не всегда законно скопившие капиталы нувориши-нэпманы кутили в одних ресторанах с «онэпившимися» партийцами и растратчиками казенных денег.

«Коммунизм – могила проституции» – гласил один из раннесоветских плакатов. Когда мы говорим о девиантном досуге в 1920-е гг., нельзя забывать о том, что пришедшие к власти большевики хотели не только мировой пролетарской революции, но и формирования нового – советского – человека. Многие из того, что было нормой еще вчера, сегодня объявлялось «пережитком», той самой девиацией, о которой мы пишем^[3]. Если до революции ходить в церковь и исполнять церковные ритуалы, отмечать Пасху и Рождество было обязательным и само собой разумеющимся, то в 1920-е гг. это стало высмеиваться, а государственная пропаганда стремилась представить верующих как неграмотных аутсайдеров. Большевики запретили проституцию, легальную при царизме, до 1924 г. действовал «сухой закон», запрещавший продажу крепкого спиртного. С другой стороны, после революции нравы стали гораздо более свободными, исчезли многие моральные запреты в сфере сексуальных отношений. В связи с этим городской мир 1920-х гг. представлял собой причудливый коктейль из старого и нового, пограничье, когда в одном пространстве сосуществуют люди абсолютно разных взглядов на то, что такое хорошо и что такое плохо^[4].

Огромное число образов и устойчивых выражений, связанных с пьянством, кутежом, азартными играми и т. п., пришло к нам из этого яркого, уникального и эффектного периода. Кто не слышал про монтера, «измученного нарзаном» из «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова? А как ярко характеризует разгульную жизнь бюрократов-растратчиков отчаянный призыв Адама Козлевича из «Золотого теленка» тех же авторов: «Повезу даром! Пить не будете? Голые танцевать не будете при луне? Эх! Прокачу!». Не так широко известны, но не менее яркие и визуальные образы того времени, запечатленные в художественных фильмах «Катя – бумажный ранет», «Третья Мещанская», «Луна слева», «За ваше здоровье», «Москва кабацкая» и др.

Наша книга посвящена асоциальным и нетрадиционным формам свободного времяпрепровождения жителей Петрограда-Ленинграда в период нэпа. В процессе работы над нею нас привлекала не столько борьба с теми или иными общественными пороками, сколько характер их распространения в досуговой сфере, мотивация потребителей различных видов девиантного досуга, инфраструктура его

предложения. Данное издание является итогом трехлетнего проекта авторского коллектива^[5] «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

Влияют ли эпоха, политические и социально-экономические условия на рост девиаций, и можно ли назвать Петербург-Петроград-Ленинград некой аномалией? Автор первой развернутой теории девиации французский социолог Э. Дюркгейм полагал, что преступность является «неотъемлемой частью всех здоровых обществ»^[6], нормой, ее нельзя искоренить, можно лишь добиться ее снижения до некоторого приемлемого уровня. Это осуществимо только в стабильном обществе, тогда как в условиях социальных изменений и дезорганизации наблюдается состояние аномии. Оно характеризуется ситуацией «конфликта норм» или «нормативного вакуума», когда старые нормы уже не работают, а новые находятся еще в процессе создания и абсорбции обществом. Также он указал на то, что девиантное поведение может быть лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит.

На первый взгляд, революция 1917–1922 гг. стала решительным разрывом с прошлым. Однако в досуговой сфере, как во многих других областях общественной жизни, сохранялась преемственность между старой и новой Россией. Поэтому истоки нэповской модели свободного времяпрепровождения стоит искать в повседневной жизни города на Неве позднимперского периода. Начиная со второй половины XIX в. население столицы быстро росло, она богатела, стала крупным промышленным центром. Петербург с полным правом можно было назвать городом контрастов. Существовал досуг аристократов – балы, рестораны, театры, спорт и проч. Европейски ориентированная элита охотно и быстро перенимала новые западные веяния и свободное время проводила так же, как социальная верхушка Парижа, Лондона, Берлина или Вены. Параллельно на стремительно растущих рабочих окраинах царил свой досуг – грубый, некультурный, досуг вчерашних жителей деревни, с трудом адаптировавшихся к городским условиям. Память об этом была еще жива спустя десятилетие после революции, и в 1920-е гг., в условиях только начавшей формироваться советской досуговой культуры, ориентиром для жителей города, как бедных, так

и богатых, зачастую служили примеры из прошлого. Нэпманы пытались копировать отдых дореволюционного купечества, пролетарские писатели и поэты – привычки дореволюционной богемы, а грубые развлечения рабочих оставались частью установившейся раньше традиции.

У девиантного досуга была своя топография. Большой город – место, где притон может соседствовать рядом с музеем, а пивная находиться напротив вуза. Он может восприниматься как «культурная столица», а может стать «городом грехов». Куда устремлялись горожане в поисках противозаконных или морально осуждавшихся развлечений? Это были не только клубы, казино, подпольные притоны и дешевые пивные, но и улицы, сады и парки, коммунальные квартиры и студенческие общежития, заводские цеха и даже церкви. Какие районы считались наиболее опасными и где попасть под обаяние порока было проще? Какие злачные места были наиболее известными? Это и культовый Владимирский клуб, где нэпманы и растратчики казенных денег прожигали состояния, и не менее знаменитая своей шпаной Лиговка (как писал в 1924 г. В. Каверин, «единственная улица, сохранившая в неприкосновенности свои знаменитые притоны»), и, конечно же, Невский проспект (в описываемый период – проспект 25-го Октября), где без труда можно было найти доступную ярко накрашенную барышню, продающую себя ради очередной понюшки кокаина.

Наиболее распространенным в 1920-е гг. видом девиантного досуга, которому подвержены были все слои населения, оставалось пьянство. После разрешения свободной продажи водки в 1924 г. оно вышло из подполья и вновь заполонило город ресторанами и пивными. Широко распространены стали и такие формы свободного времяпрепровождения, как обращение к услугам проституток, хулиганство, азартные игры, употребление наркотиков. Уникальность эпохи при этом проявлялась в том, что к отклоняющемуся поведению существующая идеологическая система относилась с презрением, использование декоративной косметики, молодежные вечеринки, «буржуазные» танцы (фокстрот или тустеп) и т. п.

Борясь с девиантным досугом, власть пыталась вытеснить его из социального пространства города, заместить досугом «культурным». Большевики объявили безжалостную борьбу с «пережитками

прошлого», вводя уголовную ответственность за сводничество и самогоноварение, создавая центры для перевоспитания беспризорников и проституток, устраивая показательные суды над растратчиками и хулиганами. Параллельно они делали все возможное для воспитания в обществе любви к «правильному», с их точки зрения, досугу. Устраивались клубы для рабочих, библиотеки, лекции, экскурсии, пропагандировались занятия физкультурой и спортом, посещение театра, самообразование. В прессе разворачивались кампании по привлечению рабочих к трезвому образу жизни, по борьбе с религиозными предрассудками, по внедрению новых бытовых практик.

Наше исследование опирается на широкий круг опубликованных и архивных источников. Для получения комплексной картины развития девиантного досуга в Петрограде-Ленинграде исследовались материалы городских и центральных архивов, нормативные и законодательные источники, центральная, региональная и заводская пресса, научно-популярная и специализированная научная литература. Мы стремились напитать книгу текстами того времени, чтобы полнее передать «дух эпохи», дать читателю «услышать» голоса современников описываемых событий. Существенным дополнением стали художественные произведения периода – литература, живопись, кино. Разумеется, привлекались результаты ряда других исследователей повседневности 1920-х гг.

Мы надеемся, что книга сможет дополнить ряд исследований по истории повседневности, истории простых людей, позволяющих не только посмотреть на ту или иную эпоху с нового ракурса, но и сделать ее доступной и интересной более широкому кругу читателей, нежели круг профессиональных историков.

От аристократических салонов до деревенской избы: истоки девиантного досуга петроградцев

Молодой, но наделенный столичным статусом Санкт-Петербург в глазах тысяч жителей сермяжной России был символом правления «царя-антихриста» Петра I. Пожалуй, нет в России другого города, которому с таким упорством предсказывали «быть пусту», посвящали проклятия и пророчества. Для традиционного, консервативного сознания он стал местом концентрации греха – здесь курили табак, женщины посещали ассамблеи наравне с мужчинами, жители носили «немецкое платье» и строились «басурманские» церкви. Таким образом, Петербург сам по себе изначально являлся девиацией, выпадал из культурной традиции, представал некоей этической аномалией на карте страны.

Со временем город хорошел, привлекая все новых и новых жителей. К началу XX в. это крупный мегаполис (по числу жителей – 1,4 млн чел. – пятый в Европе после Лондона, Парижа, Берлина и Вены), политический, экономический, научный, культурный и промышленный центр огромной империи. Это город чиновников, военных, заводских рабочих, и у каждой группы населения были свои привычки, свои занятия, свои доходы. И свой район обитания. Городское пространство достаточно четко делилось на центральную часть (Невский проспект, прилегающие к нему улицы и набережные) – место сосредоточения правительственных учреждений, правлений банков и контор крупных промышленных компаний – и рабочие окраины, кольцом охватывавшие центр (Выборгская сторона, Нарвская, Невская и Московская заставы).

При этом социальные контрасты были заметны всюду: шикарные отели соседствовали с публичными домами, изысканные рестораны – с дешевыми грязными кабаками, фабричные казармы – с народными домами. «Приличные» барышни ходили в «Пассаж», где в это же время больные сифилисом проститутки искали клиентов, а в нескольких минутах ходьбы от Гостиного двора находился Апраксин

рынок, «брюхо Петербурга», пристанище мошенников и нищих. Город предоставлял массу возможностей для культурного досуга: в нем были театры, музеи, библиотеки, катки, цирк и даже зоосад. Но многих неизменно манил досуг запретный или по крайней мере осуждаемый: кутежи, дорогие продажные женщины, дебоширство, карты, тотализатор и все прочее, что шло вразрез с обывательской моралью или законом. С одинаковой страстью и самоотдачей под обаяние порока попадали заводские рабочие и гвардейские офицеры, мужчины и женщины, русские и иностранцы, коренные жители столицы и вчерашние провинциалы, выпускники университета и неграмотные крестьяне.

Петербург как место процветания всевозможных человеческих пороков – распространенный в литературе и публицистике периода заката империи образ. Он присутствует как в консервативной, так и в либеральной прессе. Вековые нормы морали и нравственности, традиции и стандарты в предреволюционный период все чаще подвергались критике и переоценке, а политическая нестабильность, расшатывавшая монархию, лишь способствовала этому. Творческая элита «серебряного века» не боялась шокировать публику новыми идеями как технического, так и морального характера:

*Стрётот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров!*

(И. Северянин)

Своеобразным утешением могло служить только то, что Петербургу все еще далеко было до таких мировых центров безнравственности, как Париж или Гамбург. Он моложе, поэтому многие девиантные субкультуры в нем еще только начинали складываться, а быстрый рост населения обеспечивал постоянный прилив носителей других ценностей, которым нужно было время на адаптацию к жизни в столице.

Те пороки, о которых речь пойдет в основной части книги, посвященной 1920-м гг., корнями восходят к предреволюционному периоду. Пьянство, хулиганство, проституция, наркомания и азартные игры – все это являлось частью досугового ландшафта Петербурга задолго до переломного 1917 г.

«Кабацкие нравы»

С конца XIX в. в столице, как и во всей стране, резко обострились классовые противоречия. Крайне болезненным стал так называемый «рабочий вопрос», связанный с неконтролируемым ростом пролетарского населения, не обеспеченным соответствующей жилищной и социальной инфраструктурой. Американский социолог Р. Мертон рассматривал социальные условия как главную причину девиантного поведения^[7]. По его мнению, напряжение, вызванное жесткостью классовой структуры, ситуацией неравных возможностей и несправедливости, закономерно приводит к девиантному поведению представителей ущемленных слоев. С этим утверждением явно коррелирует распространенная в западной историографии мысль о том, что девиантное поведение часто является протестом против жестких политических или социальных рамок. В частности, хулиганство, неповиновение рабочих, нарушение ими правил внутреннего распорядка на фабрике или в казарме (то, что немецкий историк А. Людтке называл «своеволием») помогали им порвать узлы покорности и почтительности, навязываемые традиционными социальными институтами. Имущественное неравенство, низкий социальный статус также порождали протест, зачастую выражавшийся в девиантных практиках^[8].

К девиантному поведению подталкивал и социокультурный раскол, характерный для имперской России. Как показал американский криминолог Т. Селлин, ситуация, когда представители разных культур попадают в одну среду, часто приводит к столкновениям^[9]. В частности, нормы крестьян, недавно переехавших в город, были иными, чем у коренных горожан. Именно это стало основной причиной распространения городского хулиганства в дореволюционной и постреволюционной России^[10].

До революции определенные формы девиантного досуга были свойственны всем слоям городского населения, но их распространение сдерживалось властью, администрацией предприятий и учреждений, профессиональными корпорациями. В то же время неумеренное потребление алкоголя в определенные дни, драки «стенка на стенку»,

обращение к услугам проституток или сексуальные домогательства к фабричным работницам считались простительными, особенно для молодых несемейных мужчин. Преследовались властью только те формы девиантного досуга, которые были связаны с политической активностью (маевки, демонстрации и т. п.) или угрожали общественному порядку.

Те или иные виды девиантного досуга сохранялись в городском сообществе в силу традиционности. Прежде всего речь идет о пьянстве. Как писал современник, «в Петербурге есть такие закоулки, где в иной, особенно радостный праздник трудно встретить трезвого человека. Все пьяно, и главное, без стеснения и церемоний лезет на глаза, галдит, шумит и дебоширствует, дико бравируя своей хмельной срамотой, от степени искусного сокрытия которой зависит в сущности разница репутации в данном случае высших и низших классов»^[11].

Известно, как сильно и подолгу пили купцы. Закоренелыми пьяницами нередко становились и аристократы. Случалось, что представители интеллигенции также заканчивали свою карьеру в кабаках^[12].

Пьянство стало типичным атрибутом военных, своими достижениями в попойках гордившихся не менее, чем участием в баталиях. К ним и к «золотой молодежи» относился лозунг «Vivons, dansons et aimons» («Пьем, танцуем и любим»). И купцы, и brave вояки, и юнцы, проживавшие фамильные состояния, были завсегдатями многочисленных ресторанов. Так, в «Марьиной роще», подальше от города, на 4-й версте Петергофского шоссе развлекалось преимущественно купечество. Сравнительно недалеко, на 10-й версте, был легендарный «Красный кабачок», где еще молодой А.С. Пушкин, по его собственному признанию, дрался с немцами. «Кюба» на Большой Морской, 16 ждал исключительно аристократов и балетоманов. Именно здесь Матильда Кшесинская однажды устроила прием для всех танцовщиц Мариинского театра^[13].

Неумеренное потребление алкоголя было свойственно и рабочему классу. На то было несколько причин. Во-первых, число рабочих стремительно росло. После отмены крепостного права и начала индустриализации в Петербург хлынули вчерашние крестьяне. По сословной принадлежности более половины петербуржцев относилось к крестьянам. Множество обитателей окраин приехали из

Новгородской, Псковской, Петербургской, Тверской, Ярославской, Смоленской и др. губерний. В основном это были молодые бессемейные мужчины. Их доход от работы на фабрике был больше, чем они могли заработать в деревне, но алкоголь являлся едва ли не единственным способом быстро отдохнуть и расслабиться после многочасовой однообразной физической работы. Досуг такого «фабричного крестьянина», еще не порвавшего окончательно с деревней, был примитивен, его олицетворял трактир или кабак.

Еще одну причину развития пьянства принято видеть в распаде прежнего уклада жизни. Городской воздух – это воздух свободы. Он пьянит и веселит сам по себе, а алкоголь делает это чувство более острым и насыщенным. В мегаполисе ты одинок, но зато никто не следит за каждым твоим шагом, не учит жизни, не осуждает за то, что ты не живешь так, «как заведено».

Способствовала росту пьянства и винная монополия, введенная в 1897 г. «Казенки», как называли винные лавки, торговавшие водкой, приносили огромные прибыли государству, но делали потребление спиртного более массовым и будничным. «Красненькая» (водка более низкой степени очистки, стоившая 40 копеек) и «беленькая» (в полтора раза дороже, лучшего качества) свои названия получили по цвету пробок. В «казенках» продавались «четверти» – бутылки емкостью четверть ведра (3 л)^[14], «сороковки» (0,3 л), «сотки» (0,2 л) и «мерзавчики» (0,06 л за 4 копейки). По воспоминаниям Д.А. Засосова и В.И. Пызина, «в лавке было тихо, зато рядом на улице царило оживление: стояли подводы, около них извозчики, любители выпить. Купив посудинку с красной головкой, они тут же сбивали сургуч с головки, легонько ударяя ею о стену. Вся штукатурка около дверей была в красных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка, выпивали из горлышка, закусывали или принесенным с собой, или покупали здесь же у стоящих горячую картошку, огурец»^[15].

О Петербурге как месте спаивания простого народа можно судить по ходившей среди обывателей песенке:

*Четвертная – мать родная,
Полуштоф – отец родной,
Сороковочка – сестрица*

*Научила водку пить,
Научила водку пить,
Из Питера домой ходить*^[16].

Большинство рабочих проводило свой досуг в трактирах. Там они могли пообщаться за выпивкой и едой, там отвлекались от тягот заводской жизни. И пропивали большую часть получки. Трактирный досуг был тем более популярен, что большинство рабочих не имело своего угла. Как показывают материалы обследований рабочих жилищ, на рубеже XIX–XX вв. на одного человека в среднем приходилось от четверти до трети кв. саж. площади (1,1–1,5 кв. м), а в каждой комнате в квартирах размещалось до 20 человек. Естественно, живя в перенаселенных фабричных казармах (где запрещалось иметь даже собственный самовар) или угловым жильцом в перенаселенной квартире, человек в свободное время «пойдет в кабак, пойдет к знакомым, пойдет во двор. Только, наверное, не останется в своем жилище, где ему предоставляется ровно столько места, сколько нужно, чтобы лежать»^[17].

Неустроенность и скученность на небольшом пространстве лиц разного пола и возраста, не связанных родством, находящихся вне привычного контроля деревенского сообщества, негативно сказывались на нравах и досуговых привычках рабочих. Именно там процветали не только пьянство, но и хулиганство, страсть к азартным играм, сексуальная распущенность и т. п.

Праздничный или воскресный день рабочего был немыслим без водки, но и в будни алкоголь постоянно присутствовал в пространстве предприятия. Прежде всего это связано со сложившимися обычаями «замочки машин», «спрыска», «магарыча» и т. п. «Спрыски» сопровождали все мало-мальски значимые события в жизни рабочего – от первой зарплаты, которую полагалось пропить, до перевода на новый станок, повышения в разряде и т. п. Именно так молодые рабочие и делали первый шаг к систематическому пьянству. Исследователь повседневных промышленных практик начала XX в. Н.С. Полищук обоснованно видит в них трансформацию старых крестьянско-ремесленных традиций¹. В жизни крестьянского мира любое важное событие должно было получить санкцию общины. То

же можно сказать и о мастеровых начала XX в., которые во многом продолжали оставаться коллективной личностью, частью «рабочей семьи». Совместная выпивка в этом контексте превращалась в ритуальное одобрение каждого шага на жизненном пути рабочего. Стоит отметить, что девиантный досуг играл важную коммуникативную роль: помогали устанавливать внутривзаводскую и казарменную иерархию, сплачивали трудо-бытовые коллективы, способствовали разрешению конфликтов, канализировали молодежную агрессию.

Запойное пьянство стало характерным признаком петербургских мастеровых. Один врач писал: «Нам не очень редко попадались лица, которым в день выпить 1–2 бутылки водки нипочем – и они даже за трезвых и степенных людей сльвут... Другие работают всю неделю, не беря в рот ни одной капли водки; но зато в утро праздника – они пьяны. Третьи месяцами в рот водки не берут, но если запьют, то обыкновенно допиваются до „белой горячки“»^[18] ^[19].

Картина народного пьянства представлялась драматичной еще бытописателям 1860-1870-х гг. Известный журналист и публицист В.О. Михневич подробно остановился на ней в книге «Язвы Петербурга» – одном из лучших источников по истории «темной стороны» жизни Петербурга: «В воскресенье пьянство продолжается, и ошалевший от него рабочий не успевает отрезвиться и в понедельник, который, поэтому, посвящается „опохмелению“ и именуется в доморощенном календаре, не без юмора, „маленьким воскресеньем“. Это – характерная сделка с совестью. Пьянство в воскресный день рабочий считает делом естественным и законным, видит в этом как бы свое право, добытое мозольным трудом, но понедельничное похмелье лежит уже на его совести и – вот, чтобы обмануть ее, он сочиняет продолжение праздничного дня под названием „маленького воскресенья“. <...> Неумение пить ведет нередко к тому, что рабочий беспросыпно „запивает“ и пьянствует до тех пор, пока не спустит в кабак все, что имеет, чуть не до последней рубахи. Ни долг семьянина перед женой и детьми и никакие другие обязательства самой первостепенной важности его не сдерживают. Все идет прахом в этом пароксизме безумия. И такова нравственная зыбкость и бесхарактерность рабочего в большинстве случаев, что он сам не знает, как и когда приключится с ним этот бешеный пароксизм,

а если и знает и сознает его гибельность, то решительно не имеет воли обуздать себя. Как ребенок, он в этих случаях нуждается в посторонней опеке и охотно ей подчиняется. Такую опеку берут на себя обыкновенно матери, жены, дети у рабочих семейных. В Петербурге весьма обыденна такая картина: в расчетные дни, преимущественно по субботам, у фабрик и ремесленных заведений, где-нибудь у ворот, на дворе или на лестнице, к тому часу, когда рабочие оканчивают занятия и получают заработок, собираются группы женщин и ребят, с озабоченными, тревожными лицами, и терпеливо, иногда на жестоком холоде, напр., зимою, топчутся на одном месте несколько часов. Это – все матери, жены и иные родственницы рабочих, согнанные сюда страхом, что их „кормильцы“, получив заработок, неровен час – „запьють“ и оставят их голодать. И вот они их подстерегают с тем, чтобы отвести домой, точно выпущенных из пансиона малолетков, и во всяком случае отнять у них заработанные деньги или хоть часть их. Происходит грустно-комическая сцена. Женщины бросаются на рабочих, тащат их за собой и настойчиво требуют выдачи заработка, а если те упираются или стараются утаить часть денег – без церемонии выворачивают у них карманы и производят обыск. Обыкновенно рабочие добродушно покоряются этой родственно-полицейской феруле, в сознании, что без нее им трудно было бы устоять против искушения и не „запить“, очертя голову»^[20].

Главная причина пьянства рабочих, по мнению автора, заключалась в «некультурности». У них не было вкуса к интеллигентным развлечениям – театру, танцам, музыке, чтению. Забегая вперед, скажем, что об этом же писали борцы с пьянством в 1920-е гг. Отсутствие культурной альтернативы подчас не оставляло пролетарию иного способа отдохнуть, как пойти в кабак: «После курной избы, после житья в тесноте и нечисти, на чердаках или в подвалах, после томительной казенщины фабричной обстановки, трактир, с его „машиной“, наигрывающей веселые мотивы из опереток, с его дешевым комфортом и гостеприимной угодливостью, с его настойками, „селянками“ и всякими разносолами, для неприхотливого рабочего – своего рода эльдорадо, рай земной, тем более обольстительный, что в нем он чувствует себя как дома, да и в самом

деле ни в какие более опрятные, более благородные увеселительные учреждения для простолюдина нет доступа»^[21].

В начале XX в. на проблему обратили внимание и врачи. Именно в Петербурге в 1911 г. открылся первый в мире Экспериментально-клинический институт по изучению алкоголизма. Главный инициатор его создания всемирно известный нейрофизиолог Владимир Михайлович Бехтерев писал о том, что «алкоголь является ядом для всякого живого существа – растений и животных».

В годы Первой мировой войны власть пыталась проводить политику «сухого закона». С 1 ноября в Москве и с 17 декабря 1914 г. в Петрограде действовал абсолютный «сухой закон», запрещавший продажу для питья всех видов алкогольных напитков. В столицах действовали также особые условия отпуска спиртосодержащих веществ для надобностей, не связанных с потреблением внутрь, и меры предупреждения и пресечения правонарушений в области производства, питейной торговли и потребления^[22].

По мнению О.А. Чагадаевой, запретительные меры действовали как сдерживающий фактор только на фоне мощного патриотического подъема и были вызваны осознанием массами необходимости воздержания во благо Отечества. Примерно к осени 1915 г. в настроениях горожан начинает преобладать усталость от войны, недоверие к власти, вызванное просчетами и неудачами русской армии, что сопровождалось ростом нарушений обязательных постановлений, развитием черного рынка, усилением пьянства^[23].

Для жителей Петрограда новый виток в алкогольной политике государства означал, с одной стороны, вынужденное снижение его потребления, а с другой – расцвет подпольных мест продажи и самогоноварения. Пьянство из открытого порока становилось скрытым.

Хулиганство – «наносная эпидемия озорничества подонков общества»

В дореволюционной России законодательство не предусматривало преступления, квалифицирующегося как „хулиганство“, хотя был запрет на совершение действий, подпадающих под признаки хулиганства в его современном понимании – буйство, публичное богохульство, нарушение общественного порядка, учинение шума, сопротивление чинам полиции и их оскорбление и проч., наказание за которые было закреплено в ряде нормативных документов^[24]. О хулиганстве как новом виде преступления заговорили в конце XIX в., когда этот заимствованный термин стал активно использоваться в прессе. Дореволюционные авторы видели в нем явление, своей новизной обязанному целому ряду факторов. Чиновники, равно как и представители духовенства, связывали его развитие с упадком религиознонравственных начал. Так, товарищ председателя окружного суда из Гродно М.А. Горановский обвинял Льва Толстого с его проповедью «непротивления злу» и Максима Горького, «который в своих произведениях возвел озорника-хулигана в героя», что всколыхнуло «муть „дна“» – и озорники-хулиганы в революцию 1905 г. из трущоб вышли на улицу^[25]. Протоиерей К.И. Фоменко писал о хулиганстве как о «чем-то демоническом», «полном отрицании общественно-государственного порядка», ведь у преступника даже нет никакой корыстной цели, он хулиганит из удовольствия^[26]. Он полагал, что «хулиганство – это какая-то злая, наносная эпидемия озорничества подонков общества. Это полная разнузданность некоторой части населения Руси. Своевольный, разнузданный хулиган богохульствует, кощунствует, дерзко попирает священные заповеди Божии, законы гражданские. Общественная нравственность для хулигана, озорника – ничто»^[27]. Анализ дореволюционной прессы показывает, что такое поведение понималось как свойственное низшему классу, пугавшее цензовую публику^[28]. Образ и содержание хулиганства, равно как и портрет хулигана, формировались общественным мнением испуганного респектабельного общества, а не юридической практикой^[29]. К выводу о том, что целью бессмысленной

агрессии низов были культурные и состоятельные граждане, пришла и комиссия Министерства внутренних дел, созданная в 1913 г. под руководством А.И. Лыкошина^[30].

Более умеренные и либеральные специалисты и общественные деятели могли видеть в хулиганстве реакцию на социально-политические трансформации, общественные изъязны, тяжелые условия жизни. При этом его не всегда выделяли в отдельное преступление. В 1913 г. Московский столичный мировой съезд о министерском законопроекте о мерах борьбы с хулиганством пришел к выводу, что «хулиганство есть новое слово, но не новое общественное явление»: «Мировой Съезд полагает, что вошедшее в общее употребление слово „хулиганство“ обнимает собой столь разнородные понятия и представления, что задача дать определение побуждений „хулиганского характера“, удовлетворяющее требованию юридической точности, должна быть признана невыполнимой»^[31].

Современные исследователи видят в качестве основного фактора роста хулиганства в городах дореволюционной России приток неквалифицированных рабочих из деревни, для которых оно стало механизмом адаптации под новые непривычные условия индустриального общества, а также частью процесса классовой самоидентификации, формирования «позитивного самовосприятия»^[32].

Тезис о деревенском происхождении хулиганства именно как формы досуга заслуживает пристального внимания. Вероятно, оно являлось заданным образцом поведения, унаследованным от деревенских «ватаг». Кроме того, как отмечает С. Адоньева, «социальной задачей молодого мужчины-мужика было завоевание признания в среде мужиков, дабы постепенно быть принятым в состав деревенского схода»^[33], то есть ухарство было способом заявить о себе и повзрослеть в глазах окружающих. Справедливости ради стоит отметить, что как в дореволюционной, так и в постреволюционной России хулиганили вовсе не только люмпены, но и представители других слоев общества, подчас вовсе не ассоциирующихся с этой социальной «болезнью».

Ссоры, драки и дебоширства стали неотъемлемой частью городского пейзажа. Конечно, мощным катализатором этого было пьянство. Подавляющее большинство подобных «пощечин общественному

вкусу» было следствием влияния винных паров. Некоторые, впрочем, были достаточно безобидными. Вот, например, история одного неудачливого музыканта, крестьянина, приказчика винного погреба: «На второй день Пасхи он вышел на улицу, весел и радостен, с гармоникой в руках, и стал на ней наигрывать, но в самом патетическом пункте игры подбегает городской: „Играть строго воспрещается!..“ Прошел несколько шагов, не стерпел – заиграл, опять городской, третий, четвертый... Малый из себя вышел и, в досаде, изломал свой инструмент на голове которого-то из встреченных стражей. На суде он наивно показал:

– Целый год, как в тюрьме, сидишь в погребе, – на праздниках насилиу вырвался погулять, купил себе гармонию, да захотел ее, значит, испробовать на улице, а городской говорит – нельзя. Был я в то время „хвативши“ порядком. Обидно мне стало: потому что эту самую музыку ужасно как люблю и большой охотник на гармонии поиграть.

За оскорбление полицейского чина судья приговорил любителя гармонии к тюрьме»^[34].

Иногда публика могла заступаться за хулигана. Например, во время одного из гуляний на Марсовом поле некий чиновник подошел к силомеру и спросил, «сколько стоит ударить силомер по башке?». Хозяин аттракциона ответил, что две копейки. «А тебя по рылу?» – спросил чиновник. «Пять копеек». Чиновник, недолго думая, достал требуемую сумму и двинул хозяина по лицу. Последний осерчал и пожаловался полиции, но публика подтвердила, что такие условия сделки были им самим же и назначены, и не допустила ареста^[35].

Дебоширством славилась столичная «золотая молодежь», чувствовавшая свою безнаказанность. Так, в середине 1870-х гг. в прессе бурно обсуждались выходки двух друзей-собутыльников, гвардейского корнета и выпускника университета. Разъезжая пьяными в коляске, они приставали к прохожим и устраивали драки.

В хулиганстве были замечены даже уважаемые люди. Так, мировой суд однажды рассматривал дело профессора Петербургской духовной академии, основателя и редактора (с 1875 г.) «Церковного вестника» Андрея Ивановича Предтеченского. Иск на него подала одна жительница Риги, обвинив его в том, что во время спора из-за каких-то денег он «харкнул ей в лицо и надавал тычков». Суд выяснил, что

подобные действия были взаимными, поэтому освободил профессора от наказания^[36].

Встречались и случаи коллективного хулиганства, когда недовольная чем-либо толпа нарушала закон. В 1877 г. пассажиры Царскосельской железной дороги побили нескольких кондукторов, разбили окна и попортили мебель в вагонах. Причиной стала нерасторопность железнодорожной администрации, из-за чего поезд из Павловска опоздал на час, к тому же вагоны были не освещены. Интересно, что публика возвращалась с более чем культурного мероприятия – музыкального вечера.

Другой деревенский обычай, укоренившийся в городе, – драки «стенка на стенку» (в промышленных городах нередко дрались «фабрика на фабрику»). В Петербурге кулачные бои устраивались зимой, на льду Невы и Фонтанки. В них могли принимать участие до нескольких тысяч рабочих. М.И. Пыляев в книге «Замечательные чудачки и оригиналы» описал одно такое сражение: «Лет сорок назад страшный кулачный бой был на берегах Невы зимой, на Малой Охте: здесь дрались охтяне с крючниками Калашниковской пристани. Старожилы Петербурга, я думаю, ещё хорошо помнят эту потеху. На вызов к бою или на „затравку“, как тогда говорили, высылали детей; те задевали детей противников. Любопытные собирались смотреть. После охотники являлись на защиту детей; тут-то и разыгрывалась молодецкая кровь. Избитые дети мало-помалу уходили, а между взрослыми начиналась свалка»^[37].

Изначально призванные канализировать молодежную агрессию, дать любителям «помахать кулаками» возможность показать свою силу, не причиняя ущерба окружающим, в начале XX в. кулачные бои превратились в заурядные драки, участники которых не гнушались использовать камни и палки.

«Являются исключительно притоном для непотребства»

18 ноября 1909 г. в «Биржевых ведомостях» опубликовали заметку «Растлители», где сообщалось про «нехорошую» квартиру в Волынкином переулке (ныне – Волынский пер.), в доме № 4. В ней читателям напомнили, что несколько месяцев тому назад в газетах промелькнула небольшая заметка, в которой рассказывалось, что какой-то неизвестный прилично одетый господин, встретив на Невском проспекте девочку, ученицу школы, увел ее с собой, заманил в роскошную квартиру и там изнасиловал. Теперь газета нашла эту квартиру и ее хозяйку: «Французская гражданка г-жа де-К. является содержательницей этого „института“ из 6 роскошно меблированных комнат. Доступ в квартиру де-К. имели далеко не все. Посетители проходили через целую сеть очень сложных формальностей. Существовал, например, особый пароль, лишь после произнесения которого гостеприимно открывались двери „института“. Плата за визит также варьировалась, судя по рискованности случая. Иногда 10 р., а иногда и 100 и 150 р.»^[38]. Подобные сообщения были также опубликованы в других городских газетах – «Новое время» и «Копейка».

Французская гражданка де Кроз, на которую пало подозрение, в ответ на публикации написала письмо самому петербургскому градоначальнику Д.В. Драчевскому, в котором взывала к справедливости: «Возведенные на меня злыми лицами вымышленные заметки эти не только являются весьма чувствительными и враждебными ко мне со стороны обывателей в настоящее время, но они останутся в памяти у каждого навсегда, что снять мне такого позора самой с себя в глазах других совершенно невозможно»^[39]. Она обвиняла в слухах бывшую прислугу Антонину Жарковскую, которую она уволила за то, что в квартире постоянно находился ее муж. Про саму квартиру де Кроз писала, что та ей досталась в наследство от мужа, а другие жильцы, которым она сдает комнаты, готовы подтвердить, что никакого борделя нет.

После этого началось полицейское разбирательство, в ходе которого установили что воспитанницы 4-го городского четырехклассного женского училища, которое находилось в этом же доме, действительно подвергались преследованиям со стороны незнакомых мужчин. Заведующая училищем также замечала, что в квартиру де Кроз на короткое время заходят мужчины, и явно склонялась к тому, что там бордель. Оказалось, что у француженки нет определенных занятий, а въехала в эту квартиру она всего год назад и оборудовала отдельные комнаты для «временного пребывания приходящих парочек». В итоге полиция пришла к заключению, что квартира была «исключительно притоном для непотребства», хотя возвращение девочек точно не подтвердилось.

История о роковой француженке оказалась вполне типичной для предреволюционного Петербурга. Именно иностранки, обычно француженки или немки, становились хозяйками притонов для состоятельных людей. Некоторые занимались сводничеством – показывали желающим альбом с фотографиями девушек, из которых можно выбрать любую и договориться о месте и времени встречи. Официально такие сводни часто числились модистками или портнихами.

Бессемейное состояние многих жителей Петербурга, численное преобладание мужчин формировало повышенный спрос на профессиональные сексуальные услуги. Обращение к проституткам стало вполне легальным, хотя и не афишируемым видом досуга.

В царской России проституцию легализовали (хотя параллельно существовал и нелегальный вариант), с 1843 г. существовали официальные дома терпимости, находившиеся под надзором Врачебно-полицейского комитета. Уровень обслуживания и разброс цен в заведениях были весьма существенными – от роскошного борделя на Потемкинской улице с дорогими (до 25 руб.) девицами до вертепов Сенного рынка, где можно купить потасканную и переболевшую сифилисом проститутку за 30 копеек^[40]. Впрочем, под давлением общественного мнения публичные дома постепенно закрывались, и в начале XX в. их осталось всего 32. Потребители вынуждены были искать доступных женщин в ресторанах, трактирах или просто на улицах.

Посетители в отдельном кабинете ночного ресторана (гостиница «Европейская»). Ленинград, 1924 г. (ЦГАКФФД СПб. Гр. 5659)

Местами свиданий с продажными женщинами становились и всякого рода гостиницы. На заседании С.-Петербургского врачебно-полицейского комитета 7 мая 1907 г. в присутствии градоначальника Д.В. Драчевского было заявлено, что «существующие в большинстве гостиниц рестораны с продажей крепких напитков, музыкой и др. увеселениями, при продолжительности торговли до 2 час. ночи, именно способствуют превращению их в притоны для распутных женщин, которые здесь же находят себе спрос со стороны мужчин и отправляются с ними в отдельные номера»^[41].

Схожим целям могли служить и рестораны с отдельными кабинетами, городские сады, танцевальные классы, кафешантаны. Значительная часть прислуги также, добровольно или от безысходности, продавала свое тело. В массе своей это были прибывшие из деревень девушки, не знакомые с большим городом и

социально незащищенные, чем умело пользовались ловеласы, начиная от «барина» и заканчивая дворником и лакеем. К тому же в фабричной среде практически нормой были сексуальные домогательства к работницам со стороны рабочих-мужчин и мастеров.

К началу 1917 г. в Петрограде официально зарегистрировали около 20 000 проституток^[42]. После Февральской революции легальную проституцию запретили, однако в городе, заполненном солдатами и матросами, спрос оставался высоким.

Проституция не только обеспечивала связанный с сексуальностью досуг, но и формировала определенную среду, в которой находилось место и другим формам девиантного поведения – потреблению алкоголя и наркотиков.

«Спортивный» клуб

Санкт-Петербург был самым богатым городом Империи, а где еще испытывать удачу в картах, как не в центре притока средств со всей страны? Оттого реки и каналы города каждый год становились последним пристанищем для проигравших последние или казенные тысячи, ловкие шулеры богатели за счет нерадивых отпрысков богатых семей, а в психиатрических больницах прототипам пушкинского Германна мерещилась пиковая дама.

Интересной особенностью игры в карты в дореволюционном Петербурге являлось то, что очень часто клубы и общества, в которых она велась, официально назывались спортивными. Эта лазейка давала прекрасное официальное прикрытие азарту. В частности, руководство Санкт-Петербургского общественного собрания любителей автомобильно-велосипедного спорта аргументировало игру следующим образом: «У любого спортсмена наряду с влечением к мотору и велосипеду имеется потребность поиграть и в карты»^[43]. Действительно, во многом азартная игра сходна со спортом, поскольку и в том и в другом случае главная цель состоит в том, чтобы выиграть у соперников.

Карточная игра стала для обществ и клубов надежным средством получения прибыли. Подобные заведения также посещались шулерами и «ничего не имеющим общего с семейным очагом дамским элементом»^[44]. Правда, жизнь таких заведений редко была долговечной, городская администрация их периодически закрывала.

Если цензовая публика играла в карты в клубах, то рабочие предавались азарту прямо на заводах и фабриках. Игра в карты настолько распространилась, что ее упоминание встречается практически во всех правилах внутреннего распорядка, которые с 1886 г. принимаются администрацией отдельных предприятий и утверждаются фабричной инспекцией. За «устройство недозволенных игр на деньги (карты, в орлянку и т. п.)» рабочих штрафовали на 25 коп. (правда, этот штраф вдвое меньше, чем за появление на фабрике в нетрезвом виде)^[45].

Периодом взрыва азарта стали 1905–1907 гг., когда всю страну охватила революция. Судя по материалам прессы, в это время многие квартиры превращались в клубы, где играли день и ночь напролет, – таково одно из следствий маргинализации культуры в условиях социально-политических катаклизмов. После Февраля 1917 г. наблюдались схожие процессы – карточные игры стали распространяться даже в довольно солидных заведениях. Так, с 1916 по 1918 г. в Петрограде издавался научно-литературно-художественный журнал «Вешние воды», основателем которого был молодой критик и публицист М. М. Спасовский (1890–1971), впоследствии ставший придворным архитектором персидского шаха Резы Пехлеви, а еще позже эмигрировавший в Австралию. При редакции журнала, в доме на углу Фонтанки и Бородинской улицы, существовало одноименное общество, и 27 апреля 1917 г. нагрянувшие туда милиционеры застали карточную игру, участие в которой принимали не только члены общества, но и посторонние лица^[46].

В трактирах, где обычно отдыхали провинциальные помещики, купцы средней руки и прочие более-менее обеспеченные горожане, самой распространенной азартной игрой становится бильярд. Как и в случае с картами, играли на деньги, были и свои профессионалы, обиравшие простаков.

Наименее осуждаемый азарт – лошадиные скачки и бега, где с 1870-х гг. начали устраивать тотализатор. Его могло вести каждое рысистое или скаковое общество, устраивавшее соревнования. В Петербурге было 4 ипподрома: два рядом с городом (за Новой Деревней и на Семеновском плацу) и два в пригородах – Красносельский и Царскосельский. Все они прекратили свою деятельность после Гражданской войны.

«Быт сломан»: девиантный досуг в структурах повседневности в период Революции и Гражданской войны

В 1917–1921 гг. исчезло многое, что было характерно для дореволюционной России, и, в то же время, появилось немало новых черт повседневности. Основными факторами этих перемен стали трудности, связанные с длительной войной и экономической разрухой, и утверждение новой политической системы и новой идеологии^[47].

Среди трудностей, которыми был отмечен период революции, на первом месте оказывается голод. Уже накануне февраля 1917 г. жители Петрограда и других городов проводили многие часы в очередях за хлебом, испытывали недостаток и иных продуктов^[48]. В дальнейшем ситуация становилась все хуже. В июле 1917 г. в городах ввели обязательные карточки на хлеб и сахар, но зачастую выкупить по ним продукты было невозможно. Жители Петрограда получали летом 1917 г. 0,75 фунта хлеба в день^[49]. Весной 1918 г. в Центральной России разразился настоящий голод. В Петрограде выдача продуктов по карточкам в мае обеспечивала в среднем 900 калорий (это втрое меньше физиологического минимума)^[50]. В июне 1918 г. вместо общегражданского распределения был введен так называемый «классовый паек». В зависимости от сферы деятельности городских жителей поделили на четыре категории, от принадлежности к которой зависели объем и порядок снабжения. В первую категорию входили рабочие, занятые в особо тяжелых условиях, кормящие матери и беременные женщины; во вторую – все остальные рабочие, семьи из четырех человек и более, дети от 3 до 14 лет, инвалиды первой группы; в третью – служащие, учащиеся, молодежь 14–17 лет, безработные, пенсионеры, инвалиды; в четвертую – лица, использующие наемный труд, лица свободных профессий, представители «бывших эксплуататорских классов»^[51].

Так как государственный паек не обеспечивал необходимую продовольственную норму, горожане были вынуждены обращаться к

услугам «черного рынка», заниматься так называемым «мешочничеством» (нелегальным самоснабжением) ^[52].

Во многом из-за продовольственных трудностей население крупных городов стало быстро уменьшаться: горожане стремились переселиться в деревню. В 1920 г. в Петрограде, например, проживало всего около 700 тысяч человек (в 1914 г. – более 2 миллионов) ^[53].

Городская среда также подверглась серьезной трансформации. Общая экономическая разруха привела к тому, что улицы не освещались и не убирались. Городской транспорт практически не работал, и горожане были вынуждены передвигаться пешком (только высокопоставленные представители властных структур пользовались автомобилями). В домах не работали водопровод и канализация, не хватало топлива для минимального обогрева помещений.

Изменился внешний облик населения – за годы революции люди «обносились», так как приобрести новую одежду стало практически невозможно. Кроме того, жизненно необходимые продукты на «черном рынке» за деньги никто не продавал из-за слишком высокой инфляции, поэтому продовольствие меняли на вещи, главный предмет обмена – одежда и обувь, именно они в первую очередь интересовали спекулянтов.

Еще одной проблемой повседневности стала безопасность. Угроза жизни и благополучию горожан исходила как от преступников, так и от властей. 5 сентября 1918 г., в ответ на убийство большевистского деятеля Урицкого и покушение на Ленина, Совет народных комиссаров принял Декрет о красном терроре, согласно которому подлежали расстрелу «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» ^[54]. Но и помимо этого революционные события и Гражданская война сопровождались всплеском насилия со всех сторон.

Главным носителем агрессии в период революции многие исследователи считают солдатские массы. Длительное (с 1914 г.) пребывание общества в состоянии войны привело к милитаризации общественного сознания. Социальная атмосфера отличалась взрывным характером. В гражданскую среду проникали настроения солдат, «старая» мораль отрицалась, появилась классовая ненависть, утвердился лозунг «Грабь награбленное!». Это происходило на фоне усталости населения, нехватки многих жизненно необходимых вещей,

нестабильности личного и общественного положения. В массовом сознании радикализм взял верх, граждане разделились на «своих» и «чужих»^[55].

Важным фактором эскалации агрессии в российском обществе в период революции был и непрерывный рост с весны 1917 г. уголовного населения. Судебная система после Февральской революции 1917 г. была парализована, охрана тюрем оставляла желать лучшего. В результате огромное количество профессиональных преступников оказалось на свободе. Бороться с ними фактически было некому. Неслучайно в конце 1917–1918 гг. отчаявшиеся горожане прибегали к самосудам. Только с 1919 г., когда новая, советская система охраны правопорядка и судопроизводства начала более или менее отлаживаться, бессудные расправы прекратились^[56].

Третья проблема повседневности связана с утратой привычных занятий. Многие люди оказались без работы. Это касается как представителей умственного труда (университетские профессора, например), так и промышленных рабочих. Основным занятием населения в таких условиях становится поиск средств для физического выживания.

Революционный период стал временем одичания и распространения девиантных форм поведения. Применительно к истории досуга это означает, что должны были получить большее распространение асоциальные и нетрадиционные формы свободного времяпрепровождения – пьянство, азартные игры, наркомания и т. п. В действительности же сфера досуга выглядит несколько иначе.

В 1914–1924 гг. в России действовал «сухой закон», на отмену которого государство не шло, даже учитывая возможную выгоду от монополии на алкоголь. Примечательно, что знаменитое постановление СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспреещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» никак не упоминало о необходимости запретительных мер в связи с угрожающим обществу размахом пьянства среди населения. За распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков в публичных местах, во всякого рода заведениях, а также за допущение такого распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные должны подвергаться лишению

свободы с принудительными работами на срок не менее одного года. Однако в целом текст постановления демонстрирует заботу о сохранении производства крепкого алкоголя в руках государства и только^[57]. В этот «героический» период революции пьянство рассматривалось как старорежимный пережиток, который исчезнет, как только будут устранены социальные условия, способствующие ему.

В результате запретительных мер количество пьяных существенно снизилось. На наш взгляд, главным оказалось то, что досуг, связанный с потреблением алкоголя, оказывался слишком затратным. По наблюдению С.И. Аничковой, в 1919–1920 гг. пьяные совершенно исчезли с улиц Петрограда^[58].

При этом особое значение приобретала борьба с самогонварением, на которое тратилось драгоценное зерно. В результате широкое распространение получили разнообразные алкогольные суррогаты. Так, в повести С. Григорьева «Казарма» описан процесс употребления популярной в городах «ханжи» (напиток на основе денатурированного спирта, лака или политуры): «„Теперь мы выпьем ханжи?“ – „Я не пью“. – „Я знаю!“ Он достает из корзинки бутылку квасу и большой флакон из-под вежеталя, полный фиолетового спирта. Откупорил квас, прилил туда денатурата, взболтнул, прижав перстом. Из бутылки фонтаном брызнуло прямо мне в лицо вонючей ханжой. Отираюсь смиренно. Он наливает в кружку, пьет и мучительно крикает. Долго кашляет и бранится. Повеселел. – „Что, хорошо?“ – „Не хвалю!“ – „Рвет с нее?“ – „Всяко бывает!“»^[59].

Меньше в годы революции стало и проституток, но не потому что власти проводили запретительную политику по отношению к этому «буржуазному пережитку», а потому что изменились условия физического существования людей в городе. Города обезлюдели, закрылись не только публичные дома, но и рестораны, кафе и другие значные места. Под влиянием голода и бытовых трудностей понизилась сексуальная активность мужчин. Определенный уровень спроса на продажный секс обеспечивали только солдаты и матросы^[60].

Потребление алкоголя в рассматриваемый период в значительной мере заменило потребление наркотиков. То, что до революции являлось привычкой аристократии, богемы и полусвета, в годы

революции и особенно Гражданской войны получило массовое распространение. С.И. Аничкова в своих мемуарах отмечает, что сродни наркотикам были азартные игры, которые объединяли людей разного социального положения^[61]. Эта форма девиантного досуга после революции выплеснулась на улицы. Азартные карточные игры проникли в солдатскую среду, в которой ранее они были запрещены^[62]. К картежной игре толкали напряжение войны и перманентное безденежье. Популярностью пользовался каторжный преферанс, или терц, требовавший особой концентрации внимания. Безусловно, он позволял выключаться из реальности^[63].

После Октября 1917 г., несмотря на репрессивную политику большевиков, игра в карты и др. формы приобщения к миру азарта продолжалась. Анонимное письмо во ВЦИК (19 декабря 1917 г.) призывало: «Спасите наших братьев от разорения, а их матерей, жен и детей от вечных слез и нищеты. Закройте все биллиарды, эту тысячеглавую гидру, пожирающую все заработки трудящихся и обогащающую только трактирщика да шулеров. Царские чиновники видели в разорении народа свое благополучие, а Вы, товарищи, наши отцы и братья, раз навсегда закройте эти грабильники»^[64].

Вместе с тем некий гражданин И.Н. Давыдов предложил Высшему совету народного хозяйства проект выкачивания денег из карманов «паразитов», спекулянтов, которые «живут вовсю, от массы свободного времени сидят в Ресторанах и Кафе, пьют и едят за десятерых, платят за все бешеные деньги и тем самым заставляют рестораторов запрещенными способами добывать провизию и преподносить под пикантными соусами обжорам буржуям.

В рабочих кварталах нет мяса, масла и хлеба, а в ресторанах всего вдосталь, рабочему же трудовому человеку ресторанные цены не по карману».

Проект заключался в организации бегов с тотализатором^[65].

Увлечение азартными играми показывает, что распространение девиантных форм досуга в годы революции и Гражданской войны, среди прочего, связано с неустойчивостью существования, пониманием того, что жизнь может оборваться в любой момент, что нет прочных связей, распадаются семьи и т. п.

Между тем, несмотря на трудности военного времени, период 1917–1922 гг. отмечен интенсивными поисками новой досуговой культуры,

основанной на идеях построения нового общества и воспитания нового человека, с одной стороны, и на криминализации девиантных форм досуга – с другой^[66]. Власть предлагает городскому населению новые праздники. Повышается доступность кинематографа, театра и проч. В силу вышеописанных материальных и бытовых трудностей пространство досуга сузилось, однако говорить о его полном исчезновении не приходится.

* * *

Досуговая культура, характерная для индустриального общества, начала активно формироваться в России на рубеже XIX и XX вв. Можно предположить, что власть, столкнувшись с новыми формами свободного времяпрепровождения городского населения (в том числе и девиантными), не успела выработать четкой политики по отношению к ним. В то же время в различных слоях городского населения (прежде всего в пролетарской среде) еще не сложились устойчивые формы культурного досуга, что и обусловило преобладание девиантных форм использования свободного времени.

Экскурс в дореволюционную историю Санкт-Петербурга показывает, что основные формы девиантного досуга были распространены задолго до прихода к власти большевиков. Пьянство, хулиганство и другие осуждаемые или незаконные девиации – неотъемлемая составляющая теневой стороны жизни блистательной имперской столицы. Революционная повседневность внесла существенные коррективы в досуговый ландшафт, но ряд альтернативных, официально неодобряемых поведенческих моделей и культурных практик успешно адаптировались под нее, сохранив свою актуальность и в советскую эпоху.

При этом для историка принципиальным является осознание релятивности социальной нормы, того, что «те или иные виды, формы, образцы поведения „нормальны“ или „девиантны“ только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время (здесь и сейчас)»^[67]. Особенно актуальным это оказывается при изучении обществ, в которых происходит

культурная революция (инициированная сверху или снизу). В октябре 1917 г. к власти пришли те, чьи взгляды, и далеко не только политические, до этого часто рассматривались как девиантные, асоциальные, «вредные», и понимание процесса перемены отношения к ним является ключевым моментом при исследовании повседневной истории эпохи. То, что еще вчера было нормой, в новой реальности часто провозглашалось отклонением.

Общая радикализация в период революции и Гражданской войны привела к коренным изменениям в повседневной жизни советского человека, обусловила, среди прочего, модификацию досуговых моделей и практик. Однако можно утверждать, что в 1917–1921 гг. не произошло качественного скачка в распространении девиантных форм досуга. Имело место лишь некоторое перераспределение времени между различными видами асоциального поведения, упрощение потребляемых ресурсов и изменение городской топографии девиантного досуга.

Удивительно, насколько быстро после Гражданской войны и введения новой экономической политики, несмотря на декларируемую властями борьбу с различными «социальными язвами» и «буржуазными пережитками», городское сообщество вернулось к традиционным видам девиантного досуга – услугам проституток, игорным домам, бегам, алкоголю.

«Не преступно, но некрасиво»: некриминальные виды девиантного досуга горожан

«Кто не знает „Горшка“ – этой пивной знаменитости рабочего района у „Красного треугольника*“! Рабочие окружающих фабрик пропивают здесь свои трудовые гроши, а вояки Везенбергской шпаны уродуют и калечат загулявших ребят. Отсюда, из „Горшка“, шпана угрожает домпросвету Тимирязева, держит в постоянном страхе клубных работников. Долой „Горшок“! Долой очаг заразы! Заколотить „Горшок“ крепкими гвоздями!»^[68] Подобные гневные призывы на страницах ленинградских газет можно было встретить практически ежедневно, что свидетельствует о распространенности девиантных досуговых практик.

Осуждаемые обществом формы отдыха и развлечения в целом ряде случаев были освящены традицией и не носили криминального оттенка. Их доступность в годы новой экономической политики обуславливалась прежде всего финансовыми возможностями потребителя. Однако государство видело в девиантном досуге угрозу идеологического порядка, поэтому усилило агитационно-пропагандистскую борьбу с привычными населению практиками.

«Папа, не пей!»: потребление алкоголя в структуре досуга

Пьянство являлось самой популярной и распространенной формой девиантного досуга ленинградцев 1920-х гг. В этом они ничем не отличались от жителей подавляющего большинства городов страны. Рабочие и нэпманы, чекисты и партработники, милиционеры и бандиты, подростки и женщины – практически не было категории населения, в повседневной жизни которой не находилось места алкоголю. О любви к пьянству написано много. Отметим лишь, что она не являлась сугубо национальной чертой или характерной особенностью именно советского общества. Досуг, связанный с потреблением алкоголя, оказывался доступным, тяжелые условия жизни и отсутствие достойной культурной замены неизбежно притягивали людей к согревающей кровь и душу радости, столь вредной и коварной, но все же любимой и подчас единственной.

Унаследовав «сухой закон» от царского правительства, советская власть в первой половине 1920-х гг. медленно, но верно отступала от трезвости. Во-первых, у лидеров страны кружились головы, когда они видели цифры количества зерна, превращаемого крестьянами в самогон вместо хлеба^[69].

Во-вторых, доходы от спиртного могли стать значительной частью бюджета. С 3 декабря 1924 г. допущены к производству и продаже напитки крепостью до 30 градусов, а с 1 октября 1925 г. допущена к продаже 40-градусная водка. С этих пор потребление алкоголя неизменно росло.

Конечно, «сухой закон» не означал того, что люди перестали пить. Часто вместо водки и самогона в дело шли медицинский спирт, одеколон, политура и даже заспиртованные экспонаты. К.И. Чуковский в апреле 1924 г., описывая в дневнике экскурсионную станцию в Лахте, замечал: «Учреждение патетически ненужное: мальчишки и девчонки, которые приезжают с экскурсиями, музеем не интересуются, но дуются ночью в карты; солдаты похищают банки с лягушками и пьют налитый в банки спирт с формалином»^[70]. Криминолог М.Н. Гернет так писал об алкогольном подполье: «...,зеленый змий“...

согнанный с зеркальных витрин богатейших магазинов, с полок и прилавков кабаков и ресторанов, он уполз в подполье и нашел себе там достаточно простора и немало пищи» [\[71\]](#).

Запрет на продажу алкоголя, естественно, не мешал находить его потребителям. Из воспоминаний поэтессы и актрисы Лидии Лесной, в 1918 г. работавшей секретарем редакции еще не закрывшегося журнала «Новый Сатирикон», мы знаем о случае, героями которого стали сотрудники журнала, Александр Грин и Аркадий Аверченко. Местом действия являлся ресторан «Альберт», находившийся в доме № 18/57 по Невскому проспекту.

«Только что кончилось редакционное совещание. Грин сидит в глубоком кресле и думает о чем-то, видно, невеселом. Аверченко щелкает замком портфеля и говорит:

– Господин заядлый пессимист, бросьте вашу чертову мерехлюндию, едем обедать к Альберту.

Грин отвечает медленно, подбирая рифмы:

– Уважаемый патрон.

Приглашеньем я польщен,

Но в ресторанах запрещен

Благородный выпивон...

Какой смысл там обедать?

– Чай будем пить! – с веселой беззаботностью отвечает Аверченко.

– Едем!

На другой день Грин мне рассказал:

– Приехали мы к Альберту, знаете этот симпатичный ресторанчик против Большой Морской? Аверченко там завсегдатай. Подходит официант: „Что прикажете, Аркадий Тимофеевич?“ – „Дайте нам чайку!“ – „Уж это как водится!“ – „И севрюжинки с хреном“.

И приносит официант на подносе две чашки и два пузатых чайника, белые, фарфоровые. Аверченко наливает мне и говорит: „Пейте залпом, он холодный“. – Я глотнул. Батюшки-светы! Выпивон!

Оказывается, в одном чайнике – портвейн, в другом – английская горькая! Вот что значит завсегдатай!..

Когда Грину, смеясь, предложили стать завсегдатаем у Альберта, он молча вывернул пустые карманы пиджака» [\[72\]](#).

Любопытно, что похожий случай обыгрывался М. Зощенко в рассказе «Лимонад». Время действия – 1920-е гг., когда запрет на

продажу спиртного сняли, однако привычки остались:

«Покушал суп. Начал вареное мясо кушать – охота выпить. „Заместо, – думаю, – острых напитков попрошу чего-нибудь помягче – нарзану или же лимонаду“. Зову.

– Эй, – говорю, – который тут мне порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду.

Приносят, конечно, мне лимонаду на интеллигентном подносе. В графине. Наливаю в стопку.

Пью я эту стопку, чувствую: кажись, водка. Налил еще. Ей-богу, водка. Что за черт! Налил остатки – самая настоящая водка.

– Неси, – кричу, – еще!

„Вот, – думаю, – поперло-то!“

Приносит еще.

Попробовал еще. Никакого сомнения не осталось – самая натуральная.

После, когда деньги заплатил, замечание все-таки сделал.

– Я, – говорю, – лимонаду просил, а ты чего носишь, куриная твоя голова?

Тот говорит:

– Так что это у нас завсегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим – потребителя нету.

– Неси, – говорю, – еще последнюю.

Так и не бросил. А желание было горячее. Только вот обстоятельства помешали. Как говорится – жизнь диктует свои законы. Надо подчиняться»^[73].

Большинство горожан, впрочем, не столь интеллигентны и талантливы, как Аверченко и Грин. 5 июля 1919 г. поиск мест незаконной торговли спиртным привел милиционеров в гостиницу «Аркадия», которая находилась на углу Литовского и Кузнечного переулков. В рапорте сообщалось: «Все помещения были заняты настолько пьяной публикой, что двери некоторых номеров пришлось взламывать, ибо ночующие там находились в бессознательном состоянии. Номерщик и коридорный... также были пьяны»^[74]. В январе 1925 г. самогонщиков удалось обнаружить даже во 2-й психиатрической больнице в Лесном. Садовник и конюх умудрились наладить там работу трех самогонных заводов^[75].

Не менее актуальной проблема была и для населенных пунктов губернии. Особенно славилась Луга, которая пользовалась популярностью у дачников благодаря сухому климату, красивой природе и замечательной речке. Тем не менее пьянство местных поражало и выдавших виды ленинградцев. Один из них накануне отмены «сухого закона» писал:

«Луга – самый пьяный город нашей губернии.

„В Москве сорок сороков, в Луге – 300 кабаков“, не без гордости повторяли лужане еще в дореволюционное время.

Эту свою репутацию Луга поддерживает и до сего дня.

Крестьяне говорят:

„Луга-пьяная“.

Ах, как пьют в этой маленькой, облепившей свою собственную речонку, Луге.

Пьют и в уезде. В деревнях, по дороге, в поселках, на постоянных дворах.

Пьют пиво и самогон.

Сколько стоит бутылка самогона?

Ответ неожидан:

„Дюжину пива“, или – „3 аршина“...

Самогон „продают“ за пиво, за ситец, за валенки, вареники, хомут, за хлеб, наконец»^[76].

Сотрудники правопорядка также не отказывали себе в удовольствии. Причем речь идет не только о рядовых милиционерах, изымавших самогонку, но и об их начальстве. Начальник 14-го участка милиции А.А. Жигарь, празднуя именины знакомого, приказал инструктору участка достать спирт, который праздновавшие и выпили. За данный поступок, а еще за кражу дров его приговорили к двум месяцам исправительного дома. На пьянстве попался даже начальник городской милиции Владимир Сергеевич Шатов. Однажды вечером в 1918 г. патруль остановил на Невском автомобиль, из которого вылез нетрезвый Шатов и разразился руганью в ответ на требование предъявить документы^[77].

После начала продажи водки проблема самогона стала не столь актуальной, хотя и после него милиция периодически обнаруживала и арестовывала изготовителей и продавцов зелья. В октябре 1925 г. (первый месяц, когда разрешили продажу водки) в Ленинграде

раскрыли 8 очагов самогонварения, работавших с целью сбыта, в ноябре уже 14, а в декабре 32^[78]. Видимо, его продавцы смогли со временем адаптироваться к новым условиям, хотя их бизнес и понес существенный урон. 1 сентября 1927 г. газета сообщала, что у дома № 27 по Фонтанке задержан гражданин Воробьев, «продававший хлебное вино стаканами». Нарушали закон и магазины. Например, в магазине Грузгосторга (В. О., 6-я линия, 23) обнаружили продажу коньяка под видом разрешенных легких виноградных вин^[79].

День начала легальной продажи водки действительно можно считать важной датой в истории алкоголя в России. Впоследствии известный экономист и историк, а с 1923 по 1927 г. корреспондент «Ленинградской правды» Н.П. Полетика в своих воспоминаниях описывал его так: «В тот день, когда разрешили свободную продажу сорокаградусной водки, на улицах уже с утра валялись „трупы“ и богомольные старушки, крестьясь, умиленно восклицали: „Мила-ай, когда же ты успел!“»^[80].

Для многих он стал настоящим праздником, люди-могли поздравлять друг друга на улицах, плача от счастья и обнимаясь, словно на Пасху или Рождество^[81]. Критики большевиков, а также знатоки и поклонники напитка отмечали, что водка была уже не та. Равнодушный к спиртному В.В. Шульгин заметил:

«По виду эта та же самая, „прозрачная, как слеза“, русская водка. На вкус?

На мой вкус та же дрянь, какая всегда была. Но от знатоков позднее слышал, что хотя это, конечно, несравненная русская водка, которая превышает всех напитков земных, но все же много хуже прежней.

Оно и понятно: „Все, как было, только хуже...“»^[82].

Количество пьяных на улицах резко увеличилось, но, согласно отчету административного отдела Ленинградского губисполкома за октябрь-декабрь 1925 г., в последующие месяцы пьянство перестало носить характер массового явления. Если в октябре количество лиц, появлявшихся на улицах и в общественных местах в нетрезвом виде, составило 3701 чел., то в ноябре – 1189 чел., а в декабре – 1859 чел.^[83].

После введения свободной продажи государственной водки (декрет Совета народных комиссаров СССР от 28 августа 1925 г.) пьянство в городах приобрело огромные масштабы: доля пьющих промышленных рабочих составляла около 90 %. Так, если принять расход рабочей

семьи на спиртные напитки в 1922 г. за 100 %, то в 1923 г. он составил 166,7 %, в 1924-м – 466,7 %, в 1925-м – 1222,3 %, в 1926-м – 1344,5 %, а в 1927-м – 1760,0 %^[84]. В 1925 г. в городе на семью в месяц покупали в среднем 1,5 бутылки водки, в 1926-м – 1,3, в 1927-м – 2,4, в 1928-м – 3 бутылки^[85].

Рост потребления спиртного в Ленинграде прекрасно виден из статистики массового потребления напитков. В 1927 г., два года спустя после начала продаж водки, в Ленинграде, население которого составляло 1 627 000 жителей, ее было выпито 1 860 000 ведер (1 ведро – 12,3 л, т. е. 22 878 000 л – около 14 л на человека). На это потратили до 100 млн руб. при обычной средней месячной зарплате 50–80 руб. За этот же год от опоя умерли 292 ленинградца, 113 125 человек задержано милицией для вытрезвления^[86]. Секция здравоохранения Ленинградского совета рабочих депутатов в 1927 г. сообщала, что «алкоголизм в Ленинграде за последние годы значительно вырос. С 1923 г. смертность от него увеличилась в 5 раз»^[87].

Профессор А.Л. Мендельсон, рассуждая о причинах пьянства, полагал, что пьют по нескольким причинам: из-за усталости, «за компанию», для праздника, чтобы утолить жажду и т. д., 76 % всех пьющих мужчин страдают так называемым «бытовым алкоголизмом». К этому виду пьянства относится выпивание в праздники, на свадьбах, на крестинах, на похоронах и т. д. Также он отметил, что «недавно стал появляться новый вид алкоголизма – столовый. Раньше его в России почти не было. Русский человек не особенно любил выпивать за обедом. Теперь этот род пьянства начал прививаться»^[88].

Необходимо, кроме того, учитывать, что изменилось «алкогольное меню». В Российской империи наиболее распространенным спиртным напитком являлась высококачественная водка, в 1920-е гг. ее сменил самогон. Это существенно повлияло на ситуацию, связанную с употреблением алкоголя. Во-первых, в отличие от водки, имевшей крепость 40 °, крепость самогона, получаемого путем перегонки при помощи пара, составляет 40–50 °, а при повторной перегонке – 60–80 °. Во-вторых, примерно четвертая часть всего самогона производилась с применением примесей. Они использовались для большей «забористости» и, усиливая действие алкоголя, очень часто приводили к отравлению. Наиболее популярными примесями были: хмель,

горчица, хрен, бензин, керосин, табак, полынь, перец, куриный помет, известь, купорос, мыльный камень, наркотики, белена, дурман, денатурат. В-третьих, лабораторные исследования 1920-х гг. показали, что самогон давал ощущение повышенной крепости от содержащихся в нем резких и сильно действующих примесей (сивушных масел, альдегидов, эфиров, кислот и т. д.), которые не удавалось отделить от спирта при кустарном ведении производства. Этих примесей в самогонке было в несколько раз больше, чем даже в сыром заводском спирте, так называемой «сивухе», изъятой из продажи еще при царском правительстве по причине ядовитости. Таким образом, по разрушительному воздействию на организм потребителя самогон в несколько раз превышал водку^[89].

Стоит отметить, что по продажам легальной водки города значительно опережали деревню. Военный врач и один из лидеров антиалкогольного движения в 1920-е гг. Э.И. Дейчман (1889–1967), автор книги «Алкоголизм и борьба с ним» (1929 г.), утверждал, что «в 1927/28 гг. на душу населения в городах потреблено 0,74 ведра (15 бутылок), а в сельских местностях – 0,21 ведра (4 бутылки)». Факт распространения в деревне самогона, по его версии, не менял сути, и именно из-за города росло пьянство в деревне: «Если учесть и количество потребляемого на селе самогона, то и тогда душевное потребление в городах будет в 2 раза больше, чем на селе. Вот почему мы должны прежде всего начать борьбу с алкоголизмом в городе, который служит примером для села, а затем – бить алкогольного врага и в городе и на селе»^[90].

Но не единой водкой успокаивали и развлекали себя горожане. Впервой половине 1920-х гг. наблюдался и бурный рост потребления пива, в котором власти иногда усматривали подходящую замену крепкому алкоголю. В Петрограде в 1922 г. оно составило 608 158 ведер, в 1923-м — 3 251 474 ведра, 1924-м — 4 641 589 ведер, 1925-м — 5 720 000 ведер^[91]. Как правило, до 1925 г. пивоварением занимались предприятия потребкооперации (Петроградское единое потребительское общество – ПЕПО, позднее – Ленинградский союз потребительских обществ – ЛСПО), они же и продавали его через кооперативную сеть.

В практики потребления спиртного ленинградец включался с детских лет. В ходе обследования, проведенного среди 478 учащихся

школ I ступени (11–14 лет) и школ фабрично-заводского ученичества (фабзавуча, 15–17 лет), выяснилось, что употребляют спиртные напитки из числа школьников 75,4 %, а из фабзавуча – 87,6 %. На вопрос «Кто толкает детей на пагубный путь алкоголизма?» давался неожиданный ответ: «Важнейшую роль играют родители, которые, сами того не сознавая, приносят ужасный вред здоровью своих детей, приучая их к пьянке». При этом детям школьникам «дает пить отец (33,7 %), мать (30,5 %), родственники (27,4 %), товарищи (8,4 %). Фабзайчатам же (более старшим) дает пить отец (20,1 %), мать (11,7 %), родственники (29,1 %), товарищи (22,9 %), сами пьют (16,2 %)». Таким образом, получалась характерная «алкогольная лестница»: «Сначала, в раннем детстве, угощают ребенка родители (отец и мать), затем родственники (в гостях), потом товарищи (в компании) и, наконец, молодежь начинает пить самостоятельно»^[92]. При таких раскладах дети и подростки в основном потребляли спиртное дома или в гостях: «Из детей-школьников пьют дома 72,6 проц., в гостях – 41,1 проц., а из молодежи (фабзайчат) пьют дома – 59,1 проц., в гостях – 62,6 проц., в пивной – 12,3 проц. и в прочих местах – 2,4 проц.»^[93], кроме того, широко распространен и наследственный алкоголизм. Медицинское обследование 1923 г. показало, что из-за пьянства родителей более 34 % молодых людей имели различные хронические болезни^[94].

«Данон», пивная и прочие живопырки

Если детям могли наливать дома, то многие взрослые мужчины из-за сварливых жен, кричащих детей, нервных соседей и других помех этой радости были лишены и сами старались уйти пить в другое место. Особенно эта идея привлекала, когда в кармане оказывались деньги и хотелось не просто выпить, но и «культурно посидеть». Нэп подарил для этого достаточно много возможностей. В центре открывались под новыми названиями различные питейные заведения, адреса которых еще сохранялись в памяти горожан. Вернулись и прежние вывески – «Кюба», «Данон» и др. Кстати, Н.П. Полетика отмечал, что цены там оставались сравнительно умеренными^[95]. По ночам около них стояли вновь заполнившие улицы извозчики-лихачи, развозя подгулявших, а крики пьяных мужчин и женщин оглашали улицы.

Впечатления о новых питейных местах встречаем в воспоминаниях В.В. Шульгина, тайком вернувшегося в Ленинград зимой 1926 г. Один из его знакомых, также убежденный противник большевиков, организовал для него своеобразную экскурсию:

«– Хотите, я вам покажу еще для полноты впечатлений один бар? Вы не думайте, у нас „бары“ есть. Русских перерезали, но американские завели!

Пошли мы по Невскому и взяли направо, кажется, по Михайловскому. Словом, здесь в былое время была какая-то мирная не то кофейня, не то кондитерская.

Теперь не то. Сразу меня оглушил оркестр, который стоит самого отчаянного заграничного жац-банда. Кабак тут был в полной форме. Тысячу и один столик, за которыми невероятные личности, то идиотски рыгочущие, то мрачно пропойного вида. Шум, кавардак стоял отчаянный. Это заведение разместились в нескольких залах. Но всюду одно и то же. Между столиками шлялись всякие барышни, которые продают пирожки или себя *ad libitum*^[96]. Время от времени сквозь эту пьяную толпу проходил патруль, с винтовками в руках. Я заметил трех матросов, которые с деловым видом путешествовали из залы в залу.

– Что это? – спросил я.

– А это, видите ли, „внешкольный надзор“. У нас ведь доблестному воинству разрешено свободно, в неслужебные часы, куда хочешь. Но зато есть всегда и дежурные патрули. Они безобразников своих вылавливают и отводят. А впрочем, мы очень неудачно пришли. К величайшему сожалению, я не могу вам показать этого места во всей красоте. Тут редкий день обходится без колоссального скандала. А бутылки здесь вместо междометий. Летают! Оно, впрочем, и к лучшему. Просто не безопасно. Развлечения его величества пролетариата бывают иногда очень экспансивны и непосредственны. Но все же вы можете заключить, что если русский человек желает выпить, то ему в Ленинграде „есть куда пойти“»^[97].

Пример «человека из ресторана» 1920-х гг. – Николай Эдуардович Валь, бухгалтер Сестрорецкого горисполкома. Газеты называли его героем «Сан-Суси» и «Бара»: «...вот он стоит перед нами во всей своей дореволюционной неприкосновенности, крепкий, законченный и чуждый окружающему, как памятник на площади Восстания. <...> Николай Эдуардович любит веселую ресторанный жизнь. Вино, женщины, официанты, ожидающие „на чай“, цыгане, лихачи веселенькие, застольные анекдоты и собутыльники, любящие выпить за „чужой счет“ – вот обстановка, в которой живет бухгалтер». После закрытия ресторана в 4 утра он «несется за город, к цыганам, где пьяные, пестрые женщины поют в нос о „ночах безумных, ночах бессонных“...»^[98]. В результате он попался на растрате 3000 горисполкомовских денег.

На заводских окраинах также было много мест, где можно выпить, особенно непосредственно около заводов, где постоянный спрос. Многочисленность питейных заведений не только рождала злость у борцов за трезвость и нравственность, но и такие частушки:

*Ленинград – город большой,
В каждом доме – по пивной.
«Красная Бавария» —
Все для пролетария!*^[99].

Рабочего буквально окружали соблазны, и очень часто рабочему клубу он предпочитал поход за спиртным. Лозунгу «Вместо трактира – клуб! Вместо пивной – советская чайная. Вместо драки – физкультура!»^[100] следовать получалось не всегда. В частности, издание «Трезвость и культура» жаловалось: «Соседями – и ближайшими – Московско-Нарвского дома культуры в Ленинграде являются: лавка центроспирта, магазины „Армения“, пивная „ЛСПО“ и ряд других „источников алкоголизации“»^[101]. Не лучше дела обстояли и на Московской заставе, где жили рабочие «Электросилы». Один из них в заводской газете писал, что очень хочет проводить вечера в клубе, а не в пивной, но не может. Рядом с ним из мест досуга расположены только клуб им. Самойлова и кино частного «Луч», но в обоих «царит шпана»: «От нечего делать дома идешь в пивную, которых в нашем районе 6 штук»^[102].

Пора вылезать

Обитатели бутылки

Каленов (82 отд.).
Николаев (82 отд.).
Евдокимов (74 отд.).
Соловьев (94 отд.).
Влерковский (85 отд.).
Шурупов (123 отд.).
Столяров (52 отд.).
Трофимов (123 отд.).
Можайко (48 отд.).
Бобков (онм)
Белов Иван (45 отд.).
Лепсин (45 отд.).
Ягодкин, М. (46 отд.).
Орехов, Г. (77 отд.).

Применительно к 1920-м гг. можно констатировать расширение общественных функций пивных. Дороговизна зрелищ, непривычность для многих клубов, которые заполнялись в основном молодежью, бытовые стереотипы, воспринятые от дореволюционной эпохи, сделали пивную не только помещением для потребления спиртного, но и, по существу, наиболее доступным местом общения. Улучшение материального положения и появление в связи с этим большего свободного времени упрочили данную ситуацию. К тому же развитию пьянства способствовал жилищный кризис, который стал остро ощущаться в городах в начале 1920-х гг. и дал толчок дальнейшему развитию различных форм общежитий. Заполняли их в основном лица, прибывшие из деревни, сами находившиеся в плену старых традиций и, естественно, некритично воспринимавшие подобного рода «бытовое наследие» в городах.

Иногда без алкоголя просто не удавалось поесть. Вот жалоба одного из посетителей столовой:

«Для того, чтобы получить обед в столовой № 8 на Б. Охте, посетитель должен спросить пива.

Иначе – сиди хоть три часа, а обеда не дождешься, официант к столу не подойдет.

Если же хочешь получить пива, достаточно показать официанту пальцами сколько надо бутылок, и пиво тотчас будет на столе.

Мне пришлось обедать в этой столовой. Ждал-ждал, наконец обратился с двумя другими посетителями к заведующему.

Тот распорядился подать нам обеды.

Нам подали, но не то, что мы просили. Приборы оказались грязными.

Мы вторично подошли к заведующему.

– Вас много, а я один. За всеми не усмотришь, – был ответ.

И только когда подававший нам официант Сергеев увидел, что один из нас взял книгу жалоб, он с трехэтажной бранью переменил поданные нам обеды.

Рядом с нами сидел товарищ, дожидавшийся обеда 2 часа. Он также подошел к заведующему.

Заведующий объяснил:

– Видите, сколько у нас посетителей? Не успеваем пиво подавать, а вы – с обедом. Возьмите бутылочку пива – тогда и обед подадим.

Посетитель согласился, и заведующий собственноручно подал ему пиво и обед.

Таким образом, рабочая столовая превращается в пивную, а рабочему некуда пойти пообедать»^[103].

Кстати, многие рабочие были недовольны тем, что кооперативные и заводские столовые превращались фактически в пивные. В протоколах рабочих собраний встречаются требования «воспретить отпуск пива по кредитным талонам», «воспретить отпуск пива малолетним» и т. п.^[104].

Еще более пропитанным алкогольными парами оказывался другой рабочий район – Смоленское, одно из сел за Невской заставой вдоль Шлиссельбургского тракта (пр. Обуховской обороны). С 1880-х гг. он постепенно становился местом концентрации различных фабрик и заводов, и, подобно городу Иваново, его иногда называли «русским Манчестером». Репутация у села была дурная. Еще в 1880 г. там проживало 13 тыс. человек и насчитывалось 11 фабрик и 106 различных питейных заведений. Жительница села М. Новикова в заметке «Волны пивные» (1925 г.) описывала его так:

«Заборы... Покривившиеся домики... Заводы-фабрики...

А сбоку Нева серебрится.

Кругом – дым заводов.

Длинной полосой тянется село Смоленское – конца не видно.

Настоящий фабричный городок.

Тут и „Ленина Судостроительный“, и „Картонтоль“, и „Рабочий“, и прядельно-ткацкая Ногина. А сзади всех в сторонке „Заманчивая Вена“ – пивоваренный завод.

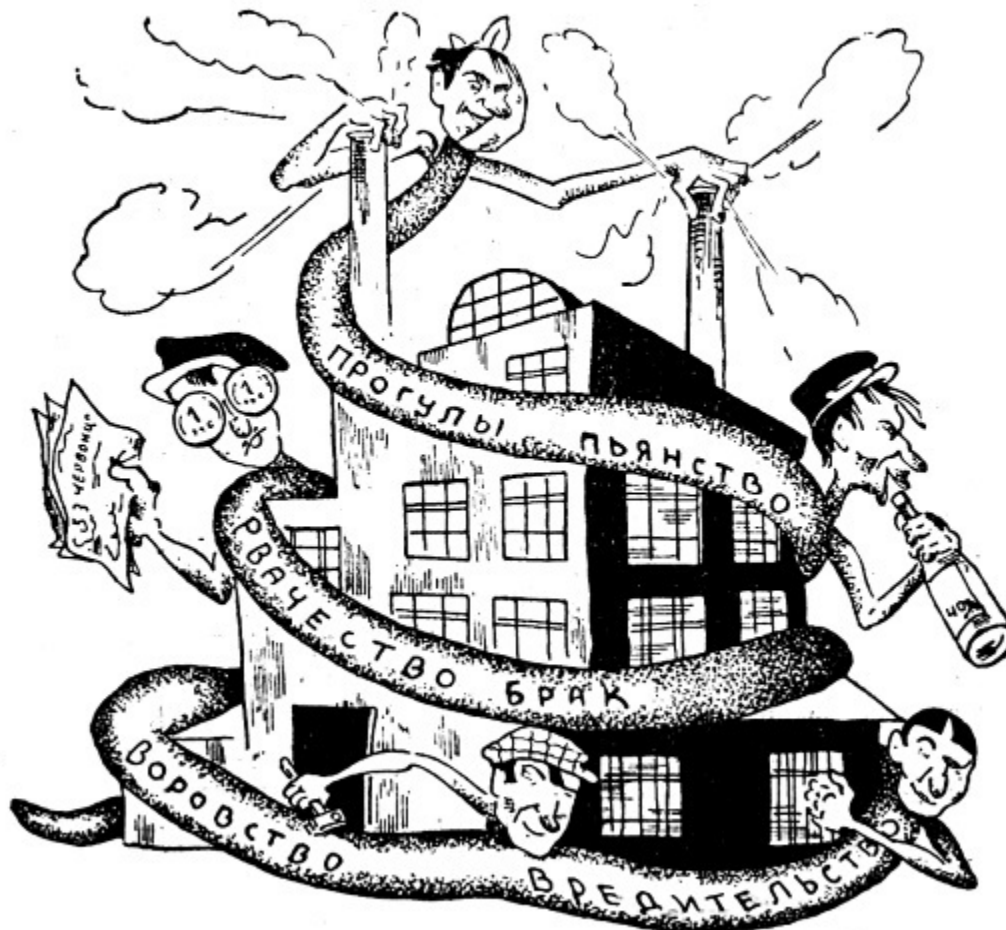
Вот с этой-то „Вены“ все и начинается!

Что ни угол – то пивнуха!..

И другой раз обидно за свой рабочий Володарский район».

ГУЛЯЕМ

За июнь, июль и август балтийцы „прогуляли“
87 тыс. рублей

Эти гады были бы рады проглотить родной завод

Балтиец. 1929. № 41 (151). 22 октября. С. 2

Пиво могли продавать не только в пивных, но и в различных столовых, чайных, кипяточных и прочих так называемых «живопырках». В подобные места приходили со своим алкоголем: водку покупали заранее в магазине, а в заведении мешали с местным пивом или лимонадом под нехитрую закуску. Вот как описывается подобное заведение, расположенное на Выборгской стороне, рядом с телефонным заводом «Красная заря»:

«Крепко трещат головы у наших алкоголиков по понедельникам, после вчерашнего гулянья. Работа валится из рук. Надо непременно

„поправиться“, сходить во время обеда, решают они. И как только дело подходит к обеду, несутся они из ворот по проспекту. А тут неподалеку от завода есть так называемая „кипяточная“. Весело вылетают пробки из бутылок в этой кипяточной. Жадно тянут ко рту содержимое бутылки привычные пьяницы, и легкий туман мягко расстилается в их головах. Тут встречают они друзей, которые вообще решили не идти нынче на работу или опоздать до обеда. Здесь же бродят оборванные с красными носами люмпены. Когда-то они тоже работали, но за постоянную пьянку рассчитаны с завода. Теперь пропились в доску и торчат здесь в надежде подстрелить у какого-нибудь старого знакомого двугривенный, чтобы лакнуть лишний раз. А придя после перерыва на работу, „поправившиеся“ энергично берутся за дело, но только браку выходит у них теперь больше, чем всегда. У некоторых же дело складывается так, что после поправки на работу идти уже не приходится. Неудобный сосед у завода эта кипятильная»^[105].

«Диагноз: второй день получки»

«Ужасом веет в рабочих районах в дни получек. <...> Люди, что отравленные мухи, шатаются по улицам заводского квартала. С бессмысленно блуждающими глазами ходят наши рабочие, выпускают какое-то бормотание вместо песен.

Загляните в пивные, – какое отталкивающее зрелище представится вашим глазам! Люди, подобные животным, сидя кто на чем попало, даже на полу, как дикари держат в грязных руках кусок, похожий на колбасу, и рвут его зубами, запивая самогоном, политурой и пивом»^[106].

Такие картины из жизни рабочих представляла профсоюзная печать в середине 1920-х гг. Мечты идеологов нового общества о том, что после революции завод станет дворцом труда, укомплектованным политически сознательными, грамотными, добросовестными и обученными профессиональному мастерству рабочими, разбивались о неприглядную реальность.

Особенно масштабные формы пьянство приобретало в дни получки – это счастливый и тревожный день, обещавший строителям социализма вечер, полный свободы, ухарства и приключений:

«Получка»!!!

Пьяница, ликуя,

Гудка нетерпеливо ждет.

Его семья, беду почуя, —

С утра дежурит у ворот.

Не о семье в башке забота, —

(Пускай на холоде стоит).

Минуя главные ворота,

К «Павлухе» пьяница бежит.

Сюда с утра вонючей лавкой

Стеклись общества «цветы»:

Герои драк, шпана с канавы,

«Ширмач»^[107], сбежавший от облавы,

«Марухи», гопники, коты,

*Сюда пришел и наш пьянчужка,
За столик сел и постучал...
И, как к возлюбленной, он к кружке
Губами трепетно припал.
А там пошло...
За кружкой кружку
Глощает, меру потеряв.
И уж какая-то «подружка»
Куда-то тянет за рукав^[108].*

Подобные особенности времяпрепровождения приводили к прогулам и убыткам, что особенно беспокоило власть:

«Среди значительной части рабочих сохранилась традиция „спрыскивать“ получку пьянкой.

Получив деньги, они идут в пивную, где и пропивают заработок, вместо того чтобы использовать его на свои хозяйственные нужды.

А на следующий день такой рабочий не идет на работу, а если и является на производство, то заваливается спать или, не будучи в состоянии чего-нибудь соображать, ломает при „работе“ машины.

Каждый следующий за получкой день приносит производству тысячные убытки»^[109].

Большей частью рабочие пили в дни получек (чтобы уменьшить вред, один из рабкоров предложил выдавать получку перед днями отдыха), а также во время праздников и дней отдыха. «Сегодня престольный праздник. Пьянство. Рабочие ходят друг к другу в гости. В казармы „батюшку“ пригласили молебен служить. Входит он в одну комнату, а гости в растяжку валяются. Хозяин под столом, половики сбиты, на столе водка. < . > Вечером веселье в разгаре. Песни, пляска, все пьяные, „коммунисты“ тоже не отстают», – такую картину праздника нарисовал знаток рабочего быта И. Жига в публицистических очерках «Думы рабочих, заботы, дела» (1927 г.)^[110].

В 1920-е гг. отмечались как новые, советские, праздники – 22 января (День 9 января 1905 г.), 12 марта (Низвержение самодержавия), 18 марта (День Парижской коммуны), 1 мая (День Интернационала), 7 ноября (День пролетарской революции), так и дореволюционные, религиозные – 7–8 января (Рождество Христово), 19 января (Крещение Господне), 7 апреля (Благовещение), 19 августа (Преображение

Господне), 28 августа (Успение Богородицы). Нерабочими были также Страстная суббота и второй день Пасхи, Вознесение Господне и Духов день. И те и другие праздники советские граждане отмечали с употреблением алкогольных напитков.

Журнал «Производственное совещание» в 1926 г. зафиксировал рост субботных и понедельничных прогулов, носивших «похмельный» или «запойный» характер^[111]. Газета «Красный путиловец» 26 июля 1927 г. сообщала: «После получки наши рабочие болеют больше. Бывали случаи, когда по 20 человек из цехов приводили пьяных, которых с почетом выводят за ворота для дальнейшего лечения». Массовыми прогулами, нарушавшими производственные процессы на предприятиях, отмечались и послепраздничные дни, когда на некоторые заводы не являлись по несколько сотен рабочих.

Жалобы и призывы что-либо изменить в основном неслись со стороны женщин. Работница Судостроительного завода имени Андре Марти описывала, что происходит в этот день в расположенной неподалеку столовой: «Загляните в столовую „Пролетарий“ по Мясной улице, дом 16. Что там творится в дни получек, Аллах ведает! В столовой процветает пьянство. Взяв в кооперативе водки, рабочий ловко вышибает пробку на панели около входа, а потом в столовой, точно дома, выпивает. Администрация слепа, она потеряла обоняние и зрение и не видит и не чувствует запаха алкоголя, совершенно не следит за этим недопустимым явлением. Да и мы, товарищи, плохо видим, а если и увидим, что пьет наш сосед по столику, махнем рукой: мол, не наше дело, пьет и пусть пьет, лишь бы в душу шло. В 7 часов заперт вход с Мясной улицы, а оставшихся посетителей выпускают через запасный выход, с улицы Войти-ка. Вот тут-то и можно наблюдать около 7 1/2 часов, как из столовой выходят вдрызг пьяные. Мне случайно пришлось наблюдать такую картину: выпущенный из столовой пьяный мужчина пристроился с площадки, вообразив, что он в уборной, по лестнице пошел запах перегара. Пора прекратить это безобразие. Авторитет столовой нужно охранять. Столовая – наше достижение. Правление к-ва „Пролетарий“, подтяни кого следует!»^[112].

Причины внимания к проблеме женщин вполне понятны: они были не только работницами, но и женами. Прожить на зарплату простого рабочего и так было нелегко, а если значительная ее часть

пропивалась, то ситуация становилась совсем тяжелой. Речь шла не о невозможности купить лишнюю игрушку детям или предмет гардероба, а самой обыкновенной еды. Для жен и матерей добрая традиция «спрыска получки» с последующим загулом на несколько дней была кошмаром, лишаящим семью шанса на достойную жизнь. Из-за этого они готовы были унижаться и стеречь мужа у проходной, стараясь отобрать деньги до того, как он попадет в пивную. Таких несчастных называли «буксирами»:

«Сегодня – день получки. День радостных надежд, исполнения желаний для одних и для других – целые сугробы несчастий, скорби и прочей прелести приносит этот день.

Медленно двигаются стрелки по циферблату часов. Всем хочется скорее за ворота, а они точно и в самом деле хотят задержать.

Но вот один за другим звонят звонки, вот мы уже пошли и вот наблюдаем уже такую картину.

Около заводских ворот газетчик неистово кричит: „Красная Газета“, „Вечерняя Красная“... а народ рабочий толпами выходит из заводских ворот. У большинства радостно возбужденные и довольные лица, а некоторые, боязливо озираясь, стараясь в три погибели согнуться, почти бегом удирают от завода, точно за ними гонятся какие-то темные силы.

Тут же, рядами вдоль стенки, стоит несколько женщин и, вытянув свои, как у журавля, тонкие шеи, внимательно выискивают знакомые фигуры мужей. Некоторые счастливицы сразу находят своих, подхватывают их под ручку и мигом исчезают в толпе уходящих рабочих. Но только много и таких, на лицах которых растерянность и горькое разочарование. Разводят руками. „Ведь опять удрал, мой ирод-то! Улизнул, проклятый“.

„Да где же тут углядеть, бабонька, в этом скопище народу, – говорит другая, – нельзя толком разглядеть, все время мешают, а некоторые еще нарочно толкнут, чтобы на них было обращено внимание“.

„А этой минуты моему пьянчужке довольно: шмыг и нет его. Коли хочешь выследить, так иди смотри подальше, да встань в сторонку, вот и попадется“.

Потоком выливаются, как лава из огромной пасти заводских ворот, синеглазники. Вот проходит группа рабочих, что-то говорят между

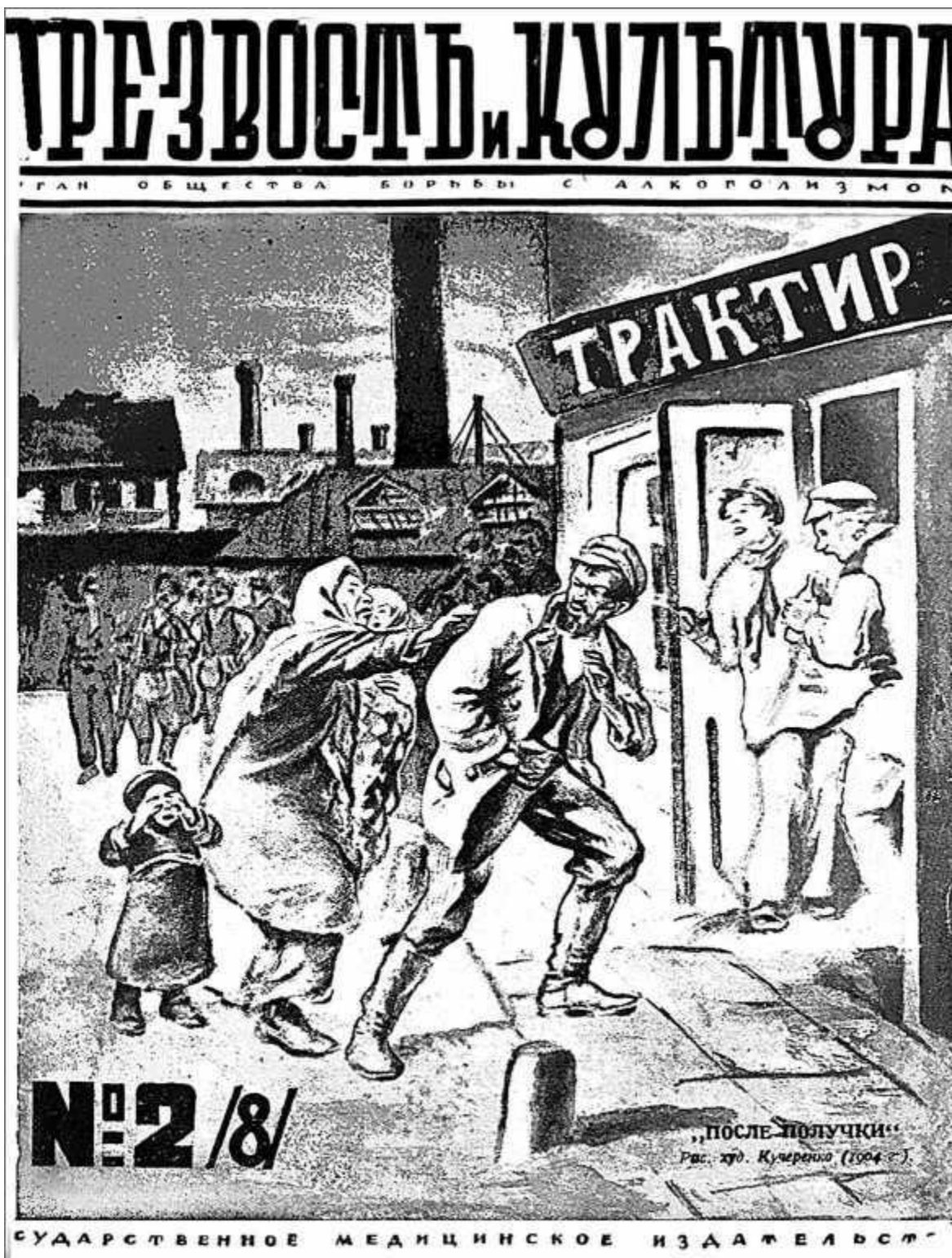
собой. И только осторожное ухо улавливает отдельные фразы: „Скорее. Скорее. Видишь, буксиры пришли“. И тут же отпускают насмешки какой-то женщине, очевидно, прозевавшей уже своего благоверного. В жалком рубище стоит она, полузамерзшая

от холода. Глазами, полными слез, смотрит в опустевшие заводские ворота.

„Эй, бабонька, иди домой, ничего не увидишь больше“, – говорит какой-то старый токарь.

Подошел газетчик, складывая газеты в клеенку, с ехидной улыбкой заметил: „Спать не надо. Долго спала, вот и прозевала“. И, смачно сплюнув на панель, зашагал дальше, выкрикивая на ходу: „Красная вечерняя, вечерняя красная“.

У ближайшей пивнушки большая толпа, шум, гвалт, свистки. Очевидно – драка. До уха доносится звук разбиваемой бутылки, потом стоны»^[113].

Обложка журнала «Трезвость и культура».
1929. № 2(8)

Для воздействия на неразумных мужчин использовали детей, которые стояли перед проходной с плакатами с надписями «Пьющие родители – своих детей губители», «Мы против пьянства отцов», «Отец, брось пить», «В рюмке тонут больше, чем в море» и др. Некоторые матери брали детей, чтобы те помогли отловить пытающихся скрыться с деньгами отцов. Так, например, поступала жена одного из рабочих завода «Красный треугольник»: «У ворот завода „Кр. Треугольник“ в день получки ни проехать, ни пройти. Да оно и немудрено, и удивляться нечему, если вы услышите в этой толпе ожидающих, преимущественно женщин, такие разговорчики:

– Хоть бы в дни получек не продавали бы ее, окаянную. Как пить дать, опять нажрался. Уже все прошли, а моего нет.

– Не плачь, тетка! Не пропадет, хоть пьяный, а домой придет.

– А мой-то! Вторую получку меня за нос водит: я жду на Обводном, а он по Таракановке и прямо на вокзал, и жрет.

и жрет. без порток ходит, а получку пропивает. Побегу скорей в буфет, а то опять без копейки сиди две недели.

– А я так, бабоньки, вот как делаю: сама здесь стою, одну дочку – на Петергофский, вторую – на Таракановку. Тут уже без промаха, наверняка домой трезвый и с получкой доставим. А вот и он, – ишь, как сыч, озирается... Врешь, не уйдешь!.. До свиданья, бабоньки.»^[114].

Образ жены рабочего-выпивохи не мог не вызывать сочувствия. Зачастую ей приходилось сталкиваться не только с отсутствием зарплаты, но терпеть домашнее насилие, ругань и другие выходки благоверного. В романе К.К. Вагинова «Гарпагониада» на чувство жалости давила артистка, выдавая себя за несчастную «жену алкоголика». В ее песне есть такие слова:

*Брожу я нищая, голодная и рваная,
Весь день работаю на мужа, на пропой,
В окно разбитая луна смеется пьяная,
Душа истерзана, объята тоской.
Не жду я радости, не жду я ласки сладостной,
Получку с фабрики в пивнушку он несет,
От губ искривленных несет сорокоградусной,
В припадках мечется всю ночь он напролет.*

*Но разве брошу я бездушного, безвольного,
Я не раба, я дочь СССР,
Не надо мужа мне такого алкогольного,
Но вылечит его, наверно, диспансер.*

А вот не менее проникновенное стихотворение «Пивная или клуб» из «Ленинградской правды» от 2 февраля 1926 г., где лирический герой уже рабочий, которому пивная нужна чтобы скрыться от надоевшей работы и ноющей жены:

*Хорошо, хорошо в пивной —
Шуму, гомону сердце радо,
Мозг качает зыбкой волной
Огневого, хмельного яда!*

*В будни, в будни – суровый труд,
Плач жены, голышей орава, —
Что ж я, даром, что ль, спину тру?
Не имею на праздник права?^[115]*

Некоторые пьяницы не ограничивались ближайшей пивной, а кутили по-крупному. Так, дежурный общежития охранников расположенного на Васильевском острове радиоаппаратного завода им. Казицкого (бывший завод акционерного общества «Сименс и Гальске», после национализации получивший имя создателя большевистской организации в цехах завода Николая Григорьевича Казицкого) после получки обычно напивался и ехал в «Бар». Там он кутил до 2–3 часов ночи, а затем приезжал в автомобиле с проституткой. Спустя неделю шел в венерическое отделение и преспокойно лечился ^[116].

О ситуации с пьянством и провале борьбы с ним на том же заводе рассказывает статья «На борьбу с алкоголем»: «Нашей культкомиссией обсуждался вопрос о создании в заводе ячейки по борьбе с алкоголем.

Дело, кажется, дальше обсуждения не пошло. А для борьбы с этим злом много и членов ячейки также найдется. Работа большая и трудная. Среди рабочих и служащих нашего завода любителей выпить есть достаточно. Они вносят дезорганизацию и в производство, и во всякую другую работу. Взять хотя бы последнюю экскурсию в Павловск. Без пьянок не обошлось, а следовательно, отсюда и непорядок, и неудовлетворенность экскурсией. А какой вред приносит пьянка в семье рабочего. Деньги, оставленные в пивной, семья голодная, муж рычит, и создается крошечный ад. Кроме того, мы являемся ежедневными свидетелями безобразнейших сцен, которые творятся на 7-й и 6-й линиях против нашего клуба. Мат, драка, шинкарство, проституция процветают повсюду. А дни получек и после получек? Это обильная жатва пивнух и госспирта. Пивные по Малому проспекту, 6-й и 7-й линии в эти дни заполнены казачками до отказа. А сколько по пьянке прогулов и бюллетеней? Для борьбы с этим злом два пути: нужно поднять голос общественности о закрытии пивных и госспирта в районе завода и клуба, поставить на широкое обсуждение вопрос о борьбе с алкоголем и работе противоалкогольной ячейки. Возбудить вопрос о сокращении торговли водкой и пивом в субботы, праздники и послепраздничные дни. Развернуть агитационную работу за уменьшение пьянства. Кроме того, взамен пивных надо настойчиво требовать создание красных советских чайных, где можно было бы выпить чаю и закусить, а также получить то или иное культурное обслуживание. За эту работу следует взяться партии и профорганизации, а также женорганизации завода»^[117].

Муж-отец-брат – пьяница стал неким устойчивым сюжетом для 1920-х гг. Даже у торговки бубличками в одной из самых популярных и известных песен эпохи отец – пьяница, а мать из-за этого близка к могиле:

*Отец мой пьяница,
Гудит и чванится.
Мать к гробу тянется
Уж с давних пор.*

Справедливости ради надо сказать, что в году были по крайней мере два праздника, когда «до положения риз» напивались женщины. И это не 8 Марта – Международный день работницы, а день Жен-мироносиц (второе воскресенье после Пасхи) и Покров (14 октября). Эта традиция шла еще с дореволюционных времен и сохранилась в большей степени на предприятиях текстильной и пищевой промышленности, где было много женщин-работниц. Начинался праздник, как правило, с застолья, а заканчивался уличным шествием пьяных женщин-матерей с плясками и песнями.

Вечера в день получки обычно оканчивались мордобоем. Не был исключением и район Нарвской заставы, где находился один из исторических центров революционного движения – Путиловский завод, в 1920-е гг. называвшийся «Красный путиловец». Спустя менее 10 лет после Октября его рабочие поражали своей несознательностью:

«В день получки на „Кр. Путиловце“ стонет застава от драк и побоищ.

Дерутся на улице, в пивной, в квартире.

И поздно вечером в путиловскую больницу „скорая помощь“ доставляет раненых и избитых.

Большей частью это пьяные бузилы-рабочие, которым без выпивки в получку „тошно“.

Был случай, когда в больницу был доставлен тяжело больной, нуждающийся в экстренной помощи. Но таковую больному оказали только спустя три часа, так как медперсонал „успокаивал“ только что доставленных буйствовавших бузил.

Такие случаи очень часты в путиловской больнице им. Володарского»^[118].

«Впрочем, даже если рабочий пропивал получку дома, это не являлось гарантией спокойствия и порядка. Знакомьтесь: Бандорин Константин Васильевич, отец семейства, имеет 5 детей. Работает в м<астерс>кой Ремонт 1 зав. раб. № 31973. В квартире занимает одну комнату. Кроме трех малолетних детей, два сына-комсомольца. В квартире есть еще 6 ч. детей младшего возраста. „Этот почтенный отец семейства считает своим долгом каждую субботу и в дни получки напиваться пьяным, являться в квартиру и устраивать дебоши. Оглашает свою квартиру громкой, отборной площадной бранью. Жильцы квартиры шарахаются по комнатам, затыкая уши, чтобы не

слышать пошлостей Бандорина. Горе тому жильцу, который призовет к порядку пьяного зверя, – на него полетят стулья и табуретки“»^[119].

Чаще всего семейные скандалы обходились без вмешательства милиции. Считалось, что дебош – это нормальная часть пьянки, но иногда вмешательства правоохранителей все-таки было не избежать. В таких случаях инцидент попадал в милицейские сводки. Например, 15 сентября 1925 г. сообщалось: «На территории 8-го Отделения, по Палевскому пер. д. № 3 гр-нином СТЕПАНОВЫМ Иваном Васильевичем, будучи в нетрезвом виде, был устроен в квартире дебош. Выбив в коридоре раму со стеклами и нанеся побои своей жене, не довольствуясь этим, нанес побои железной кастрюлей в голову гр-нину ГРИГОРОВИЧУ Валериану, каковой с проломом головы отправлен в больницу при Пролетарском заводе. Виновный задержан»^[120]. Гражданину Степанову «не повезло». Если бы он только избил жену, на его пьяную выходку вряд ли обратили бы внимание. Но он нанес тяжкие телесные повреждения постороннему лицу и за это поплатился.

Ленинградский рабочий мог ощущать, что у него значительно больше прав и привилегий, все-таки он представитель привилегированного класса советского общества. В рассказе М. Зощенко «Тормоз Вестингауза» собутыльники подначивали пьяного рабочего Володьку дернуть стоп-кран в поезде. Последний самодовольно заявлял: «Ты мое самосознание не задевай. Не могут меня замести в силу происхождения. Пушай я чего хочешь сделаю – во всем мне будет льгота»^[121].

Газета рабочих и служащих Ленинградских главных мастерских и службы эксплуатации Балтийского вокзала Северо-западной железной дороги сообщала о таком случае: «30-го августа весовщики Трупин и Филиппов до того были пьяны, что дальше в цеху оставаться не могли: были сняты их рабочие марки, и им предложено идти домой. Но пьяный зеленый змий легко себя не дает в обиду, нужно немного побузить, – так это и сделал тов. Трупин. Излаял он пом. мастера Миняева, оскорбил представителя охр<аны> труда Панова, предложившего ему уйти по-хорошему и не отрывать администрацию от дела, словами: „А что вы понимаете – как свинья в апельсинах“, не помогла также и помощь коменданта. Это еще полгреха, что парень напился и пошел домой, но у него хватило нахальства идти к врачу

медпункта и просить у него удостоверение в том, что он совершенно трезв...» [\[122\]](#).

«Пасхальные» и «троицыны», субботние и понедельничные прогулы стали обыденностью в Ленинграде (как и в других советских городах) после введения свободной продажи водки. Этот вид досуга многими считался «нормальным». Пили практически все – мужчины и женщины, старики и подростки. В отсутствие культуры умеренного потребления алкоголя выпивка почти всегда влекла за собой агрессию.

Работа пьянке не помеха

Алкоголизм населения тревожил бы власти намного меньше, если он не проникал непосредственно на производство. Некоторые рабочие были уверены, что «под мухой» работается не только легче, но и продуктивнее. В газете «Красный железнодорожник» доктор Герасимов старался разубедить их: «Хотя у многих людей и сложилось убеждение, что для хорошей работы необходимо выпить, однако научное исследование этого вопроса доказывает обратное. Работоспособность под влиянием алкоголя не только не увеличивается, но даже заметно уменьшается»^[123]. Упомянутый выше врач Э.И. Дейчман пришел к выводу, что доход от продажи спиртного был значительно ниже тех потерь, которые получаются вследствие распространения на производстве пьянства, приводившего к браку, прогулам и порче оборудования.

Совместное потребление алкоголя превратилось в один из факторов формирования трудовых коллективов, установления неформальных личностных отношений на производстве. В годы нэпа быстро возродились дореволюционные традиции «пропоя первой получки», «обмывания нового сверла», «спрыскивания блузы» и т. д. Коллективистский дух советской производственной среды играл определенную роль в том, что в недрах этой среды формировались устойчивые коллективы собутыльников.

Наконец, алкоголь способствовал утверждению неформальной заводской иерархии, выполняя роль освященной обычаем взятки – «магарыча». Чаще всего получателями магарыча выступали мастера, от которых зависели распределение станков, работ, установление расценок и, в конечном счете, выработка и зарплата.

На предприятиях выпивали больше, чем позволяла трудовая дисциплина. Пьяные передовики производства, прогулы из-за злоупотребления алкоголем, пьяные дебоши на собраниях – все это регулярно фиксировалось в материалах политического контроля.

Иногда в источниках проскальзывают даже требования рабочих организовать торговлю спиртным на самом предприятии. Урон производству особенно болезненно воспринимался в условиях

государственных установок на возрождение и дальнейшее развитие промышленного производства.

Только на заводе «Красный треугольник» в 19281929 гг. задержали 980 нетрезвых человек, прогульщиков – 9298 чел. Показательна ремарка рабочего корреспондента, приведшего эти данные: «Цифры не оглушительные, но, думается, достаточно громкие, чтобы разбудить нашу уснувшую антиалкогольную активность»^[124], т. е. почти тысяча только задержанных в пьяном виде за год для одного завода не являлась чем-то шокирующим! «На Металлическом заводе на следующий день после пасхи также было много прогулов: рабочие умудрились прогулять 16 тысяч рабочих часов в один день»^[125].

При этом остановить пьянство лишь репрессивными мерами было невозможно: во-первых, квалифицированные рабочие были в дефиците, а во-вторых, именно рабочие считались опорой новой власти, авангардом общества. Необходимо было апеллировать к их пролетарской сознательности, в том числе и с помощью поэтического слога. Вот один из подобных примеров, стихотворение «За трезвость!»:

*Нельзя молчать, когда «внутри нас»
Алкоголизм калечит люд,
Большой опасности подвергнув
Наш пролетарский вольный труд.
Спиваясь истинно «по-русски»,
Преступность «спойкою» крепя,
Мы наблюдаем – зло привилось
В союзный кадр молодняка.
В часы досуга за бутылкой
В пивнухе грязной, матерной
Наш молодняк и даже «комса»
Находит «отдых» и «покой».
Шатаясь с мутными глазами,
«Товарец» встретив по себе,
Ругая всех, разбои сеют
В семье, на улице, везде...
Мы должны борьбу сейчас же*

*С сознанием долга объявить, —
Всем пьяным навыкам, привычкам
Не место в жизни новой быть* ^[126].

Увольняли рабочих за пьянки крайне редко. Газета «Красный железнодорожник» приводила следующие данные: «За последнее время увеличилось число лиц, появляющихся на производстве в нетрезвом виде. А поэтому со стороны широкой общественности должно быть уделено самое широкое внимание к искоренению пьянки. Пора от слов перейти к делу, так как за февраль месяц число подвергнутых административному взысканию за появление в нетрезвом виде выразилось в 71 чел. Уволено за это – 2 чел. Пьянка указанного числа лиц влияла на лишний простой и недовыпуск продукции, а также и на качество выполнения работы. По этим же причинам происходят несчастные случаи на производстве.

Пьянство рабочих делает несчастной семью этих рабочих, и не удовлетворяются культурные запросы их самих.

ГЕРОИ ЧИСТКИ

Пьяница

Хулиган

Рвач

Красный треугольник. 1929.
№ 18(57). 4 апреля. С. 2

Проводя культурную революцию, мы сумеем искоренить пьянку как на производстве, так и вне его»^[127].

После знакомства с многочисленными заметками в многотиражной заводской печати может создаться впечатление, что каждый день на всех заводах Ленинграда были едва ли не толпы пьяных. Например, на Балтийском заводе встречаем следующую картину:

«В чугунно-литейном цехе производ. дисциплина отстаёт основательно.

Особенно широко развито пьянство. Пьют на производстве, пьют во время обеда и во время литья, когда нет обеда.

Часто можно видеть в рабочее время, как рабочие по группам и в одиночку в боковые двери отлучаются из мастерской с тем, чтобы выпить за воротами или принести заряд с собой на производство.

Можно видеть даже совершенно пьяных в цехе»^[128].

На том же заводе в модельной мастерской была группа рабочих, именовавших себя «гости дорогие», «которые после аванса и получки приходят на производство под мухой и толкаются целый день в мастерской, ничего не делая.

«В это время у них забота не о работе, а как бы стрелнуть денег на похмелку, а потом эта группа, в составе Муратикова, Шеянова, Дороненкова, Данилова, Ясюкевич, Белоусова, Козлова и др., в обеденный перерыв отправляются похмеляться в „Василеостровец“.

Зав. цехом несколько раз предупреждал эту группу, чтобы они пьяные не ходили на работу, но они все-таки продолжают и только потому, что завцехом в некоторых случаях их скрывал.

Вот пример: временно переведенный маляр Ясюкевич 19 января явился на работу выпивши, и когда стала радиопередача, то он разразился площадной бранью по адресу громкоговорителя. Этот крик донесся до заведующего, который предложил ему уйти домой.

После завцеховской поблажки едва ли можно изжить пьянство на производстве, а если изживать, то надо всерьез и другими методами – методами правил внутреннего распорядка»^[129].

То же было и в прессовой кузнице завода: «Старший кузнец у тысячетонного прессы тов. Федотов 1/III с. г. в 10 часов 40 минут утра до того был пьян, что еле на ногах держался. Если бы не ручки пускового механизма, тов. Федоров наверняка бы свалился.

ПЬЯНАЯ ДОСКА

Задержаны на заводе в нетрезвом виде

Буланкин, П.	раб. №	7659
Яковлев, И.	„ №	12591
Дункель, П.	„ №	13392
Петров, И.	„ №	4677
Новинов, И.	„ №	39184
Александров, И.	„ №	16752
Белов, М.	„ №	4667
Афанасьев, С.	„ №	22731
Иванов, И.	„ №	42068
Федотов, М.	„ №	39433
Жидков, Е.	„ №	15117
Николаев, Н.	„ №	27066
Богданов, А.	„ №	15044
Захаров, Ф.	„ №	15011
Мерзлом, М.	„ №	32221
Жернов, Ф.	„ №	5335
Стаховский, А.	„ №	40502
Петров, И.	„ №	7677
Полянов, В.	„ №	12512
Малышев, И.	„ №	8720
Лесников, И.	„ №	39861
Хватов, И.	„ №	16371
Варго, А.	„ №	8693
Лехтанов, А.	„ №	33459
Антрашкевич, П.	„ №	32472

Администрация все это видела и знала, что Федоров пил, но мер к удалению его с производства она не принимала»^[130].

А вот еще случаи с того же завода:

«Строительный цех по своему объему и количеству людей не так большой, а пьянства, наверное, больше всех.

Для этого у него масса по заводу своих уголков, а исторически „пьяной“ является кровельная мастерская, в которой заправилами пьяной лавочки – Медведев и Ларионов.

Медведев в месяц почти 3 недели все бывает с похмелья и стреляет тогда у всех рабочих на поправку, и это продолжается с получки и с бон, а с аванса само собой; второй же уголок – это кладовка инструмента железнодорожников. Пьют без стеснения, а в этой пьяной компании заводилой является тов. Канява, блаженный Дмитриев, железнодорожник, немалую роль играет также Рыжов.

Кто же им приносит? Большую долю нужно отнести на живущих в заводе, а также больше всего на извозчиков, работающих на заводе.

Масса извозчиков знакома со строительными рабочими, потому что приходится частенько вместе работать, вот посредством их доставляется вино в завод, а потом все выпивают в укромных уголках»^[131].

На «Электросиле» некоторые напивались заранее, еще до получки: «Выдача зарплаты за II половину января производилась 7-го февраля, но уже накануне заядлые алкоголики 43 отд. стали „накалывать“ под предлогом, что, мол, забыли на обед, и под обеспечение завтрашней получки.

Тов. Пополитов запил еще накануне получки и до обеда 9-го числа не работал вовсе. В пьяном деле Пополитову деятельно помогали т.т. Касаткин и Витковский.

7-го и 8-го – стропальщик Захар был пьяным на производстве, а 8-го после обеда настолько охмелел, что разметчики и токаря боялись пользоваться его услугами. Не забыл горькой и т. Еремеев, работающий на роторах»^[132].

В обеденный перерыв рабочие бегали в магазин, рядом с которым их уже ждали «торговки с селедками и даже с горячей картошкой»^[133]. Особенно много шума бывало, если «засветился» партийный, который должен своим примером отводить товарищей от бутылки. На заводе им. Марти устраивался даже шуточный конкурс пьяниц, одним из

кандидатов на победу в котором был трубопроводчик слесарномеханического цеха Фролов, старый член партии, который неоднократно появлялся на производстве в пьяном виде. На замечания цехячейки № 1 и товарищей о недопустимости таких явлений «Фролов отделялся известной русской отговоркой... матерщиной... Также на замечания Отсекра Кол-ва (ответственного секретаря коллектива ВКП(б). – Авт.) т. Федорова Фролов угрожал побить морду. Решили не разводить „мордобоев“ и послали тов. Фролова лечиться от алкоголя. Казалось, что несчастный вылечился, но меньше чем через 2 недели уже дебоширил в кабинете главного механика с $\frac{1}{2}$ бутылкой за пазухой»^[134].

Пили на работе и в тех отраслях, где это могло иметь (и имело!) самые трагичные последствия. Вот что происходило на Мурманской (с 1935 г. – Кировской) железной дороге, важнейшей стратегической транспортной артерии, связывавшей Ленинград с Мурманском и построенной в условиях Первой мировой войны:

«Плохие климатические условия, отдаленность и заброшенность края делают службу на Мурманке непопулярной.

Набирать работников для Мурманки – задача не из легких. Единственно этим можно объяснить (но не оправдать!) то, что бригада злополучного поезда, устроившего крушение при Челме, была составлена таким образом:

Один кочегар, – как говорили про него товарищи, – „без клепки в голове“;

другой – только что из исправдома, где отсиживал за хулиганство;

помощник машиниста – без прав на это звание;

сам машинист Григорьев – дегенерат (установлено врачебной комиссией еще до катастрофы), почти без практики.

„Дикая бригада“, как назвал ее на суде т. Томашевский.

Мудрено ли, что при таком способе набора бригад бывали и такие случаи, когда вся паровозная бригада напивалась вдребезги и валила поезд под откос. У ст. Кивач паровозная бригада уже после того, как благополучно разбила поезд, продолжала распивать „лимонную“ даже на обломках тендера! Судившийся за это в настоящей выездной сессии Губсуда машинист Яковлев получил 8 лет лишения свободы.

Пьют на Мурманке жестоко, и в свободное время, и за работой, почти всегда. Начальник станции Челма Кофтунович даже на суд

явился в пьяном виде и был за это арестован на две недели»^[135].

Любили выпить и пассажиры. В конце 1927 г., «ввиду участвовавших случаев пьянства пассажиров в поездах по линиям Октябрьской дороги, вменено в обязанность кондукторской бригаде и проводникам вагонов не допускать пьяных пассажиров в поезд, а напившихся в пути – высаживать»^[136].

В самом Ленинграде могли отличаться капитаны кораблей, курсировавших по Неве: «На днях с капитанского мостика парохода „Горлица“ был снят пьяный капитан Рейнфельд. В работе Госпароходства это не единичный случай. В прошлом году, почти в это же время, погиб „Буревесник“. Одна из причин гибели – пьянство капитана. Предшественник Рейнфельда не так давно потопил яхту „Орленок“. За год судостроители имели несколько аварий.

Капитаны двух буксиров с лесными баржами устроили... гонки на пари. В результате – гибель баржи с лесом. Трезвому капитану вряд ли придут в голову такие „рысистые испытания“.

В папке с делами аварийной комиссии, так ревностно скрываемых от взора непосвященных, хранится много случаев нарушения трудовой дисциплины. Госпароходство должно, наконец, хотя бы на тяжелых уроках прошлого, научиться требовать от своих подчиненных ответственного отношения к делу.

Госпароходство обязано гарантировать пассажирам эту безопасность. Нельзя рисковать жизнью людей на воде только потому, что „капитан любит выпить“.

Пьяную традицию надо выжечь из советского флота, а не смотреть сквозь пальцы на пьяные преступления»^[137].

После кутежа в заведении некоторых тянуло обратно на родной завод. Коменданту Петрозавода точно запомнилась одна из летних ночей 1928 г. Ровно в 2 часа ночи сторож дал тревожный звонок. Комендант вскочил с постели и кинулся к воротам:

«На улице стояли предзавкома Иванов и рабочий Зенков, имевшие весьма пьяный вид. После долгих пререканий комендант был вынужден открыть ворота и пустить гостей в проходную контору. Иванов подбежал к телефону и позвонил директору:

– Браток, дай червонец!

Ответ оказался, по-видимому, не совсем благоприятным. Иванов швырнул трубку и ласково начал „стрелять“ денег у сторожей, чтобы

заплатить шоферу автомобиля, доставившего гостей из „Бара“ на завод.

Комендант ушел в обход. Вернувшись, он узнал, что гости получили от сторожа 7 рублей, но не ушли, а, наоборот, комфортабельно устроились в медпункте.

И с ними – „дама“.

Комендант бросился в медпункт. На кровати возлежали Иванов и Зенков. „Дама“ пудрилась перед зеркальцем. Когда комендант предложил ей предъявить документы, она фыркнула:

– Вот новость! Я здесь в первый раз, что ли?

Заснувшие Иванов и Зенков не слышали, как выгоняли их „даму“ с завода, как отправляли ее в милицию и как милиционер, тщательно исследовав вопрос, деловито объяснял коменданту, что означенная „дама“ является профессионалкой, имеющей хождение в „Баре“, и помимо этого ни в чем предосудительном не замечена. Иванов и Зенков спали до утра. Потом они умылись и отправились на работу».

Случай обсуждался на собрании актива перед перевыборами бюро. Показательно, что на собраниях многие защищали товарищей. Один из провинившихся, председатель заводского профсоюзного комитета завода Иванов, также всегда с пониманием относился к слабостям других. Одному из тех, кто все-таки начал его критиковать, он ответил: «Как тебе не стыдно? Ты вспомни: когда ты пьянствовал, мы к тебе отнеслись как к своему парню, даже на бюро не вызвали, не выдавали тебя, а теперь ты нас копаешь. Позор!»^[138].

Иногда выходки начальства приобретали просто скандальный характер. Например, в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга хранится протокол заседания Петроградского губернского отдела Всероссийского союза рабочих-химиков от 8 февраля 1923 г., на котором обсуждались неблагоприятные поступки заведующего отделом охраны труда Большакова, устроившего дебош на праздновании пятилетия партийной организации Охтенского порохового завода: «Во время приветствия в Порох[овом] Театре тов. БОЛЬШАКОВ успел напиться спиртных напитков и навеселе стал негодовать на то, почему <...> ему фракция не доверила приветствовать с праздником Пороховск[ий] Коллектив РКП(б).

2) Во время ужина в клубе при Капсюльном заводе, где также были приглашены и беспартийные, к тов. БОЛЬШАКОВУ стали приставать в шутку, чтобы он сказал что-нибудь для приветствия. Обиженный тов. БОЛЬШАКОВ, предварительно поссорившись с окружающими его товарищами, встал на стул и стал кричать, что я не уполномочен и говорить не буду. Над ним еще больше стали трунить особенно беспартийн[ые] т.т. АНАНЬЯН, АПАСОВСКИЙ и др., которые пришли также навеселе и по его адресу сыпались лозунги “ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРОФСОЮЗНИК” и ПРОФСОЮЗ в целом.

3) Во время ссоры на ужине тов. БОЛЬШАКОВА с товарищами происходила перестрелка солеными огурцами и помидорами, а уже после ужина между ним и беспартийным КАРЯГИНЫМ завязалась ссора крупных размеров, – финал получился плохой»^[139].

Таким образом, потребление алкоголя в 1920-е гг. превратилось в освященную временем традицию заводской жизни, стало частью не только бытовой, но и производственной повседневности. Несмотря на перманентную борьбу администрации предприятий с этим злом, водка и пиво не исчезли из цехов и мастерских, а заводской пьяница, появляющийся на работе в нетрезвом виде, стал одним из наиболее узнаваемых типажей советской заводской культуры.

Пошел «по проспекту настоящим „африканцем ходить»

Отсутствие такого повода, как праздник, зарплата или выезд на природу, не могло остановить желающих развеяться. Об этом можно узнать, например, из опубликованных списков провинившихся. Так, под заголовком «Беспощадная война пьянству! Пьянство, разоряя бюджет рабочего, вместе с тем нарушает нормальный ход производства. Пора положить конец пьяному разгильдяйству» в газете «Красная заря» даны краткие характеристики деятельности некоторых рабочих:

- «1. Афанасьев, А. Релейная. Буйство и сопротивление милиции.
2. Данилов. Никкелировочная. Пьянство и буйство в клубе.
3. Евдокимов. Никкелировочная. Пьянка и буйство в клубе.
4. Киселев, Г. Релейная. Ругань и пьяные скандалы в клубе и на улице.
5. Спиридонов, П. Баккелитовая. Озорство в пьяном виде.
6. Хасеинен, Ал-др. Револьверная. Драка и скандал.
7. Шарыгин, Г. Пожарник. Останавливает трамваи, бросаясь под них пьяным, оскорбляет милицию.
8. Исайкин, Г. Инструм. – слесарная. Пьяные скандалы.
9. Невздомский, К. Релейная. Буйство в пьяном виде.
10. Горланов, А. 43 Релейная. Скандал в клубе.
11. Торгин. 43 Релейная. Появляется на работе в пьяном виде»^[140].

Алкоголь толкал людей на поиск приключений, в результате чего подчас происходили весьма забавные случаи. Например, рабочего Василия Петровича спровоцировали собутыльники, один из которых рассказал, что «вот в Африке, например, где на манер нашей Невы – речешка Нил течет – голый народ живет и африканцами прозывается». В порыве борьбы с таким предрассудком, как одежда, впавший «в амбицию» Василий Петрович разделся и пошел «по проспекту настоящим „африканцем“ ходить»^[141].

Справедливости ради стоит отметить, что пьяными выходками отличались не только рабочие, но и представители других слоев общества, которым статус предписывал более достойное поведение.

Например, в милицейской сводке Ленинграда за 7 декабря 1925 г. встречаем сообщение о том, что в 23 часа в Управление 1-го Отделения милиции доставили священника Троицкой церкви Александра Васильевича Петровского, 57 лет, «за дебош в пьяном виде на улице»^[142].

Церковь, кстати, также могла стать местом пьяных выходок. Так, 14 апреля 1927 г. два ленинградца без определенного рода занятий, «будучи в пьяном виде, вошли в церковь Вознесения на пр. Майорова (ныне – Вознесенский пр. – Авт.), где приставали к церковнослужителям, ругаясь неприличными словами. На предложение находящихся в церкви граждан прекратить ругань и удалиться таковые не подчинились и при отправлении в Отделение, по дороге, побили сопровождавшего их дворника»^[143].

Алкоголь мог превратить в фарс любое событие, даже похороны. Когда в типографии газеты «Ленинградская правда» (да-да, в которой постоянно бичевали любителей девиантного досуга) умерли наборщик и работница, попрощаться с ними пришлось очень много товарищей по работе. Был и оркестр.

«У ворот типографии остановились двое дрог. На одних дрогах стоял дубовый гроб, покрытый „церковным покрывалом“, на других – сосновый красный, привязанный веревками.

К нашему несчастью, одного покойника нужно было вести на Смоленское кладбище, другого – на Волково.

Не знаю, то ли „церковное покрывало“, то ли 26 бутылок водки заставили провожающих во главе с оркестром тянуться на Смоленское кладбище.

Оставим красные дроги с небольшим числом провожающих тянуться на Волково, сами отправимся за „церковным покрывалом“.

Среди провожающих было очень много пьяных, к сожалению, были и партийцы.

„Весело настроенные“ провожатые всеми мерами старались „разогнать“ похоронное „настроение“ остальных. Оркестр играл похоронные мотивы, некоторые приплясывали, таким образом процессия дотянулась до кладбища.

Там честь честью гроб снесли в церковь отпевать, а провожающие до опускания еще гроба в могилу начали „поминать покойничка“...

Один так „допоминался“, что его на дорогах увезли обратно, так как он не был в состоянии стоять на ногах.

Кончили отпевание и понесли гроб к могиле.

Не желая затрагивать праха усопшего, обратимся к живым.

Можете представить себе картину: члены партии несут гроб, сзади поп с пением „Со святыми упокой“ обдавал партийцев „фимиамом“ ладана.

Все бы ничего, да один из активистов, уже „напоминавшись“, задумал повести антирелигиозную пропаганду. „Религиозно“ настроенная публика начала его освистывать и не дала ему „пропагандировать*’»^[144].

Пьянство становится характерно и для различного рода начальников, и зачастую оно вишенка на торте их грехов и злоупотреблений. Власть, как известно, развращает, и облеченные ею подчас слишком нагло и самоуверенно демонстрировали свой высокий социальный статус. Вера в собственную безнаказанность у чиновников приводила к потере чувства реальности, за что, в условиях реальной борьбы за чистоту рядов, можно было поплатиться. Такая участь постигла заведующего губернским отделом социального обеспечения (Губсобеса) Кроликова. Весной 1927 г. Народный комиссариат социального обеспечения направил документ под грифом «совершенно секретно» в Ленинградский губисполком, в котором просил оперативно рассмотреть вопрос о его «предосудительных поступках». К документу прилагались материалы, направленные инструктором Губсобеса товарищем Стрелковым в Ленинградскую контрольную комиссию. В частности, он писал следующее:

«Считаю своим долгом сообщить Губкому ВКП(б) о поведении зав. Губсобесом тов. Кроликова, которое, в силу занимаемого им служебного положения, совершенно

дискредитирует Отдел Губисполкома и Наркомат своими возмутительными поступками, а именно:

1. т. Кроликов, совершенно забывая, что он находится в стенах Собеса (гос. учрежд.), неоднократно вызывал меня в свой кабинет и посылал за водкой, которую и распивал здесь же в кабинете, совместно с другими сослуживцами.

2. Желая использовать свое служебное положение в корыстных целях, т. Кроликов совместно с инструктором т. Егоровым (при

посредстве последнего) намечает в жертву работницу Уездного Кресткома т. Никанорову, бывшую на Съезде, с целью использования в половом отношении. Как передал мне т. Егоров, номер этот т. Кроликову удался».

Далее Стрелков сообщал об амурных делах Кроликова и о злоупотреблениях служебным положением в виде назначения на должности определенных людей. Также он поведал о поездках Кроликова на выходные: «12 февраля (в субботу) т. Кроликов и инструктор Егоров выехали на Собесовской машине в Парголово в Совхоз, где и заночевали без всякой на то служебной надобности, и в результате чего в понедельник 14/II утром, по приезде обоих их на службу из Совхоза, Егоров получает от члена Коллегии НКСО (Народный комиссариат социального обеспечения. – *Авт.*) и члена РВСР (Революционный военный совет Республики. – *Авт.*) т. Царицына И.М. (бывшего в это время на обследовании Собеса) выговор за появление в нетрезвом виде»^[145].

В этом эпизоде хорошо прослеживается взаимосвязь двух девиантных досуговых практик – алкогольных и сексуальных. Действительно, документы свидетельствуют о том, что на подобных пьянках часто присутствовали женщины. Принуждение подчиненных к сексуальным отношениям «под пьяную лавочку» стало практически нормой в советских организациях (этому в немалой степени способствовала высокая женская безработица, заставлявшая конторских барышень держаться за место любыми средствами).

Помимо чисто рекреационных совместные пьянки руководителей разного уровня выполняли и важные социальные функции. На таких посиделках происходило укрепление неформальных связей внутри руководящего слоя. Люди, выстраивавшие по своему усмотрению дополнительные социальные цепочки для защиты собственных интересов, переставали быть просто винтиками большой государственной машины, они приобретали особые корпоративные свойства. Одновременно на неофициальном уровне подтверждалось ранговое превосходство патрона – того, кто занимал самую высокую позицию среди пьющих и распоряжался алкоголем, едой и женщинами. Само по себе приглашение на пьянку служило маркером, отмечающим «своих». Поэтому отказаться от приглашения было практически невозможно^[146].

Совместная пьянка была и способом принятия решений, причем на самом разном уровне и по самым разным вопросам. Вот, например, как оригинально прошло цеховое собрание партийно-профсоюзного актива на заводе «Красный треугольник» (1 сентября 1929 г.): четверо членов цехпрофбюро (Войтус, Ганделович, Маслов и Михайлов), воспользовавшись низкой явкой, вместо широкого обсуждения кандидатур в цеховое профсоюзное бюро устроили попойку, затем наняли автомобиль и поехали кататься по городу, где заодно и сговорились продвинуть себя в цехпрофбюро (что им и удалось сделать на следующем собрании)^[147]. К несчастью для друзей, этот случай получил огласку, и затея провалилась.

Хотя основными потребителями алкоголя были мужчины, женское пьянство также существовало, и женщины самого разного возраста, профессии или социального происхождения становились, наряду с мужчинами, героинями криминальной хроники: работница «Красного треугольника» Дарья Ивановна Решетникова «приводит к себе мужчин и устраивает дома пьяные оргии, не дает спокойно отдохнуть рабочим, живущим по соседству. Устраивает драки и скандалы. 4 июня (1929 г. – Авт.) избивала чайником гр-ку Лютеву, о чем свидетельствует справка врача»^[148]; работница той же фабрики Наталия Николаева (член ВКП(б)!) «у себя на квартире отметила праздник (8 марта 1929 г. – Авт.) вином, пляской и дебошем. Этажом ниже проживал еще один рабочий „Красного треугольника“, товарищ Варилов. От веселья Николаевой ему стало тошно, и поднялся к совсем уже пьяной соседке и предложил: „Нельзя ли потише?“. Николаева ответила: „Это не твое дело и убирайся вон. Сегодня праздник женщины, и я буду пить вино, безобразничать, и никто мне не запретит и ничего не сделает“. Сынок Николаевой в дополнение обложил Варилова 3-этажными словами. Сама же она решила, что Варилов пришел из-за жалобы ее соседки по квартире гр. Алевик, после чего вооружилась поленом и основательно ее избивала»^[149].

Подобные примеры можно умножить, но в целом мужская и женская модели потребления алкоголя различались: мужчины пили значительно чаще женщин, чаще бывали в состоянии опьянения, при этом средняя доза спиртного, потребляемого за один раз, у них была намного больше. Некоторый рост женского пьянства в городах может быть воспринят в контексте борьбы за гендерное равенство, когда

«раскрепощенные» женщины принимали «псевдомужской» тип повседневного поведения, в том числе и в отношении к алкоголю.

Красный треугольник.
1929. № 19(58). 8 апреля. С. 4

Похмелье, потеря денег, разбитый нос, выговор или даже увольнение – это не столь тяжкие последствия пьянства, как преступления «по пьяной лавочке». Во-первых, само стремление достать спиртное могло провоцировать незаконные действия. В августе 1927 г. «Красная газета» сообщала такую грустную историю: «Обидели старика. 74-летний инвалид Данилов купил в Финском переулке в винном магазине сотку горькой. Вышел из магазина – сотку вырвали из рук. Пошел за новой. Купил. На этот раз сотку спрятал подальше, а кошелек держал в руках. Вырвали кошелек. Грабителя Кокарева задержали»^[150].

Наиболее распространенными преступлениями среди подгулявших ленинградцев были дебоши, драки и все то, что называется мелким хулиганством. Таковым, например, считалась попытка отбить товарища от милиции, разбитое стекло в трамвае или выход на сцену кинотеатра «Гигант» во время сеанса. Явление носило массовый характер. Например, за 23 и 24 июня 1928 г. (воскресенье и понедельник) за появление в пьяном виде на улицах задержаны 967 дебоширов, отправленных в камеры для вытрезвления, на них составили административные протоколы, и большинство пьяных нарушителей общественного порядка оштрафовано милицией от 3 до 10 руб.^[151].

Подобных хулиганов могли приговаривать и к реальному лишению свободы, хотя и на незначительный срок, и к принудительным работам. Так, например, обошлись с двумя рабочими завода «Красная заря». Первый, работник 10-й слесарной мастерской В.А. Алексеев, вместе с двумя своими знакомыми выпивал в доме № 10 по улице Чайковского. Будучи пьяны, они на лестнице дома, «из озорства», разбили голову одному из своих собутыльников. Народный суд приговорил Алексеева к лишению свободы на 1 месяц, заменив тот же срок принудительными работами с 50-процентной оплатой зарплаты^[152]. Такого же наказания удостоился работник 9-й механической мастерской К.Д. Гуров за то, что, находясь в буфете Финляндского вокзала и будучи в нетрезвом виде, учинил скандал, сопровождавшийся руганью и буйством. Будучи силой выведенным из буфета, он продолжал ругать всех площадной бранью^[153].

К сожалению, зачастую именно пьянство приводило к более серьезным преступлениям, исполнителем которых мог стать вполне обычный, добросовестный и ответственный семейный человек. Во всяком случае, именно таковым перед нами предстает некто Б. из статьи, опубликованной в газете «Рабочий суд»:

«В марте прошлого года по делам службы приехал в Ленинград некто Б. Прекрасный товарищ, честнейший человек, но – проклятое „но“ – пьяница. Случилось так, что, собравшись у одного из своих товарищей, Б. еще с несколькими друзьями добыли, как полагается, закусок и, как не полагалось, – „живительной влаги“. Сидели, беседовали, выпивали и закусывали. Ничто не предвещало рокового конца, но он все же наступил. Между прочими гостями был один из ближайших товарищей Б., некто К. В разговоре между Б. и К. произошли какие-то разногласия. Чем сильнее разгорались противоречия, тем усиленнее шло потребление водки.

Под влиянием винных паров разногласия перешли в ссору, ссора в драку, и в результате добрейшие приятели стали злейшими врагами, а у Б. еще оказалась избитой физиономия. Наступило утро, – пили всю ночь напролет. К. первый пошел на кухню, умылся и стал вытираться. Б., придя на кухню и увидев К., без дальних слов и рассуждений, вынул из кармана „браунинг“ и выстрелом из него уложил на месте своего бывшего друга. <...> Так недавно еще – хороший товарищ, избираемый на крупные посты, а теперь – осужденный, опороченный, лишенный прав – убийца. Убийца, но не преступник. Преступно прошлое, сказывающееся на каждом шагу в новой нашей жизни. Это гнусное прошлое пропитано ядом алкоголя»^[154].

Под воздействием алкоголя совершалось больше всего бытовых преступлений, в первую очередь – преступлений против личности. В целом можно сказать, что алкоголизация и криминализация стали составной частью советской досуговой сферы. И эта проблема оставалась остро актуальной на протяжении всей советской истории.

С 1927 г. Наркомздрав РСФСР использовал меры принудительного лечения алкоголиков. Понятие «алкоголизм» было предельно конкретизировано, его олицетворением стал образ беспробудного пьяницы с опухшим лицом, красным носом. Это не больной человек, а носитель порока, враг всего передового. Пропаганда не просто направлялась на формирование общего негативного отношения к

пьющим, она предлагала в качестве альтернативы здоровый образ жизни, культурный досуг и просвещение. Одновременно уже в середине 1930-х гг. была сделана попытка сформировать модель «культурного потребления алкоголя».

«Вредят одинаково поп и пропойца»: религиозная деятельность как девиация

Провозгласив отделение церкви от государства, новая власть стремилась наладить борьбу с ней, правда, на первых порах достаточно осторожно, прикрываясь словами о свободе вероисповедания. Согласно Программе Российской Коммунистической Партии (большевиков), принятой на VIII съезде партии (18–23 марта 1919 г.), «партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма»^[155]. Учитывая крепость именно этой культурной составляющей («цепкой паутиной была окутана старая Россия церквами»^[156]), задачу построения атеистического общества можно назвать одной из наиболее сложных для большевистской культурной революции. Церковь веками являлась неотъемлемой составляющей пространства повседневности, моментальный отказ от которой был нереален.

В связи с этим государственная атеистическая пропаганда старалась девальвировать религию, десакрализовать церковные традиции. Приравнивание религиозных обрядов и практик к досугу, причем досугу девиантному, – умелый ход, успеху которого содействовала реально существовавшая связь церковных обрядов и праздников с рядом девиантных досуговых практик. В первую очередь речь шла о пьянстве – неизменном спутнике Рождества или Пасхи. К этому добавлялись такие пережитки, как патриархальность, ретроградность, различного рода суеверия, а также претензии церкви на то, чтобы являться нравственным ориентиром или политической силой.

Связь религии, православных праздников и алкоголя установлена далеко не большевиками. Обращение к народным сказкам показывает

типичность образа попа-пьяницы. Этот образ успешно эксплуатировался и советской пропагандой. Показательную иллюстрацию можно найти на страницах журнала «Безбожник» за 1925 г. На ней изображены два пьяных попа, которые смотрят на чертенка, сидящего на бутылке водки. Подпись под рисунком гласит: «А еще безбожники говорят, чертей нету!»^[157].

Советские пропагандисты утверждали, что церковь и водка неотделимы друг от друга. На карикатуре «„Расейские“ и библейские первопьяницы» журнала «Безбожник у станка» изображены пять святых пьяниц:

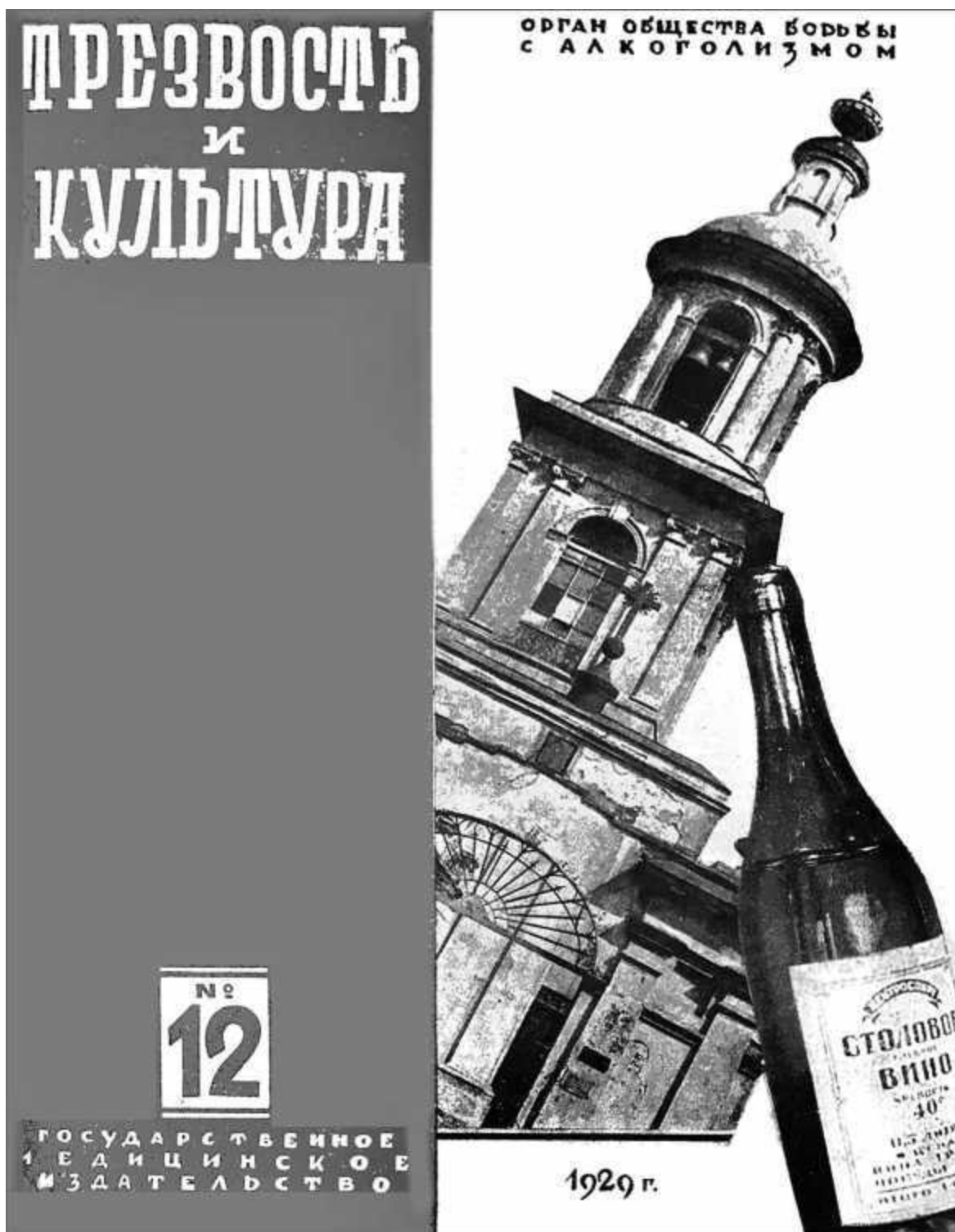
«1. Владимир святой, автор изречения: „Веселие Руси есть пити, не можем без того быти“ (изображен как пьяный бородатый мужик в кольчуге, на маковке шлема – восьмиконечный крест, а в руке – водочная бутылка. – *Авт.*)».

2. Соломон, – не столь мудрый, сколь распутный царь.

3. Ной, – известный моряк и непрерывный пьяница.

4. Царь Давид, – псалмопевец, всю жизнь пияша, играша на лютне и скакаша.

5. Неизвестный библейский святой, пропивший свои: фамилию, имя, отчество и звание»^[158].

Обложка журнала «Трезвость и культура». 1929. № 12

В печати 1920-х гг. встречаются обвинения Русской православной церкви в многовековом спаивании народа. По мысли пропагандистов,

оно началось сразу после крещения Руси, но активно стало развиваться в конце XVI в. Именно тогда монастыри начали производить спиртное на продажу и организовывать кабаки: «Стремясь захватить монопольное право торговли этим доходным товаром в свои руки, Кирилло-Белозерский монастырь в 1593 г. издал грамоту, которая запрещала крестьянину самому варить вино и пиво даже для себя, для свадьбы и иных семейных торжеств. Вскоре монастыри пошли еще дальше: запретили крестьянам пить у себя дома»^[159]. Таким образом, они принуждали крестьян покупать спиртное у них.

Кроме экономической выгоды спаивание имело своей целью подавление воли угнетаемого народа к сопротивлению. Образ религии и различных церквей как пособников угнетателей и врагов революции являлся доминирующим в антирелигиозной пропаганде: «Алкоголь и религия... Неслучайно эти слова поставлены рядом. Алкоголь и религия всегда служили средством эксплуатации трудящихся»^[160]. Дурман спиртного приравнивался к дурману религии. В статье «Оградим труд рабочего от пьянства и религии» указано: «Религия и пьянство – это явления, не отделимые друг от друга. Эти два вида отравления и классового угнетения широких масс трудящихся издревле существовали, хотя попы и пытаются иногда лицемерно осуждать пьянство и даже „бороться“ против него. Известно, что на протяжении столетий (XVI, XVII и даже XVIII столетия) монастыри вырабатывали водку и продавали ее. Религия освящает, санкционирует и обосновывает пьянство в „священных“ книгах через рассказы о „тайной вечере“, о „чуде в Кане Галилейской“, о „виноградарстве Ноя“ и т. д. и т. п. Все религиозные праздники и традиции густо насыщены винными парами. Ибо через водку, через пьянство лучше одурманивать народ религией. Водка расслабляет ум и волю человека, и человек легче пропитывается ядом религии. Безвольный человек скорей и легче поверит в существование „воли божьей“. Пьянство разоряет, ввергает в нужду, ставит в еще более тяжелую зависимость от эксплуататора и тем самым порождает чувство отчаяния и толкает в объятия религии»^[161].

Пропагандисты не ограничивались изображением святых в виде алкоголиков и высмеиванием библейских легенд. Сам Бог представал безнадежным пьяницей. В журнале «Безбожник у станка» рядом с

новостью об открытии специального пункта для вытрезвления пьяных – «вытрезвителя» – помещена серия карикатур на Бога: «Накачался господь-бог причастия. Идет по улицам – едва на ногах стоит. Ну, и попал в „вытрезвитель“». Там его сажают под статический душ, вводят под кожу кислород, подвергают гипнозу. Но «„что рабочего излечивает, то бога залечивает“. Не выдержал старик лечения и испустил свой „божественный дух“, потому алкогольная в нем сущность».

Авторы антирелигиозных статей к пьянству и религии иногда добавляли и половую распущенность как неотъемлемую составляющую девиантных досуговых практик верующих: «Еще вопрос: ушли, изжились ли сексуально-алкогольные оргии культа Дионисия и других бого-сынов в христианском культе и, в частности, в православной церкви? Никуда не ушли, остались. Мы не говорим уже о разных сектах с их богородицами, христами, радениями и прочим, вроде хлыстовской секты. В самом православии так называемые народные обычаи во время больших церковных праздников с обязательным обжорством и пьянством, что такое как не алкогольная оргия? Освященное церковью распутное чревоугодие? А тот, кому доводилось бывать в монастырях, при монастырских праздниках с ярмаркой и гульбой (др. – слав. гульбище, оргия), знает, что эти праздники сопровождаются и большим, чем поголовное пьянство, нося характер полового распутства в монастырских кельях и рощах»^[162].

Антирелигиозная пропаганда утверждала, что именно через алкоголь церковь помогала помещикам и капиталистам контролировать народ: «„Вино веселит сердце человека“, – гласит „священное писание“. Праздник, свадьба, крестины, похороны без водки, без мертвецки пьяных гостей считаются позором. <...> В водке труженики топили горе и нужду. <...> „Святые“ праздничные приметы и „календарь“ – глупейший и вреднейший предрассудок, но зато благодарный повод для пьянства – выгодное, полезное дело попу, кабатчику, кулаку, фабриканту, барину»^[163].

Спаивание народа наряду с его одурманиванием лицемерными религиозными сказками представлялось советскими пропагандистами одним из столпов успеха в борьбе с народным движением: «В алкоголе, так же как и в религии, „рабы капитала топят свой человеческий образ“, – топят свои требования на сколько-нибудь достойную человеческую жизнь.

Пьяный раб не помнит зла к своим вековечным врагам и угнетателям. Вот почему эксплуататоры чувствуют себя спокойно, когда видят, что рабочие травят себя алкоголем.

Если бы рабочий не дурманил себе „сивухой“ голову, он скопил бы в ней много всяких мыслей, опасных для режима капиталистических насильников.

Таким образом, водка, так же как и религия, в руках паразитов всегда была опорой и защитой их гнусного, грабительского строя, стремившегося к тому, чтобы весь досуг рабочего был занят самоодурманиванием и самоопьянением, в духовном и физическом смысле слова»^[164].

Самая известная пропагандистская статья, где раскрывается мысль о разрушительном воздействии религии и алкоголя на классовое сознание, – это, разумеется, статья Л. Троцкого «Водка, церковь и кинематограф», опубликованная 12 июля 1923 г. в «Правде». Полагая, что религия и пьянство – это лишь досуг, развлечение, повседневная привычка, Л. Троцкий противопоставляет им кинематограф: «Кинематограф соперничает не только с кабаком, но также и с церковью. И это соперничество может стать для церкви роковым, если отделение церкви от социалистического государства мы дополним соединением социалистического государства с кинематографом»^[165].

Превращение веры в девиацию являлось принципиально важным в борьбе с религиозностью, особенно бытовой. Во многом именно эту задачу были призваны выполнять «комсомольские пасхи» и т. п. пародии на религиозные праздники. Стоит отметить, что поверхностная переделка церковных праздников на советские нравилась далеко не всем идеологам атеизма. Некоторые из них полагали, что это лишь оскорбляет чувства верующих, не принося пользы пропаганде. В письме ЦК РКП(б) 1923 г. «Об антирелигиозной кампании во время „пасхи“» говорилось о том, что необходимо «принять все меры к недопущению оскорбления религиозных чувств, перенести центр тяжести работы на научное объяснение происхождения религиозных праздников»^[166]. Действительно, иногда деятельность пропагандистов на местах была настолько агрессивной, что вряд ли могла добиться своих целей.

В алкоголе активисты антирелигиозного движения нашли мощного союзника. Им даже не надо было ничего придумывать – связь

православных религиозных праздников с жутким по своему масштабу пьянством была очевидна и всем хорошо известна. Оставалось только подать это правильным способом. Провозглашенная властью борьба с алкоголизмом (по сути своей, мера правильная и нужная) позволяла нанести удар и по церкви. Приравнивание пьянства к религиозным обрядам означало попытку девальвации культурного и социального значения последней, превращение ее в девиацию. Впоследствии, когда государство из экономических соображений стало лояльней относиться к алкоголю, продажи которого приносили столь необходимые средства, акцент делался на трудовой дисциплине. Реально существовавшая проблема «похмельных» прогулов в дни после церковных праздников преподносилась как мракобесный удар по индустриализации, а успех последней отныне зависел от успешности борьбы с религиозными предрассудками.

Стоит при этом отметить, что борьбу с подобными традициями поддерживали не только воинствующие безбожники, но и некоторые специалисты, переживавшие за спаивание народа. В частности, о вреде церковных праздников с сопровождающим их пьянством писал активно боровшийся с алкоголизмом В.М. Бехтерев. Описывая совершенное в Рождество напившимся человеком убийство, он замечал: «7 января – не для всех людей будний день. Для известной части православных, придерживающихся старого стиля, этот день – праздник, этот день – рождество Христово. Как не зарубить хоть одного человека в такой знаменательный и радостный день?»^[167].

Листок рабкора. 1924. 24 декабря. С. 4

Особый акцент делался на финансовых потерях, связанных с церковными праздниками. Власть понимала, что беда церкви состоит не только в ее оппозиционности власти, но и в том, что она является конкурентом в борьбе за деньги населения: «Религиозные праздники неразрывно связаны с поголовным пьянством. Одно другое дополняет. Убытки, приносимые <...> такими праздниками, огромны»^[168].

Пропагандисты старались не просто приравнять исполнение религиозных практик к девиантному досугу, но и показать, что досуг — это не обязательно отдых, ничегонеделание. Религия и водка были врагами советской власти не только потому, что подрывали классовую сознательность граждан, но и потому что отвлекали их от работы. «Праздновать не значит отдыхать» — таков лозунг борьбы с религией и пьянством конца 1920-х гг. Даже запрет работать в церковные

праздники демонстрировался как элемент классового угнетения: «Состоящая на содержании у капитала и творящая его волю святая церковь, устами рясофорных холуев его, объявляла работу в праздник „грехом“ перед богом, стремясь придать мистический смысл самому акту отдыха от работы, стремясь сообщить ему какой-то религиозный характер, какое-то религиозное значение. Из церкви приносил домой верующий труженик то торжественно-приподнятое настроение, ту взбудораженность, то праздничное возбуждение, которое приводили его в кабак. Тогда весь отдых рабочего шел насмарку.

И в самом деле: кому же не ясно, что состояние опьянения исключает возможность отдыха? Могут ли отдыхать пьяные? Конечно, нет: праздничное пьянство уносит столько сил и энергии, сколько не расходует человек на работе.

В наше время это понятно каждому. Поэтому передовые элементы рабочего класса ставят сейчас вопрос о разумной культурной и гигиенической организации своего досуга.

Вместе с переворотом в отношениях людей октябрьская революция произвела переворот и в самом их сознании.

Революционное сознание передового пролетария уже не мирится с рабским пережитком прошлого, с эксплуататорским обычаем превращать дни отдыха в дни пьяного самоистощения, в дни бестолкового, бессмысленного прожигания на ветер трудового досуга „во славу божию“. Вместе с тем и само настроение торжества получает новое революционное содержание.

Торжество, с точки зрения современного пролетария, не исключает труда.

Тому пример наши социалистические „воскресники“.

Праздновать не значит отдыхать.

Праздничное настроение у передового рабочего создается тогда, когда он торжествует свою победу над старым, угнетающим его прошлым, когда он с восторгом отмечает исторические даты своих достижений, когда он подводит итоги своим трудовым завоеваниям.

Современный революционно-мыслящий рабочий празднует, трудясь»^[169].

Новостями о религиозности партийных рабочих (как мужчин, так и женщин), о том, что они отмечают Рождество и Пасху, крестят детей, а стены их квартир обвешаны иконами, пестрит заводская пресса

Ленинграда ^[170]. Иконы с горящими лампадами были не только дома, но и на работе^[171].

Среди лозунгов эпохи встречаем: «Отбросьте в пасху церковь, водку и вино – зовем вас всех в музеи, клубы и кино»^[172], «Заменим водку книгой, церковь – клубом»^[173], «Поповские праздники мракобесия и пьянки – выметем в мусорную корзину истории»^[174], «Осиновый кол в спину суеверию, невежеству, поповщине, мракобесию – всему, мешающему великой творческой работе трудящихся масс»^[175]. Одна работница завода «Севкабель» призывала: «Пора нам, открыв глаза, посмотреть на сущность праздников. Что они нам дают? Обжорство, пьянство, драки и разорение. После праздников рабочий не может очнуться 2–3 месяца от тех расходов, которые он сделал на водку, куличи и „пасхи“»^[176]. Также власть стремилась высмеять религию, представить ее уделом выживающих из ума старух, необразованных обывателей и антинаучным пережитком прошлого, которому не место в Советской России.

Чистка продолжается

У пом. смотрителя завода Григорьева
вся квартира завешана иконами

Балтиец. 1929. № 38(148). 10 октября. С. 1

Проблемой, требовавшей особого внимания, становится антирелигиозная пропаганда женщин, среди которых был высок процент неграмотных и развито консервативное отношение к религиозным традициям. Одним из культурных пережитков, с которым боролась новая власть, было неравноправие мужчин и женщин. Советская пропаганда подчеркивала, что важнейшим препятствием на пути к женской эмансипации являлась церковь. Она же обвинялась если не в поощрении, то по крайней мере в закрытии глаз на насилие в семье, к которому часто приводил алкоголь. На обложке специального «женского» выпуска журнала «Безбожник» был помещен рисунок М.

Черемных, на котором изображен муж, бьющий жену. На заднем плане за облаками на это одобрительно смотрят бог и два маленьких ангела. Подпись гласит: «Жена да боится своего мужа».

С.Г. Струмилин, исследуя быт рабочих начала 1920-х гг., пришел к выводу, что «наибольший процент посещаемости церквей <...> дают наименее культурные члены рабочей семьи – домашние хозяйки». Женщины в рабочих семьях тратили на «посещение храмов» в среднем 3,7 часа в месяц, тогда как мужчины только 1,5 часа^[177]. Пресса была полна антирелигиозными статьями, ориентированными на читательниц-женщин. Особенно яркими являются материалы рабкорок (рабочих корреспонденток), которые, по их признанию, сами очнулись от идеологического дурмана. Например, рабкорка под псевдонимом «Прозревшая работница» рисует следующую сцену из семейной жизни:

«– Витя, получишь деньги – купи календарь! – говорила мужу жена, провожая его на работу.

Календарь куплен.

– Посмотри, в какой день будет именинником наш сын?

– Не знаю, посмотри сама, коли интересуешься такими пустяками.

Календарь перешел в руки жены.

Бережно пересматривала она календарь, перед ее глазами развертывались исторические события прошлых дней, но святых... ни одного.

– Безбожник, еретик, антихрист, зачем купил дурацкий календарь? Святых не признаешь?!

И стала темная женщина календарем лупить мужа по „чему попало“. Клочки оставшегося календаря пошли в печь...

Товарищи работницы!

Очнитесь от дурмана далекого прошлого! Сбросьте с себя пелену, закрывавшую глаза, и вырвите из своего сердца воспоминания о всякого рода мнимых святых...

Идите в клубы! Записывайтесь в кружки! Поповская пелена спадет с ваших глаз – отвалится, как болячка от здорового тела»^[178].

Ее коллега, писавшая под псевдонимом «Безбожница», критикует работниц, все еще вешающих иконы в своих комнатах:

«– Почему у вас в каждом этаже горят лампы перед иконами?

– Что делать: некоторые работницы-богомолки собирают на масло, – отвечает секретарь фабкома.

Товарищи работницы! Неужели вы не слышали, что трудящиеся приспособливают церкви под клубы, а вы в Питере – колыбели революции – устраиваете из наших дорогих фабрик – церкви!»^[179].

Широкое распространение получила популяризация так называемых «октябрин» взамен традиционных крестин, когда новорожденным давали не христианские, а революционные имена: «Недавно у нас в трампарке были первые революционные „октябрины“ новорожденного сына беспартийной работницы Евгении Сашниной. Мальчика назвали РЭМ’ом (революция, электрофикация, мир). „Октябрины“ прошли очень хорошо и торжественно. Работницы парка! Следуйте примеру тов. Сашниной»^[180].

Для борьбы с религиозностью работниц использовался и популярный в советской пропаганде прием – высмеивание религиозных традиций. Так, пост трактовался как пережиток прошлого, имеющий под собой хозяйственную экономическую основу, – ранняя весна, запасы подходят к концу, поэтому надо воздерживаться в еде. При этом православный пост сравнивался с обычаями «дикарей Новой Гвинеи или Полинезийских островов»^[181]. К этому добавлялось осуждение алчных попов, использующих «языческие предрассудки» и поддерживающих социальное неравенство: «Запугивая всех непослушных своей воле божьим гневом и адскими муками, попы сумели крепко вбить в головы верующих необходимость строгого соблюдения поста. Для богатого человека, попа или монаха, пост не в тягость. Нет мяса, так зато есть всевозможная рыба и икра, и всякие овощи и фрукты. Другое дело – бедняк, который весь пост сидит на редьке с квасом да капусте. Такой человек после поста так слабеет, что от ветра качается! А в деревнях пост соблюдают строго. До такой степени строго, что даже грудным детям, даже тяжело больным не дают молока или яиц и кормят постным. „Пусть лучше помрет, чем оскоромится“, – говорит верующая мать, и, действительно, многие ребята или слабые больные люди поста не переживают»^[182].

Особенно критиковали работниц-членов партии: «Товарищ Богданова – выдвиженка на паровой молот машинистом в прессовой кузнице. <...> Религиозные убеждения Богдановой так сильны, что

мимо церкви пройти не может, а потом хвастает: „Помолилась господу богу и на душе стало полегче!“.

Совестно, тов. Богданова, ведь ты член партии!» [\[183\]](#).

Доставалось и рабочим-мужчинам. Особенно, если они тратили деньги на церковные праздники вместо взносов, помощи английским шахтерам и т. п. Вот случай времен начала Первой пятилетки на Балтийском судостроительном и механическом заводе:

«Рабочий клепально-чеканного цеха Рыженков, П.Е., член партии с 1925 г., записался на 2-й заем индустриализации на 125 рублей. Его жена, которая стояла в очереди, услышала, что заем в продажу приниматься не будет. Тов. Рыженков, услыша эту новость, заносился точно бешеный. Что делать? Где взять денег полностью купить заем? Наконец денег занял и сразу же выкупил заем.

Продав заем, сразу же отдал приятелю в долг 50 рублей, купил 7 бутылок водки на крестины, а 21 апреля сам сходил в церковь к попу, узнать, когда принести крестить ребенка.

– Можно сегодня, – сказал поп.

После крестин был пьяный кутеж» [\[184\]](#).

К религии могли испытывать симпатии и молодые рабочие:

«И какие чудеса творятся в центрально-инструментальной, прямо уму непостижимо! Возьмем, к примеру, Сергеева, хоть он молод, но из ранних, учится где-то на рабфаке, проходит политграмоту, но голова у него набита церковными псалмами и другими „божественными“ песнопениями.

Недаром учился восхвалять и величать пресвятых богородиц на церковных клиросах и при зевках отрещивать свой святой рот от всех нечестивых слов коммунистов.

Вот, действительно, от такого горе-студента будет польза рабочему классу!

Мой совет, тов. Сергеев, лучше бы ты учился в духовной семинарии или в поповской академии.

От такого студента можно отрещиваться руками и ногами и при этом приговаривать „возьми, боже“ этого студента, он нам не гоже» [\[185\]](#).

На заводе имени Марти однажды «отличилась» пожарная команда:

«По обряду „православных“ каждое открытие какого-либо учреждения должно сопровождаться молебствием с водосвятием и

торжественной выпивкой. Пожарная команда нашего завода выполнила эти „православные традиции в день открытия своего Кр<асного> уголка. Некоторые до того нализались, что глаза на пятки вылезли.

Партиец во христе

Тов. Шульгин, монтер 55-го отл. член партии, доставляет не мало приятных минут попам.

В прошлом году он окрестил ребенка в церкви, а в этом году 21 сентября он окрестил и другого. На мало того того, что окрестил, но вдобавок 23 сентября, когда завод работал, выполняя годовую программу. Шульгин на работу не вышел, опохмеляясь после церковных крестин.

Надо думать, что проверочная комиссия учтет заслуги т. Шульгина перед религией.

Весел поп. Вся церковь рада
Случаю отменному:
„Гриобщается парт-чадо
К таинству священному“.

Хор гремит, дьячок потеет,—
Все идет „честь честью“,
Только партбилет краснеет:
— Эх, мол, не на месте я!

Часть их круговорот занес домой, и они благополучно проспали до утра, часть же была занесена в Дом-просвет, где они так же закрутили все и всех, устроили драку, избив дежурного члена КОПа, и, кружась, попали в отделение милиции, где приобрели мирный сон за 5 руб. каждый. Фамилии их: Муранов, Гаврилов, Гольм и Рыбакин»^[186].

На «Электросиле» «небольшая группа рабочих. Из них трое – партийцев.

Жаркая беседа: о яйцах, муке, масле и прочей сдобе.

Толкуют о том, кто что припас к „праздничку“.

„А у меня, брат, окорок что надо“, говорит, облизываясь, партиец, „женка, еще когда 85 коп. кило стоило, запасла, а теперь пусть дураки по 1 р. 30 коп. платят“... и опять об окороках, о яйцах, о твороге.

Тошно.

Вот другой цех, работа полным ходом; токарь-партиец, обернувшись к соседу, задает вопрос: „Ты на чем настаиваешь, а я на лимонных корках – это освежает и без привкуса“, и опять та же история: корки, колбасы, куличи.

В глазах круги, отовсюду мерещится всякая жратва. <...> Некоторые из парт. и профактивистов пали в неравной борьбе с окороком, куличом – мир праху вашему, товарищи»^[187].

Объектом критики было не только православие, но и другие исповедания. В частности, угрозу видели в баптистах, чья деятельность в городе была достаточно активна, особенно среди вчерашней деревенской молодежи: «Новые слои молодежи, пришедшие в производство из деревни, не осознавшие еще своих классовых интересов, нередко скверно материально обеспеченные, не охваченные комсомольским влиянием, являются материалом, откуда иногда не без успеха, используя противоречия нашего экономического развития, черпают сектанты себе подкрепление. Нужно прямо сказать, что сектантские организации молодежи, разные бапсомолы, христомолы и другие, им подобные, хотя и медленно, но растут. Взять хотя бы такой пример: на Васильевском острове помещается община баптистов, и если в 1923 г. кружок баптистского союза молодежи насчитывал 38 человек, то в 1926 г. этот же кружок имел уже около 140 членов. Методы работы с молодежью, методы вовлечения молодежи сектанты взяли у комсомола и, „приспособив к обстановке“,

культивируют их у себя. Есть у них физкультура, музыкальные кружки, хоровые кружки, кружки кройки и шитья и даже курсы по изучению библии (на манер комсо-политшкол). Организуются специальные собрания для молодежи с пением, концертными отделениями, с душевспасительными проповедями, а иногда и с угощением – стакан чая, бутерброд, яблоко»^[188].

В мае 1928 г. в «Ленинградской правде» вышла статья про «дом на 2-м Муринском, где проходят собрания баптистов»:

«За последнее время по области, особенно в деревне, усилилась и оживилась работа религиозных организаций.

Наступление сектантов есть по существу наступление мелкобуржуазной идеологии, стремящейся всячески оторвать массы трудящихся, в частности молодежь, от советской общественности, покрывая эти стремления „внеклассовой“ трескотней, „христианским социализмом“ и т. д.

По социальному составу сектантские общины представляют собой в большинстве зажиточную кулацкую часть. Наиболее ярко вырисовывается кулацкая физиономия сектантства при анализе его „актива“. Состав руководителей сект – бывшие люди – офицеры, урядники, торговцы, кулаки»^[189].

Много было поклонников в Ленинграде и у Ивана Чурикова (1861–1933), основателя движения, известного как чуриковцы. В Петербурге он поселился еще в 1884 г. и стал проповедовать среди городской бедноты. Вскоре он подвергся гонениям со стороны властей, не раз задерживался за проповеди идей, шедших вразрез с православием. В результате его выслали из столицы, а затем еще поместили на полгода в Самарскую больницу для душевнобольных. Впоследствии он вернулся в Петербург, где у него уже было значительное число сторонников. В 1905 г. создал колонии трезвенников недалеко от Вырицы – привилегированного пригорода Петербурга. В первые годы советская власть не преследовала чуриковцев, его «Общество трезвенников» городские власти даже официально зарегистрировали как сельскохозяйственную «Трудовую Коммуну трезвенников Братца Иоанна Чурикова» в 1928 г., а через год его арестовали, и в 1933 г. он скончался в заключении.

Поддержка большевиков в первые послереволюционные годы была вполне логичной – основой деятельности Чурикова являлась борьба с

пьянством. Однако впоследствии деятельность «братца» показалась опасной.

Образ священника стремились связать с аморальными, а то и преступными действиями. Достаточно широкое распространение получил сюжет о замешанности служителей культа в гомосексуальных отношениях и педофилии. Учитывая, что просто однополые отношения были декриминализованы, широкой огласке они предавались, когда дополнялись обвинениями священников в растлении мальчиков. Массовый общественный интерес привлек суд над служащими Охтинского собора, дьяконом Храновским и иподьяконами Федоровым и Бабаевым. Вот как описывает его газета «Безбожник»:

«Начиная с 1921 г. Храновский, систематически завлекая к себе на квартиру детишек, преимущественно мальчиков, давал им „конфеты“, несколько копеек или книжку и удовлетворял с ними распущенную похоть в самых извращенных формах. Развращал не только физически, но и нравственно: показывал детишкам порнографические карточки, растолковывал им разные гнусности. Где же все это происходило? – Везде, где только можно было „пристроиться“ Помимо квартиры Храновского – на паперти Охтенского собора, в ограде церкви, на улице. Пятилетнему Вишнякову Павлу Храновский дал за „это“ 1 коп., Евгении Белых – 3 коп., а 12-летнему Ярутович – 50 коп. и напоил его пивом. Разврат совершался не только самим Храновским, он вовлек в него и своих иподьяконов. Тогда мерзости творились „троицей подсудимых“ „купно, соборне“, как „соборне“ совершали они священнослужения, молебны, крестины и отпевания в домах родителей, детей которых растлевали. Как относился Храновский к детям? Свидетелю Акинфиеву он хвастался, указывая на детвору: „Вот товар, который мне больше нравится, с ними все можно...“. Чтобы не допустить расправы над подсудимыми, их охранял усиленный наряд милиции»^[190].

* * *

Если пьянство было пороком по большей части мужским, то исполнение религиозных обрядов связывалось прежде всего с

женщинами. Перевод религиозной деятельности в сферу девиантного досуга показывает, что власть снисходительно признавала за «отсталыми» женщинами право на исполнение церковных обрядов, не видя в этом большой идеологической опасности. Однако, она не намерена была сквозь пальцы смотреть на вовлечение в религиозную деятельность детей и молодежи. Именно поэтому основной акцент в антирелигиозной пропаганде был сделан на «устарелости» церковных догм и обрядов, на замене «старых» религиозных ритуалов новыми – «советскими крестинами», «красным рождеством». Разнообразные антирелигиозные анти-праздники (комсомольская Пасха, комсомольское Рождество) стали заметной частью молодежного досуга. Впрочем, и они иногда приобретали девиантный характер, представляя собой смешение доходящей до гротеска пародии на церковные ритуалы и карнавального издевательства над чувствами верующих.

Кризис «био-психологического материала»: мещанство, упадничество, есенинщина

Границы девиантного поведения исторически и социально изменчивы: то, что в одном обществе в определенный период рассматривается как норма, в другом обществе в другой период может превратиться в девиацию. Применительно к ситуации 1920-х гг. свою роль в росте девиантного поведения играл отход от устоявшихся норм морали, их переосмысление, активно поддерживаемое властью, стремившейся создать новых граждан для новой страны. Изменение политических и культурных реалий меняло понятия «нормы» и «отклонения», корректировало повседневность^[191]. Новообъявленной девиацией стало мещанство. Это понятие в годы нэпа было весьма широким и могло включать в себя самые разные досуговые практики – танцы, модничание, чтение стихов Сергея Есенина и проч.

* * *

На излете новой экономической политики, в 1928 г., в Ленинграде вышел сборник статей и фельетонов «Обывательщину— на прицел!», в котором, в частности, опубликована работа М. Трампа «Под фонарем „Эльдорадо“». Задачей автора было показать, что «мурло мещанина», которое, казалось бы, должно исчезнуть, побитое революцией, при советском капитализме не просто существует, но и чувствует себя превосходно. Перед нами один городской адрес, но два названия и две эпохи: дореволюционный ресторан «Эльдорадо» и советский «Маяк Коммуны», открытый на его месте. Первый должен вызывать ностальгию у тоскующих по старым временам:

«...Когда зажгутся фонари, и Невский похож на коридор женской прогимназии, мы выходим искать вечернего отдыха.

Смеется световая реклама. Здесь уголок улиц странно напоминает Седьмое Авеню Нью-Йорка, которого, кстати, мы никогда не видали, а

в воздухе пахнет ресторанами.

Здесь люди – как патентованные насосы, они вечно заливают горе и радость вином и музыкой. По ветру мчится дикая ласка джаз-банда, рожденного негром и человеческой тупостью.

<...> Кабаки шумели для черной публики, а в центре горел огнями блестящий „Эльдорадо“. Сюда собирались люди, любящие чистоту в кабаках и имеющие фатальное пристрастие к иностранным жилеткам и иностранным танцам»^[192].

С 1918-го по 1920-й подавляющему большинству не до развлечений:

«Два выстрела. Два выстрела из шальной винтовки потребовалось для того, чтобы пробить сияющий фонарь над дверью „Эльдорадо“. В эти два года люди ели овес, на улицах было особенно холодно, и не было тогда фокстротов»^[193].

Но как только пришел нэп, все вернулось на круги своя, хотя фокстрот вернулся не сразу:

«Так и стоял годы революции и годы гражданской войны этот дом на углу Николаевской^[194] и Советской ^[195], пока не пришли люди, повесившие под фонарем вывеску:

КЛУБ „Маяк Коммуны“.

В эти дни там играла другая музыка. „Маяк Коммуны“, как некий новый „Эльдорадо“, горел огнями и лицами.

Только остался болтаться фонарь и на его осколках остатки слова „Эльдорадо“. И оттого ли, что он болтался, как петля повешенного, или оттого, что однажды „Маяк Коммуны“ заиграл фокстрот и лошади почувствовали знакомый запах, запах французской любви и русской водки, – граждане продолжали именовать этот дом просто: „Эльдорадо“»^[196].

Несложно заметить, что чуть ли не главным символом всего идеологически чуждого и буржуазного в глазах автора является танец фокстрот. Парный танец, пришедший из Америки, предположительно названный в честь брачного танца лис, более быстрый и страстный, чем уанстеп и вальс, оказался очень популярен среди молодежи, несмотря на сложность исполнения.

Тот же автор заметил: «Кем-то сказано, что в наши дни фокстрот танцуют даже безногие. Если даже не сказано, то, во всяком случае, фокстрот очень популярен.

Фокстрот в ресторане, в клубе, в школе, на улице и в исправдоме. Его пока не танцуют только в трамвае и на кладбищах. Если не фокстрот, то шимми^[197] или другой „последний крик“.

Часто даже клубный вечер превращается в сплошной дансинг»^[198].

Чем же провинился танец? Дело в том, что в глазах ревнителей новой советской морали он – откровенно буржуазный и фривольный, то есть недостойный пролетария, а его исполнение ассоциировалось со страшным отклонением – мещанством, о котором нельзя не упомянуть, говоря о девиациях 1920-х гг. Речь идет о тех формах досуговых практик горожан, которые непосредственно связывались с мещанским образом мыслей.

Мещанство являлось таким же «буржуазным пережитком», как алкоголизм или проституция, а следовательно, так же вредило построению нового общества. Зачастую наряду с мещанством использовали термин «упадочничество», подчеркивая связь с декаденством и кризисом предреволюционного периода.

От «бывших» – вчерашних дворян, богемы, нэпманов и даже спецов – никто отказа от мещанства не требовал. Наоборот, оно служило дополнительным идентификатором и доказательством их идеологической чуждости и политической неблагонадежности. Другое дело – молодые рабочие и студенты. Мещанство, пессимизм, упадничество могли извратить их личности и превратить строителей будущего во врагов. Именно такой взгляд транслировала официальная пропаганда.

В сентябре 1929 г. вечер в новом клубе «Василеостровский металлист» очень не понравился культработнику завода «Севкабель». И дело даже не в том, что главное событие вечера, оперетта «Холопка», не особенно удалось, а в том, что в перерывах были танцы:

«В фойе во время антрактов играли духовой и неаполитанский оркестры, причем фокстротов и чарльстонов в их репертуаре было больше чем достаточно. А что делала молодежь, гуляющая в это время в фойе? У них ноги так и плясали, а не шли, выкидывая такие отвратительные па, которые даже и выразить трудно.

Мы не думаем, что опереттами, чарльстонами и фокстротами мы подыдем культурный уровень масс.

Нам нужно продвигать в массы подлинное искусство, а не искусство.

Этот сезон клуба начался с еще большими промахами, чем в прошлом году. И это очень плохо для клуба.

Мы за искусство, за музыку, за пение... Мы вообще за все культурные и художественные мероприятия и начинания, но мы против халтуры, фокстротов и чарльстонов»^[199].

Неравнодушный рабочий Ленинградского государственного телефонного завода «Красная заря», скрывшись под псевдонимом «Нетанцующий», в январе 1929 г. опубликовал критическую заметку про танцевальные кружки, начавшие создаваться на предприятиях Ленинграда:

«Мы слишком ударились в танцы и подчас до того перегибаем эту пляшущую палочку, что достижением в Комсомольской работе считаем организацию кружков танцев на некоторых предприятиях. Это явление никуда не годится, – то, против чего мы боремся и боролись и что действительно является злом, отрывающим нашу молодежь от Комсомола к фокстроту и чарльстону, находит себе место в нашем рабочем коллективе»^[200].

Таким образом, несчастье чарльстона, как и остальных «неправильных» танцев, состояло в том, что они отрывали от общественной работы. Вот портрет типичной «мещаночки»:

«Комсомолка Подольская слывет в нашей намоточной мастерской знаменитой балериной. Губки ее всегда алы, как маков цвет, брови подведены, нос напудрен добела. Платье с большим декольте, так что грудь открыта, лоб закрывает челка. Приходит – будто не на работу, а на вечер.

Красная заря. 1929. № 2(31). 26 января. С. 2

А каково отношение к комсомолу? – Собрание комсомольское не посетила ни разу. Политика ей не нужна. Балет интересней, гибкость тела ей нужна больше...»^[201].

Не все танцы признавались вредными. Так, один из сотрудников Балтийского судостроительного и механического завода Н. Краснорядцев полагал следующее:

«Нужны ли нам фокстрот, чарльстон и вообще современные танцы?

На этот вопрос, я полагаю, большинство рабочей молодежи ответит отрицательно. Танцевать современные танцы значит развращаться и физически и нравственно.

Рабочая молодежь должна объявить бойкот современным танцам.
Какие же танцы нам нужны?

Я считаю, что совсем не танцевать – нельзя. Беру пример с себя. Я не танцую, и мне бывает скучно на вечерах с танцами, между тем танцующие товарищи говорят, что им очень весело. Такие танцы, как вальс, тустеп и др., нам не вредны»^[202].

Вопрос танцев был настолько важен, что даже во время партийной чистки в 1929 г. молодым ребятам, кандидатам и членам ВКП(б), взрослые задавали вопрос: «А чарльстон или фокстрот танцуете?»^[203].

Вопрос периодически обсуждался на всевозможных конференциях. В частности, по итогам 2-й заочной бытовой конференции молодежи одна из заводских газет вышла с тезисом: «Только в беспощадной борьбе со всеми пережитками старого, мещанского, собственнического быта рабочая молодежь вырастит здоровую коммунистическую смену – самоотверженных строителей социализма»^[204].

К подобным мещанским пережиткам относили не только танцы. Наряду с ними под огонь критики попадала «неправильная» одежда и косметика. Девочек от этого отучали уже на уровне пионерской организации. Так, главное периодическое издание страны, ориентированное на детей, «Пионерская правда», призывала бороться не только с руганью, курением, хулиганством и азартными играми, но и с привычкой пудриться^[205]. Стремление модно и красиво одеваться активно критиковалось поборниками новой морали, видевшими в туфлях на каблуке, шляпке или галстукe символ буржуазного прошлого. Партийные или комсомольские активисты из студенчества могли обрушиться на своего товарища за то, что тот надел форменную фуражку из дореволюционных времен. Интересно, что с началом гонений на интеллигенцию в конце 1920-х гг. первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров старался не надевать на улице пенсне, хотя страдал возрастной дальнозоркостью.

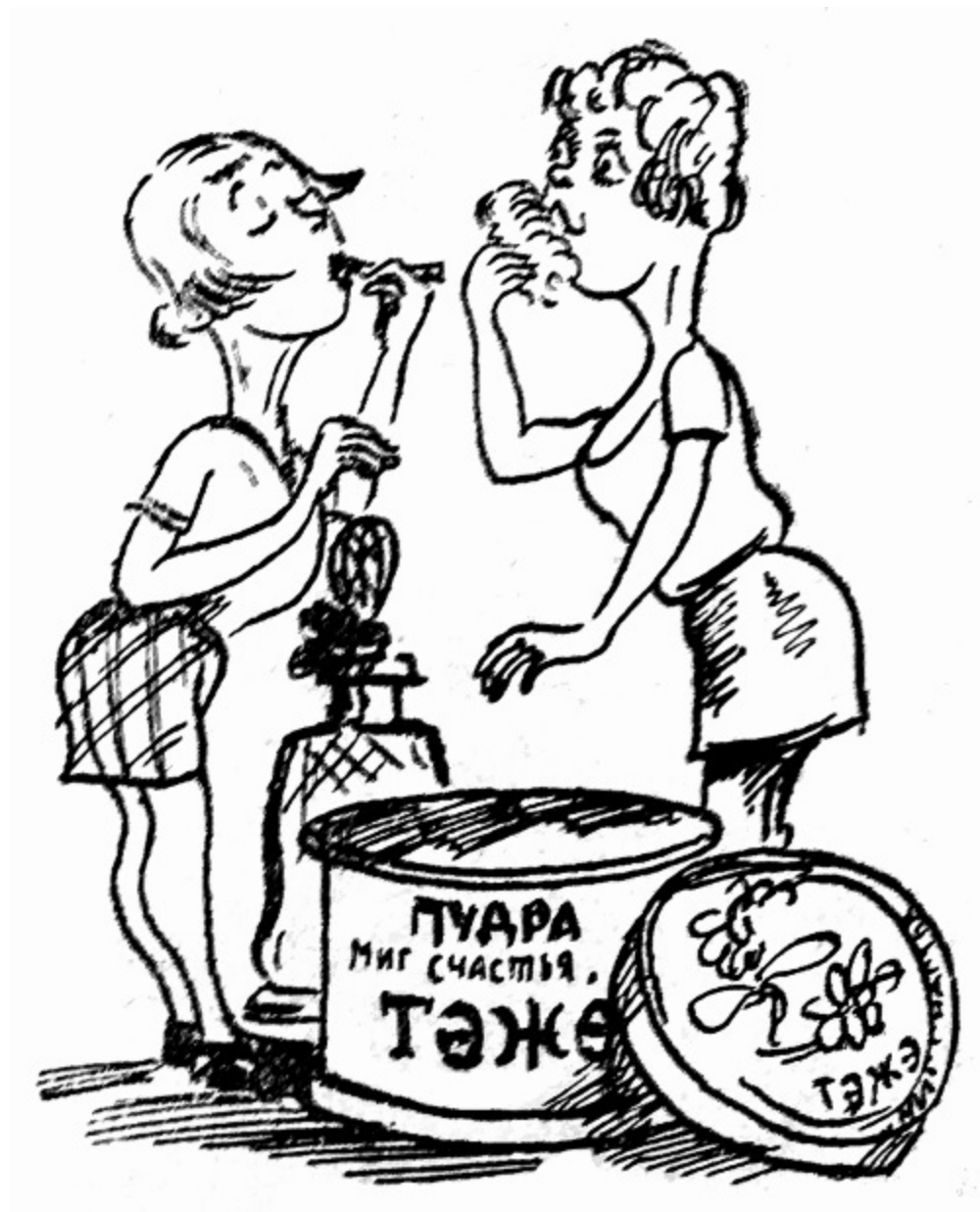
Период военного коммунизма создал новый тип женщин – мужеподобных революционерок, в кожанках, с папиросой в зубах и красной косынке, завязанной на затылке. Для мужчин кожанка также стала символом причастности к новой элите, равно как и кепка набекрень, и маузер или наган в кобуре. С нормализацией жизни подобные особы все больше стали выглядеть нелепо, особенно

учитывая, что их образ жизни обычно сопровождался пренебрежением к личной гигиене.

Официальная позиция власти по поводу того, во что должен одеваться настоящий советский гражданин, была достаточно противоречивой. Подходя к газетному киоску, девушка видела мускулистую товарку из «Работницы» или «Крестьянки» рядом с настоящей леди, одетой по последней парижской моде на обложке «Новостей моды», «Четырех сезонов» или «Женского журнала». Разумеется, у многих появлялось желание модно и дорого одеться, тем более что и среди самих коммунисток были те, кто не находил в моде ничего плохого. Достаточно вспомнить дочку петербургского юриста, профессора и одного из авторов первой советской конституции М.А. Рейснера Ларису Рейснер или элегантную Александру Коллонтай.

Вопросы приемлемой одежды активно обсуждались на комсомольских собраниях. Среди задаваемых вопросов были, например, такие: «Как Комсомол смотрит – можно ли пудриться, краситься, если нет, то почему?»; «Можно ли употреблять духи? Ведь это вещь хорошая»; «Почему нельзя назвать девушку мещанкой, если она пудрится?»; «Как смотреть на танцы? Мещанство? И допустимы ли они для комсомольцев?»; «Можно ли носить брюки дудочкой?»; «Скажи, а можно ли комсомолкам завиваться?» и т. п. [\[206\]](#).

Девушки, увлекающиеся косметикой и одеждой, мало обращали внимания на общественную работу. В пропагандистском раже их могли уподоблять размалеванным и разодетым дикаркам, думавшим о том, как танцевать всю ночь и попутно найти мужчину. Один из учащихся школы рабочей молодежи поделился своими впечатлениями о девушках с завода: «За один месяц пребывания на заводе „Красная Заря“ мне и моим товарищам по школе пришлось встретиться с рядом товарищей партийцев и комсомольцев, главным образом женщин, которые носят кольца, серьги, до безобразия красят свое лицо и плюс ко всему этому сажают себе на нос громадную горошину вместо естественной родинки. Не лучше ли свой излишний заработок употреблять на увеличение своего общего образования, и главным образом политического. А это самое главное, что отсутствует у всех этих товарищей. Партийному и комсомольскому коллективам надо обратить на таких товарищей внимание» [\[207\]](#).

Красный треугольник. 1929. № 59(98). 30 сентября. С. 2

То, что работницы увлекались чтением именно «Женского журнала», а не «Работницы и крестьянки» подтверждает письмо разгневанной барышни в редакцию «Ленинградской правды» в 1928 г.: «Как-то случайно попали мне в руки несколько номеров „Женского Журнала“. Невольно мне вспомнился этот же журнал дореволюционного времени. Мало он изменился.

Отдавая, по необходимости, маленькую дань вопросам текущей политики на первой странице, он дальше почти до конца повествует о модах, косметике и т. п.

Кому нужен такой журнал? На кого он рассчитан? Ведь вопросам красивой и удобной одежды, устройства уюта в жилище отводится немало места и в нашем журнале „Работница и Крестьянка“. Но наш журнал, давая советы по домоводству, кройке и шитью, вносит культурные навыки в рабочую и крестьянскую семью. „Женский Журнал“ же делает красивое платье и т. п. целью и этим, по-моему, развращает.

Мне думается, немалую роль он играет в погоне молодых работниц за модой. Мне приходилось не раз видеть его в руках молодых работниц, на которых он, несомненно, оказывает свое вредное влияние»^[208].

Населению СССР активно навязывались здоровый образ жизни, физическая культура, гигиена, спорт. Советский человек, строитель коммунизма, должен был быть крепок и здоров, готов как к трудовым подвигам, так и к обороне страны от потенциальных врагов. Политика власти в отношении физкультуры и спорта являлась зеркалом большевистской «культурной революции». Не секрет, что следование модным тенденциям в одежде может нанести вред организму, – момент, мимо которого поборники физического здоровья не могли пройти. Если критика вышедших из моды корсетов в 1920-е гг. уже стала не актуальна, то популярные высокие каблуки требовали соответствующей оценки. В журнале «Работница и крестьянка» за 1925 г. под фотографией пышущих здоровьем и силой девушек в спортивной одежде помимо описания значения физкультуры для здоровья встречаем: «Молодежь с каждым днем все больше и больше усваивает значение физической культуры. У большинства девушек уже не видно высоких каблуков, которые так вредно отзываются на здоровье последних»^[209]. Возможным выходом из этой ситуации виделась униформа, разработанная для различных профессий и категорий населения^[210].

Не меньший вред могло приносить и чрезмерное увлечение косметикой: «Гигиена требует, чтобы все тело, всю кожу, и притом почаще, во всяком случае, не менее 2 раз в месяц, обязательно мыть горячей водой и с мылом. Кроме того, для закаливания организма и

предупреждения простуды очень важно по возможности приучить себя ежедневно обтираться до пояса комнатной водой. <...> Зная, что кожа „дышит“, легко понять, что обычно употребляемые пудры, краски для лица и т. п. очень вредны»^[211].

Врач О. Боголюбова посвятила отдельную статью в «Красной газете» рассказу о ядовитости многих косметических средств и процедур: «В недалекое сравнительно время привилегия раскрашивания физиономии принадлежала исключительно „женщинам улицы“. Грим артистов обусловливается освещением рампы; также нов и грим киноартиста. Но раскрашивание лица женщинами труда, подростками, учащимися ВУЗ'ов и т. п. представляет ничем не оправданное явление, особенно когда доходит до границы, где понятие о красоте утрачивается. Такой спрос на косметику породил, конечно, огромное предложение и спекуляцию ею, и органы здравоохранения принуждены серьезно вмешаться в дело, так как при приготовлении косметики в ход идут химические вещества, не только не безразличные для здоровья, но нередко и прямо ядовитые.

„Молоко лилии“, „березовый крем“ и т. п. препараты, кроме названия, ничего ни от лилии, ни от березы не получили. И почти всюду, как суррогат, входят анилиновые краски, чрезвычайно ядовитые, и другие, тоже ядовитые, химические вещества. <...>

Средства для удаления морщин – еще более варварские; их обычно применяют в „институтах красоты“. Очень распространен способ впрыскивания под кожу парафина. Морщины действительно могут изгладиться, но введение инородного вещества вызывает разращение рубцовой ткани: кругом места операции появляются опухоли, развиваются отеки. <...>

Из средств для полировки ногтей ядовиты употребляющиеся в жидком виде. Известен случай воспаления кожи лица у женщины, спавшей с подложенной под щеку рукой: долгое соприкосновение кожи с накрашенными ногтями вызвало тяжелый дерматит.

Мода диктуется обычно праздными женщинами. Но что нелепой моде подражают трудящиеся девушки, урывая время от сна, чтобы успеть по моде „подкраситься“ – это не только удивительно, но становится социально нежелательным явлением, с которым пора начать серьезно бороться»^[212].

Начальство, в свою очередь, как и в случае со спиртным, больше беспокоило здоровье модниц и их трудоспособность. Во-первых, после танцев до упаду у станка стоять тяжело даже молодой. Вот такую сценку встречаем в газете:

«— Таня! идешь на вечер?

— Как же, ведь меня там Ваня ждет!

И обе спешат домой завиваться, пудриться — и бегом на танцульку.

Там дым столбом вплоть до утра. <...>

После танцульки усталые разбитые — прямо к станку.

Что за польза от такой работницы! Она еле на ногах держится.

Разумно пользоваться удовольствиями, конечно, никто не запрещает.

Но те увлечения танцулками, которыми грешат наши молодые работницы, следовало бы в корне пресечь.

От них вред здоровью, вред и производству»^[213].

Во-вторых, если девушка тратила большую часть своей скромной зарплаты на чулки и пудру, у нее могло просто-напросто не оставаться денег на еду и мыло.

Публицист, впоследствии начальник Ленинградского управления по делам искусств М.А. Рафаил (Рафаил-Балаховский) поделился с читателями содержанием письма одного из рабочих: «Работница Н. зарабатывает 65 рублей в месяц. Она — член комсомола. Две трети жалованья у нее уходят на маникюр, краски, шелковые чулки и танцевальные вечера. Она почти голодает. Два-три часа после работы у нее уходит на приведение своего лица в порядок. В разговорах со мной она часто говорит: „Скорей бы обвенчаться, а потом я бы и совсем ушла из комсомола“»^[214].

Как видно, основной целью девушек по-прежнему оставалось привлечь внимание мужчины. Несмотря на декларируемую большевиками эмансипацию, равноправие и полное освобождение от патриархальной зависимости, финансовое положение и социальный статус женщины по-прежнему зависели от мужа. Под ярлыком «мещанства» могло скрываться естественное стремление женщины к достойному уровню жизни. Внимание к одежде могло быть следствием не существования общества потребления с его стандартами, а наличия массы трудностей на пути к приобретению обычной детали гардероба или косметики. Доктор А.Г. Каган, занимавшийся исследованием быта молодежи, в книге «Молодежь

после гудка» привел пример беседы с молодыми работницами, посвященной, в частности, нерациональному использованию полочки – «много денег уходит у них на дорогие платья, шелковые чулки и т. д.». На вопрос «почему вы так поступаете?» девушки ответили: «Да очень просто. Если, скажем, я пойду на вечер в простеньком платье, шерстяном, будьте уверены – ко мне никто не подойдет, и весь вечер я просижу одна»^[215].

„Культурные“ атрибуты мещанина в комсомолии

Балтиец. 1929. № 53(163). 12 декабря. С. 5

Зачастую девиантным представлялось не само стремление красиво одеться и накраситься, а то обстоятельство, что параллельно игнорировались элементарные правила личной гигиены. Молодые рабочие тратили на одежду последние деньги, вместо того чтобы истратить их с гораздо большей для себя пользой: «...многие девушки собирают деньги не на то, чтобы купить себе белье, новое платье или пальто, а на то, чтобы сделать себе маникюр, купить шелковые чулочки, пудру или подстричься по последней моде „а-ля фокстрот“. А серьги, пудра, духи и прочее – сколько тратится на них денег работницами-девушками, не имеющими из-за этого возможности купить себе необходимые вещи.

Но хуже всего то, что эти помады, чулочки, пудра считаются за „шик“, хуже всего то, что об этом многие мечтают, стараются приобрести, иногда тяжелыми средствами, иногда в ущерб здоровью и чистоте, лишь бы иметь такие же туфельки, „как у Тани“, лишь бы „не стыдно“ было явиться в какой-нибудь клуб.

Нужно сейчас же, начиная с самого комсомола, повести борьбу за чистоплотность, за гигиену, потому что и у комсомольцев еще очень много времени и денег уходит на франтовство и щегольство, а не на баню, зубной порошок, чистую одежду и новую книгу» [\[216\]](#).

Об этом же писала работница завода «Красный выборжец»: «Я не против аккуратной красивой внешности каждого из нас, но зато против грязной внутренности.

Перед нами парень в лакированных джимми, в хорошем костюме, галстук, кэпи, а под всем этим грязное нижнее белье.

Он считает лучше купить модную кэпи, чем пару белья. Таких случаев немало. Вот знакомая девушка-комсомолка. Не платила за полгода членских взносов, а зато купила лакированные туфли и сумочку к пасхе.

Это часто затягивает нас в мещанство» [\[217\]](#).

Особенно доставалось учащимся фабрично-заводских училищ – «фабзайцам». Их обвиняли в том, что они неделями не ходят в баню, но при этом покупают модные ботинки «джимми» за 14 рублей, носят галстук («гаврилку») или бабочку («кис-кис»).

Грань между одобряемым и осуждаемым обликом оказывалась слишком тонкой – советский молодой человек должен выглядеть прилично, но не слишком, одеваться чисто, но небогато: «Надо

одеваться чисто и хорошо, опрятно и красиво. Костюм должен быть чистым и аккуратным, простым и полезным для нашего тела. Красивый, но не настолько роскошный, чтобы выделялся в общей рабочей массе, и соответствовал бы среднему рабочему бюджету»^[218]. Не всем удавалось придерживаться правильной линии в этом вопросе.

Танцы и одежда являлись косвенным подтверждением того, что молодой человек не хочет идти в ногу со своими товарищами по классу, что он стесняется своей принадлежности к рабочей молодежи. Как же должен выглядеть подобный отщепенец? Вот он – «электротехник Боб»:

«Борис Ключев – рабочий Путиловского завода. Комсомолец. Ежедневно, как и десятки рабочих цеха, берет свой инструмент и идет работать. Он – монтер. Здесь, в заводской среде, среди синих костюмов, он ничем не отличается от сотен других рабочих.

Но глубоко ошибается тот, кто, посмотрев на комсомольский билет Ключева, хотя мысленно отнесет его к людям нового быта, к людям, ценящим свое пролетарское достоинство. Впрочем, после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, подделываясь под гнусавый французский акцент, должны называть его „Боб“. Если вы встретите его где-нибудь в саду с „знакомой дамой“ и, подойдя, начнете говорить с ним о чем-нибудь, касающемся завода, он с опаской оглянется на „даму“ и обязательно замнет начатый разговор.

Ключев – комсомолец, молодой рабочий, стыдится своего „звания“. Он избегает называть себя рабочим, находя более картинные названия: „электротехник“, „электрик“ – рекомендует он „дамам“.

Бедный „Боб“, в эту получку ему не хватило трешницы на визитные карточки, текст которых он мечтал видеть таким: „Электротехник Ключев“.

Заглянув под убогий трехногий стол „электротехника“ мы найдем с десяток склянок с ярлыками „Вежеталь-Португаль“, „Кадюль“ и пр. Это – очень важная расходная у него статья.

Вот что говорил мне по секрету „Боб“ Ключев:

– Это не жизнь, а одно недоразумение... Я, кажется, с ума сойду. Хиромантка это сказала.

Комсомолец начинает посещать хироманток. Вот новое времяпровождение.

– Разве не занимает тебя комсомол, не интересует его работа? – спросил я однажды.

– Ну, хватил. комсомол, это так, по привычке. А что так, по существу буза. Это так. нужно лишь временно, для будущего. Эх, если бы денег побольше!..

Единственным ли примером комсомольца-мещанина является Ключев?

Нет и тысячу раз нет. Таких, как Ключев, похожих на него, – сотни»^[219].

А что получится, если истинного рабочего-пролетария попытается сбить с пути девушка? К сожалению, вероятным итогом станет «роковая любовь»:

«Был один хороший парень. Сережка. Он полюбил такую же простую девочку, как сам. Но их пути, в нехитром коротании дней у городской заставы, разошлись. По очень своеобразным, может быть, поводам. Не сошлись интересы. Она любила бывать в кругу людей, которые не ходят в кабаки, но пьют за чистыми вечерушечными столами, как лошади. Она не любила людей, которые не знают модных романсов и не умеют придавать любви тонкий и чарующий аромат. Он любил просто, любил смех и веселье не по нотам, и когда хотел пить, то шел в кабак, такой же темный и грязный, как и его настроение. Там он под вывеской о раках и пиве, и залил кончившуюся роковую любовь. Ребята называли ее: „Раковая любовь“. Вспоминаю, как он говорил Лидии:

– Я твоих заводных джентльменов не люблю. Я живой человек... Среди них я, как гвоздь в пироге... Хотя я тебя, знаешь Лидка, и люблю, как. сукин сын!..

Они рассорились и пошли разными дорогами. Он – плохую выбрал. Она – туда, где собираются люди, все изящные, как молодые миллиардеры, и умные, как отрывные календари»^[220].

Мещанство, прикрывшись безобидными танцами, косметикой и одеждой, превращалось в зло, не меньшее, чем пьянство или азартные игры. Оно так же затягивало и грозило убить классовую сознательность и стремление вместе с другими строить светлое будущее. Власть пока еще не могла уничтожить нэп, но и не дошла до «сталинского консьюмеризма» середины 1930-х гг. с его принципом «жить стало лучше, жить стало веселей». Из-за этого несчастные

рабочие, которым везде говорили, что именно они авангард и элита нового общества, оказывались между окружавшей их красивой жизнью журнальных обложек, кинофильмов и ресторанов и спартанским, с нотками пуританского ханжества, «идеальным» бытом, предлагавшимся официальной пропагандой.

Язвы мещанства в Петрограде-Ленинграде 1920-х гг. разъедали не только рабочую молодежь, но и будущую советскую интеллигенцию – студентов. Среди них также находилось достаточно несознательных элементов, танцевавших фокстрот и пудривших нос, но отличительной чертой вузовцев стало «упадничество». Считалось, что пессимизм не для пролетариата: «...упадничество во всяких его формах по самой своей природе чуждо пролетариату. Оно характерно для отживающего класса – буржуазии, которая, несмотря на то что нэп предоставил ей пока некоторые возможности „дышать“, видит свой конец, свое окончательное и полное уничтожение в результате победоносного социалистического строительства»^[221].

И именно студенчество, среди которого еще оказывались сильны дореволюционные элементы, было ближе к этой буржуазии. Университеты, институты и академии являлись ареной бескомпромиссной борьбы за пролетаризацию высшей школы. Не только большинство профессуры, но и значительная часть студенчества не приняла революцию. «Красные» студенты называли их «белоподкладочниками», намекая на обязательную студенческую дореволюционную форму, которую те упорно продолжали носить. Приток в вузы пролетариата и ограничения на поступление для «бывших» приблизил власти к успеху, но ситуация была очень зыбкой, что и показал 1927 г.

Именно в этот год началась борьба с упадничеством, символом которой стала «есенинщина». Поэт-самоубийца оказался не только самым популярным среди молодежи, но и идейным вдохновителем пьянства, хулиганства и даже суицидов. На эту тенденцию обратил внимание народный комиссар просвещения А.В. Луначарский. В докладе в Коммунистической Академии 13 февраля 1927 г. он признался: «Если хулиганство нечувствительно переходит в уголовщину, то пессимизм нечувствительно приводит к самоубийству. И одно время сильно участвовавшие случаи самоубийства среди вузовцев показали, что действительно такая болезнь существует»^[222].

Конечно, некоторые полагали, что пролетариату с этими людьми не по пути и «есенинщина» распространена среди других классов, почему и не стоит обращать на нее пристального внимания: «Известно, представители каких социальных прослоек молодежи попадают в ряды есенинцев, известна социальная база есенинщины. Обследование самоубийств в вузах показало, что самоубийцами-есенинцами являлись по преимуществу выходцы из деревни и из городской мелкой буржуазии – элементы, социально родственные Есенину, являвшемуся знаменем их упадочных настроений, ушедшие от своей социальной среды, пошедшие к пролетариату, но к нему не дошедшие, завязшие на беспутье» ^[223]. При этом часть партийных активистов и функционеров все же понимала, что неконструктивным было бы просто закрыть глаза на проблему.

Сигналом к началу дискуссий о Есенине и есенинщине послужила статья Н.И. Бухарина «Злые заметки», ударившая «залпом» по его творчеству: «И все-таки, в ц е л о м есенинщина – это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из „кобелей“, икон, „сисястых баб“, жарких свечей, березок, луны, сук, господ бога, некрофилий, обильных пьяных слез, и „тропической“ пьяной икоты, религии и хулиганства, „любви“ к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на „широкий размах“ (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распушенности, поднятой до „принципиальной**“ высоты, и т. д., – все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма, – вот что такое есенинщина» ^[224].

В творчестве Есенина увидели то упадничество, которое приводило, по словам А.В. Луначарского, к «острой волне хулиганства, доходящего чуть ли не до массовой уголовщины, в унынии, пессимизме, безверии» ^[225].

Многими смерть Есенина была воспринята как протест против советской власти. Действительно, и в 1920-е и в 1930-е гг. это был один из способов демонстрации несогласия, который по-настоящему пугал партийную верхушку. Вряд ли это имело отношение к Сергею Есенину, но представители власти поспешили заявить, что «антисоветские, контр-революционные элементы поняли смерть Есенина как протест против советского строя, который будто бы

никого не устроил»^[226]. Критик, главный редактор журнала «Новый мир» Вячеслав Полонский прямо заявил: «Упадочничество есть маска контрреволюции, и всякие упадочнические настроения, объективно или субъективно, прямо или косвенно, есть вода на мельницу контрреволюции»^[227].

Некто товарищ Иванов, участвовавший в том же диспуте в Комакадемии, видимо, представлявший рабочих, утверждал, что это проблема учащейся, а не рабочей молодежи: «Я хотел только подчеркнуть, что есенинщина, те упадочнические настроения, которые имеются среди учащейся молодежи, составляющие зло всей учащейся молодежи, – это одно, а те больные стороны, которые имеются у рабочей молодежи, они коренным образом отличаются от упадочнических настроений, от есенинщины, от уголовщины и хулиганства»^[228].

Ряд выступавших был склонен искать объективные причины распространения есенинщины. В первую очередь, речь шла о тяжелом материальном положении студенчества. К. Радек считал, что именно оно лежит в основе упадочничества^[229]. О тяжелой жизни студентов упоминал и А.В. Луначарский, параллельно критикуя социальное неравенство, вернувшееся с переходом к нэпу: «Говорят: „грызите гранит науки“. А он уже часть зубов сломал, остальные должен класть на полку. Сидят друг на друге в общежитии; чувствует вузовец, что он заболел, что ему бесконечно тяжело, и в то же время он видит кажущиеся противоречия – того, что принес с собой НЭП»^[230].

Писатель Л. Леонов задавался вопросом, зачем так много вузов в стране (только на Украине столько же, сколько во всей Германии), при том что они концентрируются в больших городах: «Целесообразно ли держать колоссальное количество людей в Москве и Ленинграде в плохих жилищных условиях, которых можно без ущерба держать в других городах?»^[231]. Некто товарищ Новоселец рассказал присутствовавшим историю о работнице-комсомолке, которая попала под сокращение, не смогла найти работу: «Отсюда идет разочарование: в комсомоле-де ничего нет, партия-де не ведет нас по пути социалистического строительства. Отсюда уныние. Потом – либо она кончает самоубийством, либо становится проституткой»^[232].

Аплодисменты вызвало следующее утверждение Л. Сосновского: «Мы замордовали политграмотой нашу молодежь. <...> Сидят молодые рабочие, к ним приходит человек и говорит то, что ему хочется, а не то, что их интересует. И от этого замордования вдруг раскрыть книжку Есенина, где говорится о человеческих чувствах, о любви, о горе, где плачут и смеются, где какие-то человеческие звуки есть! Товарищи, ведь это же все равно, что из погреба с прокисшей капустой выйти на весенний воздух. И поэтому успех Есенина среди нашей молодежи понятен» [\[233\]](#).

Интересное объяснение есенинщины принадлежало экономисту и социологу, видному троцкисту Е.А. Преображенскому. По его мнению, речь идет о кризисе «био-психологического материала». Беда в том, что не хватает достаточной материальной базы для более быстрого движения вперед, а с другой стороны, не хватает человеческого материала, который был бы адекватен социалистической структуре советской промышленности: «Мы имеем явную диспропорцию, явные ножницы между тем огромным шагом вперед, который мы сделали в Октябре, национализировав нашу промышленность, с одной стороны, и тем запасом людей, которые могли бы быть в полном смысле социалистическими строителями в смысле государственного правления и в смысле руководства хозяйством» [\[234\]](#). При этом утверждалось, что признание малокультурности кадров не является поводом утверждать, что рабочий класс не готов к социалистическому строительству.

На местах парторганизации и коллективы должны были как-то включаться в подобные кампании. Желательно достаточно шумно. Вузы Ленинграда в случае с есенинщиной не стали исключением. Расскажем о двух событиях из жизни Политехнического института, одного из ведущих центров подготовки инженерных кадров, столь необходимых в условиях установки на ускоренную индустриализацию.

Сначала там был обнаружен «Клуб сумасшедших». Шесть студентов-электрохимиков IV и V курсов начали трудиться в лаборатории технической электрохимии. Несмотря на добросовестный труд, у ребят оставалось время на досуг, который нечем было заполнить. Помимо шахмат и различных умственных игр они любили то, что обычно называют мальчишеством и дурачеством. Например, разговор на различных условных языках и создание «Клуба

сумасшедших», члены которого должны были вести себя по возможности нелепо: курить несколько папирос сразу, говорить об обыденных вещах сугубо научным стилем, здороваться «по-китайски» и т. п. На деятельность «Клуба» до поры до времени никто не обращал внимания, пока ребята не задумали провести конкурс красоты. Это предстало уже не как забава, а как явный признак разложения. Оценивать женщину, как товар или скотину, – удел разлагающегося Запада. Студенты в итоге признали, что заслуживают товарищеского осуждения, при этом указывая, что с их стороны «наблюдалась известная оторванность от общественной жизни института, в результате чего явились наши мальчишества и дурачества, за что мы несем полную моральную ответственность»^[235].

Другой случай связан с письмом студента старшекурсника Андрея Юрова, в честь которого начавшуюся внутри-институтскую кампанию по борьбе с упадничеством называли «юровщина».

Вполне возможно, что студента Юрова не существовало (во всяком случае, наши попытки найти его в списках студентов не увенчались успехом). Вероятно и то, что письмо, якобы написанное им и принесенное товарищами (хороши товарищи!) в редакцию институтской газеты, всего лишь искусственно созданный апокриф.

Согласно легенде, Юров – человек искренний и увлекающийся, храбрый участник Гражданской войны. Он «быстро загорался и работал энергично, забывая обо всем, но в минуты усталости и неудач у него быстро опускались руки. Точно так же и в И-те не все шло так гладко, как пишет Андрей. Во время его работы в факультетских организациях периоды активности сменялись периодами апатии и пессимизма»^[236]. Времена героики закончились, наступили трудовые будни, «требующие воли и большой выдержки», которой у романтика Юрова не было. При публикации письма редакция предупреждала: «Юровы нам не опасны. Письмо не сигнализирует об опасности. Но „Юровщина“, в какой бы форме она ни проявлялась, может вредить выковыванию нашего пролетарского самосознания. Этому вреду мы должны дать и дадим самый решительный отпор»^[237].

В начале письма Юров жалуется другу на бессонницу, на то, что «усталое тело требует отдыха, а возбужденный долгой работой мозг не успокаивается...». Вспоминая Гражданскую войну, он отмечает, что раньше они на нервы не жаловались: «В восемнадцатом году не про

нас ли Комиссар сказал: „У этих ребят не нервы, а тросы стальные“. Тросы превратились в мочалу, разъедена сталь плесенью». Врачи советуют отдыхать, но когда, если «надо заниматься часов по 12–14 в сутки», а очереди на экзамены «громаднейшие, как в 19-м году за хлебом». Раньше спасала общественная работа – «пять лет была она моим отдыхом, источником моих сил». Теперь же никакой работы в институте нет: «Имеется переливание из пустого в порожнее, бесчисленные, с многочасовой говорильней, никому не нужные собрания, механическое отбывание различных повинностей, регистрации, перерегистрации...». И жить приходится на 25 рублей в месяц без особой возможности подработать. Тоска и пессимизм, разочарование в жизни накладывают отпечаток на досуг Юрова: «Развлечения тоже требуют денег и времени. В Институте развлечения не найдешь: устраиваются вечера с танцами (эти „удовольствия“ ведь не для нас). В театр – дорого, льготный билет достать трудно (билетов мало, а нас много). И вот, когда бывают деньжата, то соберешься где-либо с приятелями в комнатухе или пойдешь в какой-нибудь „Бар“ и напьешься с горя. Противно потом.

Без женщин, Митюха, тоже не проживешь. Тянет, грешным делом. Но как вспомнишь свои дела, самого себя презираешь. На словах мы все хороши: „Женщина – друг, товарищ“. А на деле.

Наши студентки в большинстве еще „кисейновидные“ существа, за которыми надо поухаживать, в театр сводить. От разговора с ними стошнить может. За „стоящими“ увиваются сотнями. Следовательно, на это дело опять нужно время, а его жалко. И если уж дорвешься до какой-либо, то тут не до „товарищества“, а как бы поскорей подмять и удовлетворить свою похоть. Случалось, по пьяной лавочке, и „живым товаром“ пользоваться. Противно, мерзко.» Оглядывая свою жизнь за последние несколько лет, Юров признается, что ему становится жутко. Ему хочется освободить от этого: «Сгореть в огне революционной работы, погибнуть в пылу созидательно-творческой работы, положить голову на „поле брани“ – согласен, но медленно погибать от „плесени“ – не согласен, не желаю, лучше смерть.

И тянется в такие моменты рука к револьверу...»^[238].

Подробно проанализировавший оба этих случая, М.Рафаил полагал, что расслабляться не стоит: «Исполбюро признает, что студенты были оторваны от широкой общественности, но не может быть речи об

идейном и моральном разложении. Согласимся на минуту с комиссией исполбюро. Но как тогда объяснить такие странные развлечения, что понимать под упадничеством? Если кто-нибудь напишет письмо, что посещает „Бар“, зубрит уроки, не отдыхает, оторван от общественности, – то это упадничество, а если не один, а группа студентов признает в печати факты, изложенные в заявлении шести студентов, – то здесь нет элемента упадничества? „Клуб сумасшедших“ ликвидирован благодаря вмешательству общественных организаций, но заразная затея могла привлечь других студентов. Оригинальный способ отдыха, на который нужно тратить в несколько раз больше сил, чем на занятия!» [\[239\]](#).

Конечно, серьезную опасность эти случаи представляли только в глазах тех, кто об этом писал. Стремление талантливых людей быть не такими, как все, и объективное недовольство условиями быта, нищетой и бюрократией было очень удобно представить в виде попыток вылазки классового врага. Несмотря на заверения газеты Политехнического института «Товарищ», что «в редакции есть специальная полка „юровщины“», и «она пухнет от материала», а также о том, что лозунг «упадочничество – в штыки», был поддержан и развернул горячие прения на собраниях, кампания почти моментально затухла.

Стремление власти регулировать и вмешиваться во все сферы отдыха простых ленинградцев подчас приводило к трагикомическим последствиям. Институтские шутники, девушки-любительницы танцевать фокстрот и покупать дорогие шелковые чулки, рабочие, носившие галстук-бабочку, приравнялись чуть ли не к врагам революции. Сейчас называть их поведение девиантным просто смешно, но реалии масштабной культурной перестройки постреволюционного периода диктовали иное, абсолютно серьезное отношение даже к таким мелочам. При этом в кампаниях по борьбе с различными проявлениями мещанства обращает на себя внимание то, что власть на местах стремилась искусственно связать мещанство и упадничество с традиционными девиантными формами досуга – пьянством, хулиганством, проституцией и пр.

«Долой безобразников по женской линии»: гендерная дискриминация в области досуга

Как показывает анализ литературы, внимание к производственной функции женщины и истории семьи заслоняет от нас эволюцию и специфику досуговой сферы в женской коммуникационной среде. В настоящее время история досуга является одним из наиболее быстро набирающих популярность направлений в исторической науке, тесно связанным с «новой культурной историей», историей повседневности, исторической антропологией, микроисторией, исторической урбанистикой и т. д. История досуга представляет собой уже институционализированное, но еще недостаточно разработанное направление исторической науки, содержит множество лакун, заслуживающих пристального изучения. К таковым можно отнести проблему гендерных особенностей досуга в 1920-е гг. Исследователи преимущественно занимаются изучением мужского досуга, обращая внимание на женщину лишь в контексте ее интеграции в традиционно маскулинные практики – спорт, общественно-политическую деятельность и т. п. Нам представляется, что актуальность исследования данной темы связана не только с ее неразработанностью, но и с современными российскими реалиями, когда вопросы женской эмансипации требуют ответа во многом на те же вызовы, что существовали несколько десятилетий назад.

**УСИЛИМ БОРЬБУ С ПРОСТИТУЦИЕЙ
- ПОЗОРНЫМ НАСЛЕДИЕМ КАПИТАЛИЗМА**

**ПОМОЖЕМ ДЕВУШКЕ И ЖЕНЩИНЕ ПОЛУЧИТЬ КВАЛИФИКАЦИЮ.
РАЗВЕРНЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО ИНТЕРНАТОВ, МАСТЕРСКИХ ДЛЯ
БЕЗРАБОТНЫХ, ПРОФИЛАКТОРИЕВ И ВЕНДИСПАНСЕРОВ.
УДАРИМ ПО РАЗВРАТИТЕЛЯМ**

Плакат «Усилим борьбу с проституцией – позорным наследием капитализма!». 1930 г.

В отличие от времен царизма, продажу женщиной своего тела большевики считали недопустимой, а проституток – жертвами. Данный взгляд в целом отвечал существовавшему в образованном обществе мнению, формировавшемуся под влиянием, в том числе, таких трагических образов, как несчастные Сонечка Мармеладова и Катюша Маслова. Виновными в результате оказывались не только те, из-за кого они пошли на панель, но и те, кто пользовался их услугами. Таким образом, криминализировалась распространенная форма досуга, и девиантом оказывался скорее потребитель, а не девушка. Другое дело, что в качестве активных деятельниц революционного движения продажные развращенные особы тоже не рассматривались. В 1920 г. В.И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин весьма скептически отнесся к ее идее организовать проституток Гамбурга в отдельный революционный отряд. Проститутки, эти «двойные жертвы буржуазного общества», по его мнению, при этом заслуживали сожаления^[240].

Декларирование «братского человеческого отношения к проститутке» причудливым образом сочеталось с жесткими репрессивными мерами. Самым тяжелым временем для городских проституток, как и для населения Петрограда в целом, являлся период военного коммунизма. Город обезлюдел, а голодным жителям было не до плотских утех. Об этом говорит и резкое снижение числа изнасилований – с июня по сентябрь 1918 г. за это преступление арестовали четырех человек (из 7840), а с июня по сентябрь – только одного (из 1209)^[241].

Усилилась и борьба с проститутками, которых на 1920 г. насчитывалось около 17 тыс.^[242] Они могли привлекаться к принудительным работам и, наравне с другими паразитирующими элементами, направляться в концентрационные лагеря^[243].

Общественный труд был признан обязательным – принцип «кто не работает, тот не ест» закреплялся Конституцией 1918 г., а продажа своего тела за деньги к таковому не относилась. В 1919 г. в здании бывшего Чесменского дома инвалидов на Московском шоссе был организован первый в стране концентрационный лагерь

принудительных работ для женщин, через который менее чем за год прошло 6,5 тысяч женщин, сверх половины которых были проститутками. Многие продажных женщин выслали за пределы города. Одновременно город был полон притонов: одна из облав показала, что гостиница «Москва» на углу Невского и Владимирского являлась настоящим борделем, который посещали бандиты и где продавали кокаин.

«Проститутка от бара» и «Леля с Казанской»

Уже к 1922 г. ситуация резко изменилась. Власть смирилась с существованием нетрудовых элементов. Начальник петроградской милиции в 1922 г. отмечал, что проституция процветает совершенно свободно на всех главных улицах города: проспекте 25-го Октября (Невском), Вознесенском и других. Девушки вовсе не собирались прятаться, а всячески обращали на себя внимание откровенным видом и вызывающим поведением ^[244]. Появление богатых людей привело к появлению дорогих и не очень женщин рядом с ними. Желаемой целью для амбициозных девушек стали нэпманы и растратчики, с которыми можно было не только провести шикарный вечер в «Европейской» или пригороде, но и растрести на подарочек. В ходившей среди жителей города того времени песенке «Проститутка от бара» героиня мечтала: «Меня купит растратчик богатый, и на Остров уеду я с ним...».

Раз с началом нэпа власть стала мириться с существованием нетрудовых элементов вообще, то не было причин делать исключение для проститутки. Было бы крайне несправедливо карать ее за занятие развратом, а мужчину, который ее покупает, оставлять безнаказанным. О себе проститутка могла рассуждать как о представительнице «свободной профессии», то есть используя тот термин, который раньше употреблялся для писателей, адвокатов или артистов. Во всяком случае, именно так на вопрос о роде занятий ответила судье свидетельница на одном суде – «Леля с Казанской улицы», молоденькая девушка в синем костюме. Присутствовавший при этом К.И. Чуковский в своем дневнике констатировал, что если такая Леля оказывается его сотоваркой, то «свободная профессия – в современном русском быту – это нечто не слишком почтенное» ^[245].

Единой статистики числа проституирующих в городе женщин нет. Кроме того, стоит учитывать, что практически не поддается подсчетам тайная проституция. По утверждению врача М.С. Бараша, в Ленинграде в 1925 г. приходилась одна тайная проститутка на 20 женщин ^[246]. В 1928 г. в ряде крупных городов Союза венерические

диспансеры провели изучение проституирующих женщин по анкете. В Ленинграде вендиспансер Центрального района

опросил 628 проституток, что позволило определить их профессиональные и социально-демографические характеристики. Оказалось, что большинство – это молодые девушки до 24 лет, из рабочих или крестьян. В массе своей они грамотны, проживали в ночлежных домах. Среди причин, заставивших пойти на панель, традиционно указывали нужду и безработицу. Клиентов в основном искали на улицах, а потом шли в бани, квартиры клиентов или отдельные кабинеты ресторанов^[247], последние находились под запретом, хотя это не останавливало предприимчивых владельцев. Выглядели подобные места далеко не всегда шикарно. Вот как описывается рейд обследовательской группы Центрального района комиссии по борьбе с проституцией, вместе с сотрудниками Угрозыска в апреле 1928 г. по ночным кафе города:

«Мрачный восточный „Духан“. Облако дыма и пара. Гремит женский „джаз-банд“. Грязь пивнухи низкого пошиба; заплеванные полы, грязные столики, подвальная сырость. Отдельные кабинеты здесь упразднены уже давно по требованию административного отдела.

В другом кабаке „Кавказ“, несмотря на имеющиеся запрещения, функционирует 6 отдельных кабинетов. Администрация ресторана оправдывается тем, что „ничего, кроме разговоров, в кабинетах не бывает“.

Комиссия обследовала ресторан „Ша-Нуар“. Общий зал „шикарного“ ресторана. Рядом вплотную с ним – грязная клоака: полутемные мрачные своды, толстые капитальные стены и дубовые двери кабинетов; юркий заведующий забегают наперед сотрудника Угрозыска с очевидной целью предупредить и приготовить встречу обследовательской комиссии, но во тьму кабинетов уже врывается назойливо яркий электрический свет.

В одном из кабинетов узнает своих двух пациентов врач-венеролог. Обход помешал двум проституткам, больным сифилисом, заразить их двух случайных спутников – пьяных мужчин.

Из другого кабинета доносятся сдавленные крики о помощи. Комиссия бросается туда. Еще бы немножко, и было бы уже поздно.

Оголтелый и пьяный мужчина душил проститутку, требуя, чтобы она возвратила ему свой „гонорар“». ^[248]

Стоит отметить, что и сами стражи порядка являлись постоянными клиентами проституток. Так, в отчете комиссии по делам несовершеннолетних за 1923 г. отмечалось, что малолетние проститутки пользуются покровительством милиционеров, умеют ладить с ними и «ублажать» ^[249]. Проститутки были постоянными гостями школы командного состава уголовного розыска и милиции, а во время облав различных притонов наряду с бандитами попадались и те, кто должен с ними бороться. Вероятно, отчасти поэтому борьба с такими «клоаками» проходила не особенно успешно. Более того, коллеги по противозаконному бизнесу оперативно предупреждали друг друга о проверках, и даже в случаях разоблачения кабинеты быстро открывались снова. В ответ на одно из заявлений вендиспансера с просьбой принять меры, в Угрозыске ответили, что, по их мнению, если привлечь всех притонодержателей к ответу, то в «Ленинграде судей не хватит» ^[250].

Именно благодаря ленинградским венерологам мы знаем некоторые особенности проституции в городе и о социальном составе ее потребителей. Вот что писал венеролог Е.Я. Соскин в «Ленинградскую правду»: «Нам, работникам диспансеров, приходится каждодневно сталкиваться с теми кадрами людей, которые создают „спрос“ на проституцию и которые являются потом к нам в качестве жертв.

К немалому удивлению, среди них изрядную часть составляют такие лица, которым, казалось бы, менее всего подобало сталкиваться с проститутками. Частыми клиентами проституток оказываются семейные люди, живущие совместно с семьей. Что же толкает их к проституткам? Думается, что здесь имеет место исключительно половая распущенность.

С такою распущенностью можно и должно бороться культурно-просветительными мерами.

Ведь здесь беда не ограничивается тем, что тот или иной „семьянин“ заболевает венерической болезнью. Горе заключается в том, что большинство из них заносит болезнь в семью и становится, таким образом, источником заражений.

Среди таких лиц санитарно-просветительная работа могла бы, несомненно, дать положительные результаты и заметно понизить спрос на проституцию.

Многие из наших пациентов, в большинстве зеленая молодежь, попадают к проституткам благодаря уговорам и примерам со стороны своих „опытных“ товарищей.

С „ухарством и молодечеством“ старших товарищей, с этой отвратительной отрыжкой старого быта, следует покончить. И мне думается, что несколько агитсудов или соответствующих инсценировок на фабриках или в клубах могли бы помочь созданию среди молодежи атмосферы, осуждающей пользование проституцией»^[251].

Отсутствие официального контроля над проституцией вытеснило ее в неподконтрольную сферу. Зачастую в условиях жилищного кризиса клиентов приходилось обслуживать прямо на улицах, железнодорожных вокзалах и т. д. Могло существовать и экономическое партнерство между сдававшей комнату пожилой мадам и проституткой, приводившей туда клиентов.

Видимо, этим можно объяснить впечатление В.В. Шульгина зимой 1926 г. поразившегося тому, что проститутток на улицах стало в сравнении с дореволюционным периодом намного меньше: «На Невском я оформил наблюдение, которое я сделал еще раньше. Свободная любовь – свободною любовью в социалистической республике. Но порнография, должно быть, преследуется. Ибо нигде я не видел даже того, чем пестрят витрины всех городов Западной Европы. Голости совсем не замечается.

То же самое надо сказать насчет уличной проституции.

В былое время с шести часов вечера на Невском нельзя было протолпиться. Это была сплошная толпа падших, но милых созданий. Сейчас ничего подобного нет. Говорят, они переместились и по преимуществу рыскают около бань. Другие объясняют, что вообще проституция сократилась, дескать, мол, нет в ней нужды: и так все доступно. Но это, конечно, преувеличено. Мне кажется, что в этом вопросе что-то произошло. А что именно, я дешифровать не мог. Спрашивал, может быть, милиция очень преследует. Говорят, нет. В Ленинграде не притесняют»^[252].

Если у проститутки было свое жилье, то оно превращалось в воровскую «малину». Газета «Последние новости» в 1923 г., описывая преступный мир Петрограда, связывала число проституток с уровнем криминала: «Проституция в Петрограде развивается больше всего за счет преступлений. Большинство воров укрывается у проституток и проживают там всю свою, нередко кровавую, добычу. Проститутка – первый проводник и путь к преступлению. Они знают всех воров по кличкам, охотно дают у себя приют всякому темному элементу. Чем меньше будет проституток, тем скорее в городах сократится уголовная преступность. Жизнь проститутки – сплошное преступление. Большинство подростков, в возрасте от 16–20 лет, гибнет через них»^[253].

Отдельная практика – девочки-беспризорницы, фактически являвшиеся проститутками в своем сообществе. П.Г. Бельский, анализирувавший хулиганство в детском и юношеском возрасте, обратил внимание на случай некоего М.Г., мальчика 1911 г. рождения, который рано осиротел и постоянно сбегал из детских домов, в которые его помещали. Он был из тех, кому нравилась жизнь на улице, вне закона, ведь там царствует принцип: «Если нравится, если хочется, то все делать можно». При побегах из детских домов М. Г. знакомился с компаниями беспризорных: «На вырученные от краж деньги устраиваются оргии, – самогон, политура, вино („и коньяк пил“), кокаин дурманят головы детей, и они предаются „свальному греху“ с девочками-проститутками („шмарами“). Педерастия процветает и как промысел, и как страсть. Задержанный после трех лет такой жизни и препровожденный в Научный институт в целях перевоспитания М.Г. с восторгом рассказывал о своем „привольном, веселом житье“, не понимая запретности этих удовольствий, ведь „было весело“. Единственная вещь, которой он опасался – „схватить от «шмары» дурную болезнь (такая шмара может и испортить человека)“»^[254].

«Пережиток рабства»

Говоря о проституции как о пережитке буржуазного общества, большевики связывали ее распространение с наследием прошлого. С.Е. Гальперин безапелляционно утверждал, что проституция – «пережиток рабства»^[255]. В коммунистической утопии будущего ее, конечно, не будет. В период нэпа на проститутку советский закон продолжал смотреть как на паразита, т. е. как на человека, живущего на нетрудовой доход: «Понятно, что, с Советской точки зрения, занятие проститутки достойно резкого осуждения, и сама она является элементом вредным для общества, даже помимо того венерического яда, какой с ее помощью распространяется»^[256]. В центре внимания исследователей проституции было два основных вопроса: почему девушки становятся проститутками и почему к их услугам прибегают советские граждане, в том числе сознательные рабочие?

Как отмечалось выше, сами проститутки традиционно винили в своей судьбе нужду и отсутствие денег. Разумеется, речь могла идти не только о пресловутом куске хлеба, но и о соблазнах большого города. В книге «Проституция. Ее причины и борьба с ней» доктор Б.В. Цуккер указывает на это как на «один из самых сильных факторов проституции». В качестве доказательства он цитирует Августа Бебеля: «Этот соблазн больших городов – один из самых сильных факторов проституции. „Девушки, у которых постоянно перед глазами находится мир буржуазной роскоши, приучаются к потребностям этого мира. Но удовлетворять эти вновь народившиеся потребности они в состоянии лишь тогда, когда они начинают прибегать к побочному позорному заработку“»^[257]. Если до революции в России, как и в других странах, проститутками «подрабатывали» горничные, то это объяснялось тем, что со временем условия выбивают из них чувство человеческого достоинства, они перестают считать себя людьми. Эти отличительные психологические черты «цеха прислуг» во многом оказались перенесенными в новый советский быт, ведь и прислуга, и фабрично-заводская работница – обе вышли из деревенской среды.

В проститутки могли идти и студентки ленинградских вузов. Жизнь студента, особенно приехавшего из провинции, в 1920-е гг. была

незавидной. На несколько лет он обрекал себя на бедность, недоедание, кошмарные жилищные условия в сочетании с высокой учебной и общественной нагрузкой. Стипендии выплачивались далеко не всем, и прожить на них было очень сложно. В июне 1926 г. в Политехническом институте произошел возмутительный случай – студентка IV курса кораблестроительного факультета приема 1921 г. Екатерина Федоровна Афанасьева плеснула водой из кружки в лицо декану факультета В.Л. Поздюнину. Причиной стало решение декана о ее переводе во вторую очередь для прохождения плавательной практики, что она трактовала как издевательство и ущемление ее прав как женщины. Правление института решило ее исключить, но за девушку вступилось Исполнительное бюро профсекций. 9 июля оно направило уполномоченному Наркомпроса в Ленинграде Б.П. Позерну письмо с просьбой отменить постановление правления. Показательно, что среди прочих аргументов был следующий: «Студентка Афанасьева является женщиной (процент женщин на Кораблестроительном ф-те – 1), по отношению к которым необходим более осторожный и вдумчивый подход. В вузовских условиях были факты, когда по экономическим условиям студентки доходили до проституции»^[258].

При этом не стоит забывать, что многие вставали на этот путь в поисках развлечений и легких денег. Среди проституток был процент тех, для которых их работа в то же время и форма досуга, а нэп – возможность «сладкой и веселой» жизни. Один из ведущих специалистов в этом вопросе, работавший в Петрограде, А.А. Жижиленко указывал: «Конечно, главным обстоятельством, предрасполагающим женщин к проституции, является нужда, так что и здесь мы встречаемся со всемогуществом экономического фактора, но нельзя думать, что нужда является единственным стимулом к проституции. Погоня за удовольствиями и стремление к легкой, нетрудовой, разгульной жизни толкает на путь проституции и таких женщин, которые вовсе не находятся в тяжелом экономическом положении»^[259].

В книге «Снега» Борис Пильняк приводит диалог героя с одной из таких:

«– Я ее люблю, и у меня от нее дочь.

– Ну да. А мы любим без детей... мы встаем не утром, а днем, и днем скучаем, чтобы веселиться ночью, когда вы разумно спите, –

крикнула Ксения Ипполитовна. – Мы „гейши фонарных свечений“, – помните у Анненского? Ночью мы сидим в ресторане, пьем вино и слушаем ночное кабаре. Любим без детей. А вы? – вы живете разумно, правдивою жизнью, ищете правду. что же!? – правда!.. – крикнула зло, насмешливо»^[260].

Такой же оказалась простая советская девушка Мария из рассказа А.Н. Толстого «Случай на Бассейной улице». Она полюбила красивую жизнь, а путь к ней лежал только через объятия нэпмана:

«Пять раз Мери смотрела фильму „Великосветские бандиты“.

С каждым разом (приходя в кино, где ее ждал Михаил) Мери становилась все шикарнее. Обрезала юбку на полтора вершка выше колен, завела шляпку кирпичного цвета, шелковые чулки. Михаил боялся даже смотреть на нее, мрачнел с каждым разом.

– Мери, как же это: опять новые туфли?

– Немного жмут, знаешь, прямо беда...

– Ради бога, не мучай... Кто тебе делает подарки?

– Безусловно это не твое дело... Будь доволен и тем, что мной обладаешь.

– Миша, ты меня, главное, не ревнуй, – говорила теперь Мери, – если я бываю с мужчинами, то это для нашей общей выгоды. А люблю я одного тебя. И мы уедем, уедем в Париж»^[261].

Именно такие становились временными спутницами растратчиков, сбегающих от семей на юг или кутящих в кабинетах ресторанов. Конечно, многих из них скорее можно отнести к «содержанкам», но граница между проституткой и женщиной на содержании у богатого мужчины в глазах обывателя достаточно зыбкая, особенно если к пренебрежению добавляется зависть. Кроме того, для знающей себе цену проститутки с годами неизбежно наступал сезон распродаж, она становилась дешевле, и дорогие рестораны сменялись грязной панелью. Везло далеко не всем, и распространенным итогом жизни содержанки становились венерические болезни.

Посетители гостиницы «Европейская» в отдельном кабинете ночного ресторана. 1924 г. (ЦГАКФД СПб. Гр. 5660)

Сифилис и гонорея были, видимо, даже более важной причиной внимания к проблеме проституции, чем борьба за нравственность. Значительная, если не большая часть статей в профессиональных медицинских журналах 1920-х гг. посвящены именно им, и проституция объявлялась важнейшей причиной их распространения. Судьба деревенской девушки, ставшей проституткой и сгинувшей в большом городе, отражена в следующих песенных строках:

*Теперь в деревню не поеду,
Боюсь родных я заразить,
Я остаюсь в Ленинграде
Проклятый сифилис лечить [\[262\]](#).*

О том, что корыстным барышням скорее грозил сифилис, нежели богатство, сообщали даже комиксы на страницах рабочих газет. Например, на страницах «Листка рабкора» в 1925 г. опубликовали иллюстрированное стихотворение, посвященное работнице, которая ради дорогих нарядов продается богачу:

*Для начала – много ль мало,
Пудрить нос Маруся стала.
Дальше ж – больше, говорят,
Стал прельщать ее наряд.
Разодетые девицы,
Их накрашенные лица
Возбуждают зависть в ней:
«Эх, одеться б так бы ей!».
На наряды ж деньги надо,
Дать не может их зарплата,
А соблазн порой велик.
Результат – нэпман старик.*

Богатый нэпман заражает Марусю сифилисом, и на картинке мы видим девушку с отвалившимся от болезни носом.

*Коли к жизни нет запроса
Кроме пудренного носа,
Коль увидишь в нем лишь свет,
Знай – его простынет след.*

А на последней картинке изображен рабочий, выступающий на сцене и показывающий зрителям надпись на плакате: «Проституция – наследство буржуазии. Она унижает человеческое достоинство, отравляет душу и разрушает тело»^[263].

Особо страстные публицисты описывали целые районы города как места, буквально пропитанные миазмами сифилиса:

С танцульки—на работу.

— Таня! идешь на вечер?
— Как же, ведь меня там Ваня ждет!
И обе спешат домой заплываться
— поутрится—в беге на танцульку.
Там дым столбом вилоть до утра
Ванька и Гавришка в широчайших
клетках с напимаженым прибором
крутят по до утра
После танцульки усталые разбитые—прямо к станку.

Для начала—м отмоло,
Идти ноо Маруся стала.
Дальше-ж—больше, говорят,
Стал прельщать ее наряд.

Разодетые девицы,
Их накрашенные лица.
Возбуждают зависть в ней:
«Эх одеться-б т к бы ей!»

На наряды-ж деньги надо,
Дать не может их зарплата,
А соблазн порой велик,
Результат—непман-старик.

Что за польза от такой работницы!
Она все на ногах держится.
Разумно пользоваться удовольствиями, конечно ни то не в претит.
Но те увлечения танцульками
которыми грешат наша молодежь,
работницы, следовало бы в корне пресечь.

От них вред здоровью, вред и производству.

Напыш.

Если к жизни нет за-рооса
Н-оме пудренного носа,
Ноль увидишь в нем лишь свет,
Знай—его простынет след.

Буржуазии наследство
Чтоб нажить, — одно есть средство:
Бросить пудру, завиваться,
В клуб идти и развиваться.

Хроника жизни

На могилу Ильича.

Рабочие Электровacuумного завода послали с делегацией беспартийную работницу Журавлеву.

Дело за вып. ленинцем

Правила внутреннего распорядка утверждены на ф. к. Красная работница. В ближайшее время они будут вывешены.
Теперь дело самих работниц следить за их выполнением.

«Вот у нас сейчас слово „сифилис“ получило право гражданства. Никого оно не шокирует и – как слово – не пугает.

Но мало – знать слово.

Надо еще понять, что за ним скрыто.

Надо знать, что сифилис – это – Лиговка, это – „Невский – ночью“, это – кабак, это – номера, торгующие под вывеской „гостиница“ приютом для свиданий...

Диспансер? Очень хорошо.

Но в нескольких шагах от него по панели разгуливает – „Дурная болезнь“.

Вон она идет, постукивая каблучками с зараженной папироской в накрашенных губах...

Прямо с этой панели можете ехать в диспансер.

На трамвае. За 7 копеек. Одна станция.

Ах, эта страшная панель, хранящая в себе источник заразы!

Когда профессора Н.И. Пирогова спросили:

– Как бороться с распространением сифилиса?

Он указал на трактир, мимо которого проходил со своим собеседником:

– Закройте этот „Дунай“!

На какой-то лекции врач-лектор высказал парадоксальное предложение:

– Если вдруг переловить ночью всех прохожих в районе Лиговки и пр. 25 Октября и переосвидетельствовать их, то сифилитиков окажется 90 %!

Девяносто – не девяносто.

Но – много.

Трактир „Дунай“ – чайнушки, пивнушки, кафе, номера – питает этот страшный процент.

И сама собой рождается формула:

– „Панель = пивная + чайная + номера = проституция = сифилис“...»^[264].

«Будет, тварь, тебе ломаться, Раздевайся, пойдем спать»

Вопрос причин обращения к проституткам волновал советских врачей и общественных деятелей не меньше, чем причины выбора девушками порочного пути. Что же тянуло рабочего к продажной женщине? Той, которая «превращает ночь в день и день свой проводит в отупляющей подготовке к бессонной ночи. Она встречается только либо с такими же несчастными, как она, либо с мужчинами, которых она узнает в самые худшие, самые недостойные и низменные моменты их жизни. Она привыкает до одурения курить, пьянствовать и нанюхиваться кокаином»^[265].

Во-первых, его объясняли историческими традициями: «В среде современной молодежи, и не только буржуазной, но отчасти и рабочей, господствует совершенно неправильный и уродливый взгляд на проституцию. Иметь общение с проститутками не только не считается деянием, которое надо скрывать, но даже, наоборот, в этом видят какое-то молодечество.

Над юношей 16–17 лет, который еще не начинал своей половой жизни, подтрунивают, называя его „красной девицей“, „бабой“, „размазней“ и другими „уничижающими“ прозвищами»^[266].

Некоторые идеологи борьбы с этим социальным злом старались показать, что никаких объективных условий для его распространения в СССР нет: «В условиях нашего современного быта спрос на проституцию не может быть оправдан соображениями о каких-либо экономических и иных факторах. Спрос на проституцию есть пережиток старого, для которого в настоящем нет достаточных объективных условий. Пропаганда в борьбе со спросом должна вестись не в плоскости морали, а в плоскости выработки новых гигиенических навыков. Необходимо создать в рабочих массах такое настроение, которое сделало бы позорным факт пользования проституткой»^[267].

Другие указывали на то, что как раз таки причин обращения к проституткам очень много, и они вполне объективны:

«Что толкает мужчину в объятия проститутки?

Причин этому очень много, и они очень разнообразны.

Прежде всего, перестала удовлетворять современного человека уже изживающая форма брака, который в большей или меньшей степени являлся экономической сделкой. Неудовлетворенный браком, муж ищет привязанности или, по крайней мере, половой радости на стороне, – и, естественно, всего легче находит их у доступной для всех продажной женщины.

Далее, толкают мужчину к проститутке опять-таки экономические факторы, которые огромному большинству трудящихся препятствуют своевременно вступить в брак. Создание своей семьи для городского рабочего или для пришедшего в город на заработки крестьянина стало непосильным расходом и недоступной роскошью, – и они вынуждены, вместо здорового, нормального полового общения в браке, довольствоваться ласками публичной женщины»^[268].

Предполагалось, что не только нравственное перевоспитание, но и элементарное улучшение жилищных условий будет способствовать решению проблемы. Во всяком случае, так считал доктор А.Н. Каров: «Оздоровление труда и быта (жилищных условий, условий питания и иных) должно лишить дома терпимости притягательной силы мест, где мужчина может искать забвения и встряски, ибо все безобразие и вся гибельность такой встряски для человека станет тогда ясной всем, да и сама встряска, в виде удовлетворения низших инстинктов человека, станет ненужной культурным людям»^[269].

Еще одну из причин видели в том, что иногда называют советской «сексуальной революцией»: либерализация семейного законодательства, сексуальное раскрепощение женщины, освобождение интимных отношений от нравственного диктата церкви. В массе своей прогрессивные и обогнавшие свое время на десятилетия, на местах они могли получать весьма своеобразные интерпретации, вроде желания мужчин одной комсомольской ячейки обобществить девушек-комсомолок или обсуждения возможности многоженства.

Если до Первой мировой войны почти 48 % молодых горожан начинали сексуальную жизнь с проститутками, то в 1921–1923 годах – менее 4 %^[270]. «Зачем быть монахом?» – писал в 1927 г. в газету «Смена» один из «передовых» молодых людей. С его точки зрения, «о публичных домах говорить не приходится, это те же “белые рабыни”,

это дикость и некультурность. Но вечерка – дело другое, девушка идет из-за удовольствия (после разных двух парней не забеременеешь)»^[271].

В глазах обывателя, тем более ревнителя нравственности, различные «вечорки» превращались в оргии, свободные девушки – в ветхозаветных блудниц, а коммуны – в публичные дома.

«Один комсомолец допрашивал своего отца:

– Сознайся, – говорю, – неужели вы в ваше молодое время с девушками не гуляли и не жили до самой свадьбы?

– Ну да, – говорит, – вас, умников, не было нас обучить»^[272].

В наиболее гротескных и развратных формах подобные девиации описаны в нашумевших книгах 1920-х гг., пользовавшихся необычайной популярностью: «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» Сергея Малашкина и «Без черемухи» Пантелеймона Романова, в которых описываются темные стороны жизни советской молодежи. «Луна с правой стороны» посвящена трагической судьбе комсомолки Татьяны Аристарховой. Вечеринки, напоминающие оргии, с комсомольцами, провозглашающими свободу любви, анаша и алкоголь, нежеланная беременность привели ее к попытке самоубийства: «Теперь все комсомолки курят, плюются через колено не хуже мужчин, обрезают волосы, ругаются и даже, чтобы не отстать от мужчин, стараются ходить... тоже по-мужски»^[273].

Подобные истории имели под собой реальную подоплеку. Например, в воспоминаниях известного востоковеда И.М. Дьяконова встречаем описание трагической истории некоей Маули Вите: «Мать Маули была коммунисткой, а сама Маули была комсомолкой; нравы комсомольцев того времени можно узнать из известного в свое время романа Богданова „Первая девушка“. Они отвергали любовь и брак как буржуазные пережитки; несколько иные взгляды Ленина, изложенные после его смерти Крупской и Кларой Цеткин, еще не успели проникнуть в среду комсомола; считалось, что половое сношение – род товарищеской услуги, которую следует оказывать друг другу. Так считала и Маули; результатом были бессчетные аборт, растрепанные нервы, попытки к самоубийству; меланхолическое равнодушие ко всему»^[274].

О масштабах распространения «разврата» судить трудно, но их описания встречаются не только в художественной литературе. Один комсомолец так описывал подпольные «вечорки» с «коллективным

баловством»: «...Попасть на вечерку постороннему парню почти невозможно. Ребята довольно откровенно рассказывают, как там время проводят, но чужого, не из своей компании, не пускают. По-моему, из опасения, чтобы их не оскандалили. Устраивают такую вечерку на частной квартире, обязательно в двух комнатах: в одной вся публика играет, угощается, танцует. А в другой – пусто и темно.

В разгар игры хозяин вечерки, а либо заводило-весельчак отзывает одного парня и уводит в другую комнату. Там парень говорит, какую девушку ему желательно, и заводило приводит ее. Она отказаться не в праве – такой уж „устав“ вечерки. Заводило уходит и запирает дверь на ключ.

В компании все продолжается, как ни в чем не бывало, никто не обращает внимания. Через 10 минут тот же коновод отпирает дверь и пара выходит, присоединяется к компании, а в комнату отправляется другая на смену. И так все переменяются. Больше одного раза в комнату никто не попадает из парней, а про девчат – не знаю. Думается мне, что должно случаться, потому что вряд ли всегда бывает поровну, если обыкновенно участвует человек 10–15. На иных вечерах немного более равноправный устав: там во время танцев, когда все разобрались по парам, хозяин подходит и какого-нибудь парня хлестнет ремнем. Тогда эта пара и отправляется на „особое совещание“. В общем, довольно похоже на некоторые деревенское „домовники“, когда парни девкам „пробу делают“»^[275].

Как видно, девушки, попадавшие в такое общество, не по своей вине теряли репутацию «приличных». И сами же товарищи после этого смотрели на них косо. В № 10 журнала «Смена» за 1928 г. помещен очерк Бориса Галина «О Шуре с текстильной», рассказывающий о факте такого затравливания девушки-комсомолки. У Шуры, работающей на текстильной фабрике, была своя мечта – организовать коммуну девушек-работниц. Много сил она вложила в осуществление своей мечты и своего добилась: коммуна была создана. Через некоторое время коммуна, лишенная чьей-либо поддержки, распалась. Подруги Шуры стали «весело» жить – устраивали в коммуне попойки, «пьяные вечерки». Про коммуну пошла плохая слава, но Шура не сдавалась. Она поведала об этом комсомольскому коллективу, но над ней лишь посмеялись: „Знаем мы вашу коммуну“...»^[276].

В подозрительности и ханжестве своих же товарищей видели не только причину стигматизации девушек, но и тайного обращения ребят к услугам проституток. Об этом, в частности, писал возглавлявший в 1929 г. редакцию «Комсомольской правды» Иван Тихонович Бобрышев: «Наша молодежь ничуть не больше себе позволяет, чем это было в старое время, до революции. Даже, я бы сказал, мы гораздо гигиеничнее и порядочнее живем, чем родители наши, которые и к проституткам часто ходили целыми компаниями. Это у них считалось – шикарно погулять. А у нас, я думаю, самый слабый комсомолец постыдился бы пойти к проститутке. Но, безусловно, много рабочей молодежи и теперь доходит до этого, и я думаю, что главная причина, которая их толкает к проститутке, это шум, гвалт вокруг „полового вопроса“. Поневоле начинают парни стараться удовлетворить свои потребности понезаметнее. Приходится им таиться и опасаться скандала, даже если у девушки и не будет беременности. Вот и пускаются к проститутке. Но все-таки огромное большинство тех ребят, которых я сам знаю, избегают этого и либо воздерживаются, либо гуляют каждый со своей девчиной»^[277].

Традиционная мораль, во многом ханжеская и базировавшаяся на искусственно навязанных церковью ценностях, к концу 1920-х гг. все сильнее заглушала голоса тех, кто все еще жаждал реализации на практике побед революции в половом вопросе. К борьбе за нравственность активно подключился репрессивный аппарат, делавший подобный досуг не только безнравственным, но и чреватым проблемами. Конечно, проституция никуда не пропала, просто еще больше ушла в подполье, из которого доносятся строки песни:

*Ночь надвигается, фонарь качается,
На город падает ночной покой.
Лишь я, немая, тряпьем покрытая,
Семьей забытая, здесь, на Сенной...*

Как ни странно, гендерные проблемы в досуговой сфере коренились одновременно и в экстатической сексуальной морали 1920-х гг., и в дореволюционных традициях заводских сообществ, для которых был

характерен откровенный сексизм. На предприятиях женщины-работницы дискриминировались в оплате труда, в доступе к квалифицированным рабочим местам, в возможности карьерного роста. Революция не решила и проблему сексуальных домогательств к женщинам-подчиненным со стороны начальства. Как правило, они носили горизонтальный характер: работница – мастер, конторская барышня – директор. «Вознаграждение» было различным: более выгодная работа, гарантия от увольнения, подарки. С таким же отношением девушки сталкивались и в общежитиях. Молодой писатель, ровесник своих героев, Я. Ильин в сборнике рассказов «Жители фабричного двора» (1928 г.) рисует картины повседневной жизни рабочей молодежи. Жизнь работницы из его книги – это не только тяжкий, изнурительный и малооплачиваемый труд, но и постоянные презрительные взгляды мастеров, необходимость «быть начеку» – отбиваться от грязных приставаний как на фабрике, так и после работы, умело выстраивать отношения, чтобы не стать «слишком свободной» и осуждаемой коллективом, но и не прослыть чужой и некомпанейской.

Плакат «Долой безобразников по женской линии: Парней-жеребцов зажем в дисциплине!». 1930 г.

Пьянство, семейное насилие, злостное хулиганство, изнасилование нагнетали в городской среде атмосферу грубого мужского доминирования и агрессивности, порождали чувство незащищенности. Как приговаривал один из персонажей повести В. Каверина «Конец хазы»: «Будет, тварь, тебе ломаться, раздевайся, пойдём спать»^[278].

Власть, конечно, пыталась бороться со «старорежимным» отношением к женщине, однако новый гендерный порядок, ставший частью культурной революции и основанный на семейных ценностях и возвышении образа женщины – хранительницы семейного очага, утвердился в СССР только в середине 1930-х гг.

«Рассудку вопреки, наперекор стихиям»: гомосексуальная досуговая культура до и после революции

Уголовное преследование мужчин-гомосексуалистов в России началось с 1835 г., согласно принятому своду уголовных законов. Стоит отметить, что осуществлялось оно не слишком ревностно. К концу XIX в. все громче стали звучать голоса медиков, которые относились к гомосексуальности не как к преступлению, а как к болезни. Свою роль играла и распространенность гомоэротики среди элиты русского общества, включая членов царской семьи. При этом наказания за однополые отношения между женщинами не предусматривалось.

Большевики перестали сажать гомосексуалистов в тюрьму, что в настоящее время способствует существованию мнения, будто бы они чуть ли не поддерживали поклонников однополой любви. Якобы именно с этим связана отмена уголовного преследования за мужеложство в уголовном кодексе 1922 г. Такие утверждения достаточно далеки от реальности. Чтобы понять отношение новой власти к различным половым перверсиям, стоит помнить две вещи. Во-первых, большевики стремились отказаться от церковного уклада и царского законодательства. Во-вторых, избрали стратегию социальной инженерии, т. е. построения нового общества на научной основе. Если первое обстоятельство и привело к отмене преследования гомосексуалистов, то второе перевело вопрос в область медицины, так как подобные отношения признавались тогдашней наукой психическим отклонением.

Медицинский аспект дискурса гомосексуальности, как мужской, так и женской, обусловил характер информации о ее распространении и особенностях. В основном, мы имеем дело с текстами, написанными врачами. По мнению основоположника отечественной судебно-медицинской гинекологии В.О. Мержеевского, в Петербурге к концу XIX в. еще не существовало «вполне организованного общества педерастов, подобного парижскому», а жизнь столичного

«педерастического полусвета» представляла собой лишь бледную копию западноевропейского ^[279].

Не стоит забывать, что существовала и мужская проституция. И речь не только об альфонсах, которых содержали богатые немолодые дамы, а и о гомосексуальной проституции. Именно в конце XIX в. в Петербурге стала зарождаться гомосексуальная культура со своими ритуалами, особым языком, жестами и топонимикой. Отношения между мужчинами, вопреки распространенному в те времена мнению, далеко не всегда сводились к схеме «покупатель – продавец».

Одновременно далеко не все мальчики и мужчины, продававшие свое тело другим мужчинам, были гомосексуалистами. Законодательство Российской империи причисляло мужеложство, добровольное или нет, к преступлению, что вынуждало поклонников однополрой любви скрываться и искать себе подобных в крупных городах, где было проще найти партнера и избежать разоблачения.

«Свой круг» в Петрограде-Ленинграде 1920-х гг

Субкультура мужчин-гомосексуалистов Петербурга не была столь развитой, как в других европейских столицах. Тем не менее, «своих» они могли найти в городе без особых проблем. Места их публичных сборов, «смотрины» и «свадеб» были известны в городе абсолютно всем. Главная улица города – проспект 25-го Октября (Невский) – исторически, еще с 30-х гг. XIX в., была центром «педерастического разврата». Особенно дурной славой пользовался Пассаж (дом № 48), один из старейших и крупнейших торговых домов города. Его крытая галерея являлась комфортным местом для поиска партнера в любое время года. Недалеко расположена современная площадь Искусств, также служившая местом концентрации поклонников однополый любви. Здесь же можно было встретить мужчин-проституток. Их обычно называли на французский манер «тетками» (tantes)^[280].

До революции многие гомосексуалисты надевали экстравагантную одежду и пользовались косметикой, что помогало их идентификации. В период Гражданской войны страх репрессий и бедность увели эту практику в подполье. Помимо умения распознавать членов «своего круга» прибывшие из других городов использовали «рекомендательные письма», которые позволяли им рассчитывать на ночлег и теплый прием среди себе подобных, что обычно подразумевало последующую оплату этих услуг^[281]. Своим телом часто торговали солдаты и матросы, которые либо действительно любили мужчин, либо шли на это, остро нуждаясь в деньгах. В 1920-е гг. их можно было без труда найти в районе Александровского сада, примыкающего к Адмиралтейству.

Среди обустроенных и комфортных мест для свиданий особо популярными становились общественные бани. После революции возможностей провести время с комфортом стало намного меньше. Проституция, как женская, так и мужская, вышла на улицы. Местами постоянных публичных сборищ гомосексуалистов в Ленинграде, как и прежде, оставались Екатерининский сквер у Александринского театра, который в их кругах получил название «Катькиного сада», сад у

городского цирка Чинизелли. К «небогемным салонам открытого типа» в этот период относился Таврический сад. В «Тавриде» были самые дешевые клиенты из числа рабочих и армейской молодежи.

Широкое распространение получили встречи в общественных туалетах в районе Аничкова моста, консерватории (Театральная пл.), моста Лейтенанта Шмидта, на площади Островского. О том, что происходило в этих и подобных им туалетах, рассказывал один из арестованных в 1933 г. педерастов: «В общественных уборных... собираются педерасты, устраивая в них не только массовые совокупления друг с другом, но и хватая входящих посетителей за член и понуждая их к половому сожителству. При этом практикуются как онанизм, так и педерастия, чередующаяся с минетом. Потрясающее бесстыдство этого дикого разврата заставляет ошалевших людей иногда беспрекословно подчиняться ему...». И далее: «Зайдя в любую общественную уборную, бросаются в глаза надписи сделанные педерастами об их готовности служить для общего пользования где и как угодно. Надписи подкрепляются соответствующими им рисунками. Здесь же указания – приди тогда-то и туда-то»^[282].

«Своих» посвященные распознавали без труда. Как писал предреволюционный бытописатель В.П. Руадзе, те, кто покупал товар, носили на себе «особую специфическую маску желания». Знаки, символы, жесты эпохой 1920-х гг. унаследованы от предреволюционного периода. Знаменитый литератор и композитор «серебряного века», первым раскрывший тему однополый любви в повести «Крылья» (1906 г.), М.А. Кузмин (1872–1936) описал свою встречу с деревенским юношей в 1924 г. Кузмин выступал в качестве клиента, а юноша – проститутки: «На Невском поглядел на какого-то милого. Он побегал и тр... [?] опять вернулся. Вступил в разговор, „как прийти на Лиговку?“. Потом обычная [?] история. Из деревни, места, погибать не хочется, откров<енно> [?] и т. д. „Почему заговорил? Вижу, что добрый человек. А почему я на вас смотр<ел>? Не знаю. Понравилось. Да? Так я немножко понравился вам?“ Сейчас же мечты чуть ли не о совместной жизни, о гулянье, ученье, культуре и т. п., о поездке в деревню. Наивно, фальшиво, льстиво, простодушно. Записал адрес, свой дал. Как все деревенские, ханжит. Но я так давно не видел русского мальц<а>, что было приятно. Если профессионал, то

тем лучше. Женат ли я, да с кем живу <...> Ходили по Надеждинской, но все слишком светло»^[283].

Личность Кузмина оставалась культовой для гомосексуалистов Ленинграда. Своеобразным звездным часом для литератора стало его последнее публичное выступление в городе в 1928 г. Решение включить Кузмина в один из литературных вечеров принадлежало части сотрудников Института истории искусств, которым для этого понадобилось добиваться личного разрешения директора. Все понимали, что на встречу с ним придут люди «своего круга». Чтобы избежать этого, вход сделали только по приглашениям, а объявлений о вечере не развешивалось. Несмотря на это, зал набился битком, причем в основном как раз взрослыми мужчинами-гомосексуалами, для которых встреча с Кузминым стала поводом вспомнить свою прекрасную, полную любовных приключений дореволюционную молодость: «Чаще всего среднего или пожилого возраста, они начали протискиваться к сцене; в руках у многих были букетики цветов. Когда Кузмин кончил читать, они ринулись к сцене и стали бросать туда эти букетики. <...> Для Кузмина выступление оказалось настоящим и приятным триумфом, но для организаторов вечера все едва не окончилось очень печально: с большим трудом удалось убедить директора, что они были не в состоянии справиться с толпой»^[284].

«Клуб педерастов» на улице Белинского

Наиболее известным для историков событием, связанным с гомосексуалистами из города на Неве, стало обнаружение в январе 1921 г. милицией целого «клуба педерастов». О нем мы знаем благодаря выдающемуся отечественному психиатру и физиологу В.М. Бехтереву. Ряд его исследований посвящен различным «половым извращениям», включая «однополовость». Очень подробно он описал случай в статье «О половом извращении, как особой установке половых рефлексов», опубликованной в сборнике «Половой вопрос в школе и в жизни» в 1925 г. Во вступлении ученый дает описание «болезни»: «Но есть одна форма патологических изменений полового влечения, которая может быть названа половым извращением и которая выявляет себя в настоящем смысле слова „рассудку вопреки, наперекор стихиям“. Дело в том, что это половое извращение и лишено разумной цели половой функции в смысле продолжения потомства, и осуществляется наперекор обычно стихийному с наступлением половой зрелости влечению двух противоположных полов друг к другу. Это форму изменения полового влечения называют обыкновенно гомосексуализмом или однополовостью»^[285].

О научных интересах ученого знали и в милиции, поэтому «в один прекрасный день начальник уголовного розыска, с которым мне не приходилось ранее иметь никаких дел, звонит мне по телефону с сообщением: „Нами арестован клуб педерастов, если вас эти люди заинтересуют с научной точки зрения, – приезжайте“»^[286]. Известие пришло накануне отъезда В.М. Бехтерева в Москву, поэтому он попросил заняться делом ассистента рефлексологической лаборатории Института по изучению мозга, своего ученика В.П. Протопопова, и только по возвращении обратился к его изучению.

Протокол ареста «клуба педерастов» от 15 января 1921 г. гласит следующее: «Были получены негласные сведения о том, что в одной из квартир дома 6 по Симеоновской улице (ул. Белинского. – Авт.) происходит какое-то сборище. Когда милиция прибыла в указанную квартиру, там обнаружили 95 человек мужчин, „частью переодетых в женское платье“. Владелец квартиры являлся отец милиционера

сводного боевого отряда. Он объяснил, что у него сегодня вечеринка, причем заявил, что большую часть гостей он не знает совершенно. Часть из собравшихся была выпивши, а до входа отряда в квартиру из окон „что-то выливалось“, а внутри был „найден неполный флакон с эфиром“. На полу нашлась подвенечная фата».

Агент Ш. на допросе показал, что таких вечеров было уже несколько в разных местах: на Английском пр., 31 и у гражданина К. в Павловске, на 21-й линии «у бывшего монаха», где было «много выпито спирту», на Офицерской ул., 10, где устраивались неоднократные вечера. А 18 декабря милиционеры вмешались в «свадьбу»: «Женился гр. А. на одном матросе, прозвище или фамилия Дина, где был приглашен на квартиру священник, и состоялось полное бракосочетание. Устраивал также несколько раз вечера и сам агент Ш., „чтобы узнать их мнения“, и всегда на вечер приходили все новые лица».

В.М. Бехтерева в наибольшей степени интересовали личности гомосексуалистов. Вот показания некоторых из них. Некто Бр., задержанный вместе с другими участниками, заявил: «Пошел ради любопытства, педерастией занимался в молодости, теперь занимаюсь взаимным онанизмом с мужчинами, на вечеринках этих бывал, причем собирались все одни и те же лица». Спрошенный военный моряк (военмор) Д. заявил, что вечеринки устраивались в месяц раза два, бывал на нескольких вечеринках, узнавал от знакомых: «Сам я педерастией не занимаюсь, но многие из участников вечеринок занимаются, причем во время вечеринок устраивалась летучая почта, и я получал письма следующего содержания: „вы мне нравитесь“ или „желаю с вами познакомиться“. Между прочим, этого Д. звали „Зоей“, но, спрошенный о причине такого названия, заявил, что не знает. Среди участников вечеринки был и военмор миноносца Андрей К., который признался, что на подобных вечеринках не впервые, но заверял, что педерастией не занимается. Задержанный К. также уверял, что „педеразмом не занимаюсь“. М. заявил, что был приглашен неким Б., который утверждал, что будут балетные артисты государственного балета. В квартире он застал маскарад, „была невеста, несколько испанских костюмов и две особы в белых париках“. Красноармеец, бывший дворянин М., заявил, что педерастией занимался год или полтора тому назад, в данное же время „занимаюсь онанизмом,

онанирую себя и в редких случаях мужчин“. Красноармеец Б. показал: „Педерастией занимаюсь, хотя редко, на вечеринку пришел вместе с Х., с которым мы онанировали друг друга, с ним я познакомился на Невском пр. в прошлом году взглядами, обычными в нашем кругу. В прошлом году, также на Невском пр., я взглядом познакомился с Д., причем был у него на квартире в Ковенском пер., где у нас происходило противоестественное сношение и Д. представлял из себя женщину“. Гражданин Х. заявил: „Б. знаю давно, работали на одной фабрике, но затем потерял из виду. Встретился с ним в прошлом году на Невском пр. Он стал бывать у меня, и у нас происходили противоестественные сношения: посредством рук онанировали друг друга“». Выяснилось, что на каждый вечер приезжали все новые лица, а всего таких наберется свыше 1000 человек.

В.М. Бехтерева попросили дать заключение по этому делу. По его собственным словам, «конечно, оно было дано в пользу прекращения дела, ибо ни соращения, ни пропаганды гомосексуализма в этом случае установить было нельзя»^[287].

Весьма интересной является приводимая ученым информация о количестве мужчин-гомосексуалистов в городе: «Что касается общего числа гомосексуалистов, то, как мы видели по показаниям одного из участников педерастических собраний, в Петрограде в то время насчитывалось свыше одной тысячи человек мужчин „педерастов“, по д-ру же Мишутскому, служившему в то время в угрозыске и специально исследовавшему гомосексуализм, в Петрограде общее число гомосексуалистов достигало до 3000 человек. Не следует при этом упускать из виду, что арест клуба педерастов относится к тому времени, когда в Петрограде насчитывалось всего около 600–700 тысяч населения и притом в нем было большое (до $\frac{2}{3}$) преобладание женского элемента над мужским. Следовательно, рассчитывая, примерно, на 250 тысяч мужского населения гомосексуалистов тогда приходилось по минимальному расчету приблизительно 1 на 250 здоровых жителей мужского населения. Если же принять во внимание только одно взрослое мужское население, то эта пропорция должна еще значительно возрасти. Отсюда ясно, что гомосексуализм в мужском обществе представляет собою большое распространение и во всяком случае уже в силу этого заслуживает большого внимания»^[288].

Это далеко не единственная вечеринка, хотя в свободе их устройства гомосексуалисты 1920-х гг. были более ограничены. Тем не менее, упоминания о таких собраниях можно встретить и в последующие периоды. Переодевания, танцы, пародии на свадьбу, алкоголь были их типичным содержанием. Иногда участникам удавалось арендовать кабаре или залы для культурных мероприятий^[289].

«Между нами вообще существует тесная связь и поддержка друг другу»

При изучении гомосексуальной культуры Петрограда-Ленинграда исследователь сталкивается со сравнительно немногочисленным количеством источников по теме. Уголовного преследования «педерастов» не было, случаи мужеложства практически не описывались в прессе, не обсуждались на партсобраниях. В 2016 г. опубликована статья исследовательницы И. Ролдугиной, в которой она изучила письма советских гомосексуалов второй половины 1920-х гг. [\[290\]](#). И в этом ей опять помог В.М. Бехтерев, которому эти письма со своеобразными исповедями адресовались, они позволяют дополнить описание их жизни в городе.

Одно из писем, написанное около 1925 г., было от человека, родившегося в 1885 г. в простой крестьянской семье в далекой Сибири. Его имя, Ника Семенович Поляков, мы знаем потому, что его арестовали в 1933 г., когда мужеложство вновь стало караться законом. Тогда же арестовали и его партнера— Степана Антоновича Минина. С 1910 по 1914 г. Поляков жил в Москве, «работал на пишущей машинке». Затем уехал в Германию с целью получить работу и выучить язык, но накануне войны арестован и до 1918 г. просидел в тюрьме. После возвращения вступил в ряды Красной армии, участвовал в Гражданской войне. Вот как он описывает это непростое время: «Как на нас отразилась революция в половой жизни. Половая деятельность у нас почти совершенно замерла. В особенности у меня, так как я более умеренного темперамента. Мы по целыми месяцами не вступали в половую связь. Все время я был поглощен работой в штабе, и, придя домой, я старался отдохнуть. Так же отмерло все желание к увеселительным местам. Я не посещал театров и кино. Все мое внимание было поглощено только работой. Такое состояние продолжалось до 1922 г. Это явление удивительно еще и потому, что в штабе было очень много хороших ребят, с которыми я при теперешнем положении мог бы легко вступить в половую связь, тем более что с их стороны на это было много поводов. Ребята все были молодые,

женщин при штабе нельзя было держать, а посторонние, порядочные женщины сторонились красных.

Им приходилось удовлетворять себя или же онанизмом, или между собою. Эти случаи были»^[291].

С 1923 по 1925 г. Поляков проживал в Одессе, работал в Обществе содействия жертвам интервенции, с 1925 по 1927 г. работал в Ленинградском отделении государственного издательства (Ленгиз) в качестве машиниста на пишущей машинке, с 1927 г. – на разных предприятиях города в качестве машиниста.

По его признанию, общественное осуждение и неприятие гомосексуальных отношений обществом приводило к тому, что среди них была очень развита взаимная поддержка: «Между нами вообще существует тесная связь и поддержка друг другу»^[292]. В частности, когда он жил в Одессе, они помогли устроиться в городе одному крестьянину «из своих».

Но даже в крупных городах, несмотря на либерализацию законодательства, гомосексуалисты могли преследоваться. В этом смысле Ленинград и центральная Россия оставались чем-то вроде островка относительной свободы: «Из Одессы мы теперь массами бежим в центральную Россию, в частности в Ленинград, где законность более соблюдается и где судьи – люди с известным образованием и развитием, которые могут разобраться в половом вопросе». Из письма видно, что для Полякова его ориентация – подлинная трагедия, которая усиливается консервативными установками общества: «Неужели такое отношение будет продолжаться бесконечно, неужели здравый смысл не победит отжившие средневековые предрассудки? Неужели мы не достаточно наказаны природой?».

После ареста в 1933 г. на допросе его потребовали перечислить тех, с кем у него была связь. Он показал, что по прозвищам знает следующих: «„Евгения Павловна“, по национальности поляк, проживал на пр. 25 октября в доме при католической церкви, дом № 32 или 34, где он прислуживал, а теперь он прислуживает в православной церкви по улице Марата. <...> До 1928 года я имел знакомых моряков, как-то: Захарова, Кузнецова, Филянова и др. Они служили на корабле „Октябрьская революция“»^[293].

Таким образом, даже несмотря на декриминализацию мужеложства, гомосексуалистам приходилось скрывать свои отношения, продолжая пользоваться тем дореволюционным наследием, которое помогало выжить и развиваться их субкультуре во времена официального преследования.

Советские психиатры активно исследовали вопрос о связи гомосексуализма с социальными условиями, профессией, происхождением. В.М. Бехтерев полагал, что к «гомосексуализму» несомненно располагают определенные профессии, например, морская служба и артистическая деятельность. А в Китае более высокий уровень гомосексуализма среди курильщиков опия»^[294].

Известный отечественный психиатр, заведующий кафедрой психиатрии Военно-медицинской академии В.П. Осипов, также затрагивал этот вопрос в «Курсе общего учения о душевных болезнях» (1923 г.) и его обновленной версии – «Руководстве по психиатрии» (1931 г.). В последней работе он сделал вывод о профессиональных предпочтениях гомосексуалистов: «Среди лиц тяжелого физического труда (рабочие тяжелой индустрии, грузчики, поденщики) половые психопаты встречаются редко, они чаще занимаются профессиями более легкими физически, отчасти совпадающими с женскими – декораторы, обойщики, дамские портные, актеры (Краепелин)^[295], банщики; они нередко среди проституток <...> Гомосексуалы часто организуются в кружки, в которых проводят время соответствующим образом; собрания таких кружков происходят конспиративно, что понятно в связи с отрицательным отношением общества к этому патологическому явлению: но встречаются гомосексуалы, требующие от государства поддержки педерастии и recommending запрещение половых сношений с женщинами (Краепелин)^[296]. Кстати, по его подсчетам, в Советской России в начале 1920-х гг. проживало 2–3 млн гомосексуалов, тогда как по переписи 1926 г. все население страны составляло 147 млн.^[297].

«Лесбосская любовь», или «трибадия»

В отличие от официального запрета на мужеложство, лесбийская связь его не предусматривала. Видимо, это связано с тем, что женщин не рассматривали как полноправных половых и гражданских субъектов. Речь идет и о христианской традиции, для которой принципиальным вопросом было осуждение и наказание только анальных сношений между мужчинами, тогда как непенетративные (т. е. без проникновения), например взаимная мастурбация, осуждались не столь строго. Также резко осуждался анальный секс с женщиной, который в этом случае будто бы означал ее использование как мужчины. В связи с этим борьба с лесбиянством была не столь строгой. Показательно, что если существовал целый кодекс, предусматривавший наказания за гомосексуальные связи между обитателями мужских монастырей, то для монахинь ничего такого не было^[298]. То есть это воспринималось как половая перверсия, но не как преступление.

В источниках, основными из которых, как и в случае с мужским гомосексуализмом, являются исследования и наблюдения врачей-психиатров, подобное «заболевание» называлось либо «лесбосской любовью» в честь греческого острова Лесбос, на котором жила поклонница однополрой любви поэтесса Сапфо, либо «трибадией», происходящего от греческого слова «tribo», что означает «тереть».

Как и в случае с мужским гомосексуализмом, женский активно развивался в предреволюционный период. Достаточно назвать известных деятельниц культуры, отдававших ему должное: Софию Парнок, Марину Цветаеву, Зинаиду Гиппиус. В 1906 г. опубликована первая в отечественной литературе «лесбийская» повесть «Тридцать три уroda», авторство которой принадлежало внучке сенатора В.Н. Зиновьева и сестре петербургского губернатора (с 1903 по 1911 г.) А.Д. Зиновьева, а также жене поэта и философа Вяч. И. Иванова, испытывавшей симпатии к социалистическим идеям, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (1866–1907). Скандал в связи с выходом книги оказался настолько велик, что весь тираж арестовали.

Все же женская лесбийская культура была не настолько сильной, как мужская гомосексуальная. В 1920-е гг. наблюдался определенный рост интереса к ней, в первую очередь со стороны врачей, которые видели в лесбиянках психически больных. При этом, как и в дореволюционный период, они редко подвергались преследованиям, следствием чего стала малочисленность источников по теме.

Лесбийская любовь была распространена в тюрьмах и борделях. Услугами проституток пользовались не только мужчины, но и женщины, переодетые в мужские костюмы. Если юношей, продававших свои тела мужчинам, называли тетками, то девушек, имевших дело с женщинами, – кошками. Старшие проститутки зачастую помогали младшим, за что превращали в своих сексуальных подруг. Раздельное обучение способствовало развитию лесбийской любви в женских средних и высших учебных заведениях.

Революция и Гражданская война вывела на первый план другой тип лесбиянок – мужеподобных воительниц. Именно в этот период часть женщин пошла по пути принятия мужской гендерной идентичности. По замечанию ряда врачей-психиатров, некоторые барышни могли быть вовсе не склонны к лесбиянству, но, захваченные революционной героикой, подобно Надежде Дуровой, меняли имя на мужское, носили мужскую одежду и прическу. Они были далеки от лесбийской субкультуры столицы. Постепенно подобное поведение перерастало во влечение к женщинам. В определенной степени это являлось отражением резкого отхода от патриархального уклада, когда женщина получила возможность избавиться от жесткого контроля ее полового поведения.

Несмотря на распространенность образа коммунистки в кожанке и с папиросой в зубах как символа участия женщины в революционной борьбе, он не слишком согласовывался со взглядом большевиков на женскую эмансипацию. Власть по-прежнему требовала от «слабого пола» исполнения традиционных гендерных ролей жены и матери. Показательны слова народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко о «маскулинизированных» женщинах. По его мнению, они «пренебрегали собственной женской конституцией, предназначенной для функции деторождения»^[299]. Он был против «вульгарного» уравнивания полов, которое приводило к тому, что многие женщины стали одеваться, как мужчины, пить, курить и обрезать волосы.

Существует предположение, что свою роль в росте однополых отношений среди женщин сыграло запрещение проституции. В 1920-е гг. девушкам приходилось работать в более опасных условиях, когда взаимопомощь являлась необходимостью. Зачастую девушки-проститутки старались найти помощь более опытных коллег по ремеслу. Это порождало эмоциональную привязанность, перераставшую в сексуальные отношения.

* * *

В августе-октябре 1933 г. Полномочное представительство ОГПУ в Ленинградском военном округе предприняло оперативную ликвидацию притонов гомосексуалистов путем арестов их актива и задержаний многочисленных клиентов, проживавших в Ленинграде и его окрестностях^[300]. Так началась кампания по криминализации и преследованию сторонников однополый любви, завершившаяся постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 17 декабря 1933 г. «Об уголовной ответственности за мужеложство». Гомосексуальная досуговая культура вынуждена была на долгие годы «уйти в подполье».

«Мужчины счастливы, что на свете есть карты, бега, вина и женщины»: азартные игры

Петроградский военно-революционный комитет уже 24 ноября 1917 г. постановил закрыть все клубы и притоны, где играют «в карты, лото и пр.», в октябре 1918 г. запрещена игра на бильярде. Запрет ударил и по общественным собраниям. Их попытки отстоять себя и даже заступничество М.И. Калинина, полагавшего, что лучше собирать с них налоги в пользу города, ни к чему не привели. При этом карточные игры не были запрещены как таковые, продолжала работать карточная фабрика, хотя из-за экономического кризиса выпуск продукции резко уменьшился, а потом она закрылась. Цены на карты выросли: если в декабре 1917 г. колода стоила 25–30 руб., то уже летом 1918 г. – от 30 до 57 руб.^[301] Тем не менее, это не снизило покупательский ажиотаж – каждый день перед открытием специализированного магазина на Казанской улице собирались сотни людей.

Любой дефицит порождает возможность для махинаций. Так случилось и с картами. Заведующий вышеназванным магазином Егоров, получив распоряжение повысить цены на карты в девять раз, сделал это не только для новых партий, но и для карт из старых запасов. Прибыль впоследствии арестованного Егорова составила 900 тыс. руб.^[302]

Согласно выводам исследователя А.Н. Чистикова, в годы Гражданской войны запрет на то, чтобы иметь карты в личном пользовании, в Петрограде все-таки существовал. Это следует из постановления Совета труда и обороны от 9 ноября 1921 г., где сказано: «Постановления административных органов, воспрепятствовавшие держанию и продажу игральных карт, отменить»^[303].

Разумеется, эти запреты не соблюдались. Это относилось даже к охране Смольного. 31 декабря 1920 г. дежурный помощник сообщал его коменданту: «Во время обхода казарм в 1 ч. 20 м. ночи <...> обнаружена была группа сидящих красноармейцев и играющих в

карты на деньги. Тут же, в присутствии дежурного по караулу и его помощника, отобраны колода карт и деньги в сумме 1750 руб.»^[304]. За вторую половину 1919 г. выявили 304 случая игры в карты на деньги, причем в это число входил 31 милиционер.

В ноябре 1921 г. наконец разрешили продажу карт. Нэп вновь вернул азартным людям возможность играть, не нарушая закон. Впоследствии, как раз к концу десятилетия, они вновь стали нелегальными. Причиной, по которой при переходе к новой экономической политике власть стала терпимей относиться к подобному пережитку, вполне понятна – он приносил казне немалые доходы, которые тратились, в том числе, и на развитие города.

Разрешив продажу карт, центральные власти сохранили запрет на игорные дома и общественные собрания. В регионах, впрочем, его могли и обходить. В Петрограде заведения с азартными играми создавались для оказания помощи губпомкомголу или Деткомиссии. Первая занималась оказанием помощи голодающим, вторая – опекой безнадзорных и беспризорных детей. Средства от прибыли выделялись значительные. В частности, «Сплendid-Палас», где можно было торговать спиртным и устраивать азартные игры, отчислял в 1922 г. от 60 до 80 % от прибыли губпомкомголу. Любопытно, что оставшиеся 20 % шли «в распоряжение президиума губисполкома», т. е. городским властям^[305].

В воспоминаниях в ноябре 1922 г. К. Чуковский писал о том, что разрешение играть, наравне с другими послаблениями, было встречено с большим энтузиазмом: «У всех выражение счастья... Мужчины счастливы, что на свете есть карты, бега, вина и женщины. <...> Все живут зоологией и физиологией. Психическая жизнь оскудела: в театрах стреляют, буффонят, увлекаются гротесками и проч.»^[306]. Только за два летних месяца 1922 г. «Сплendid-Палас» посетили 20,5 тыс. человек, и только за входные билеты получено 2,5 млн руб.^[307], это еще один символ возврата к мирной и, что самое главное, сытой жизни.

Клубы просуществовали весь период нэпа, даже если на них жаловались жители и рабочие окрестных предприятий. Вот случай из 1927 г.: «Центром пьянства и разврата на Петроградской ст. является клуб „Трокадеро“, расположенный вблизи завода им. Кулакова и ф-ки имени Свердлова. Неоднократно от рабочих поступали в райсовет

коллективные ходатайства о закрытии клуба. В последнее время этот вопрос ставился на общих собраниях рабочих»^[308].

«В клубе ежедневно в обороте десятки миллиардов в кассе...»

По данным Народного комиссариата внутренних дел на 1 марта 1927 г., в Ленинграде действовало четыре клуба с разными играми. Они находились в ведении губернского отдела народного образования (ГУБОНО). За три года клубы дали чистого дохода около 8 500 000 руб., однако при этом функционировали без разрешения НКВД. Ленинградский губисполком на запрос НКВД ответил, что в городе насчитывается не 4, а 3 игорных клуба, которые находятся в ведении не губернского отдела народного образования, а губкомиссии по улучшению жизни детей (КУЖД). Также в ответе он отмечал: «Последняя из доходов, выручаемых клубами, формально перечисляет в местный бюджет ежегодно около 2 000 000 руб., за счет коих увеличивается бюджет ГУБОНО по местным средствам сверх обычной доли, причем это увеличение бюджета обращается на содержание детских домов»^[309].

О том, какие суммы проигрывались в клубах, ярко свидетельствуют документы о нарядах на их охрану. Заведующий Петроградским губерnskим отделом народного образования (Петрогуботнаробом) М. Ефремов в своем письме в 1923 г. в отдел управления Петрогубисполкома ходатайствовал о «разрешении иметь от Петрогубмилиции особый наряд-пикет из 3-х человек для охраны клуба по Владимирскому пр., 12». Необходимость пикета, по его утверждению, вытекает из того, что «в клубе ежедневно в обороте десятки миллиардов в кассе клуба и сотни миллиардов у посетителей. Кроме того, на пикете лежало до сих пор и поддержание внешнего по клубу и у клуба порядка»^[310]. Для сравнения, милиционеры, охранявшие Владимирский клуб, за наряд получали по 60 руб. каждый. При этом пикет состоял из пяти человек, тогда как на ипподром или все театры назначалось всего три^[311].

Владимирский игорный клуб был самым роскошным и известным храмом азарта в городе. Он размещался в так называемом «Доме Корсаковых», где с 1860 г. находился Купеческий клуб^[312]. Как видно, и после революции заведение смогло сохранить свою функцию одного

из центров девиантного досуга. Как писал журнал «Огонек» в 1930 г., «почти в каждый наказ на фабрике, заводе, в советском учреждении избиратели Ленинградсовета XII созыва вносили пункт: „Ликвидировать очаг преступлений и растрат – Владимирский игорный клуб“. Теперь этот пункт наказа выполнен полностью: игорного клуба уже нет, и большое просторное здание на пр. Нахимсона, № 12, приспособлено под общегородской детский Дом культуры»^[313].

В отличие от пьянства или хулиганства, азартные игры требовали больших денег, поэтому рабочие с их скудными зарплатами и отсутствием «серых» доходов в казино заходили редко. Конечно, в общежитиях, по словам одного журналиста, «процветает пьянство и игра в карты»^[314], но это была далеко не такая значимая проблема, и ее описанию уделялось не столь много внимания.

Играли те, у кого были деньги или доступ к деньгам. Как писал журналист Н.П. Полетика: «В дни получек жены рабочих дежурили у пивных, стараясь отобрать у мужей хоть часть получки, жены служащих собирались у Владимирского клуба. Всезнающие репортеры „Ленинградской правды“ и „Красной газеты“ говорили, что за каждым крупным кассиром установлено наблюдение уголовного розыска и о каждом крупном проигрыше агенты розыска, сидевшие в качестве „игроков“ в игорных залах, сообщают начальникам учреждений и предприятий для проведения внезапной ревизии кассы»^[315].

Не секрет, что вчерашние герои Гражданской войны, занявшие после победы важные должностные места, зачастую с готовностью отдавались соблазнам сытой, мирной жизни. Это выглядело настолько вызывающе, что в октябре 1923 г. выпущено циркулярное письмо ЦК РКП(б) «О борьбе с излишествами», содержащее перечисление пороков «отдельных ответственных работников»: содержание скаковых лошадей, игра на скачках, роскошная обстановка квартир, чрезмерные расходы в ресторанах, азартная игра (тотализаторы, лото, карты и т. п.)^[316]. На все это нужны были средства, которые широко черпались из государственного кармана.

Известный деятель революционного движения, журналист В.А. Поссе в статье «НЭП и голод» писал: «Неправда, что в игорных вертепах гибнут преимущественно старые и новые буржуи, нет, там больше гибнет советских работников и фабрично-заводских рабочих.

В столичных вертепах я не бывал, но иногда заходил в провинциальные казино и клубы, и всегда вокруг рулетки и других азартных выдумок толпились пролетарии»^[317]. Разумеется, эти категории населения играли не на свое скромное жалование, а на казенные.

Присвоение и растрата казенных денег – преступление, в большей или меньшей степени характерное для всех стран и эпох. Не исключением является и Россия с ее традиционно высокой коррупционной составляющей в экономике. При этом каждый исторический период придавал казнокрадам свои характерные особенности. Применительно к 1920-м гг. растратчики стали уникальным социальным типом, порожденным революционной эпохой и ставшим героем государственной пропаганды, художественной литературы и городского фольклора.

Переход к нэпу привел к появлению слоя советской буржуазии («совбуров») и «нэпачей», финансовое положение которых оказалось значительно лучше остальных. Советские нувориши зачастую становились символом «умения жить», которое традиционно ценилось в условиях жесткой и несправедливой в глазах общества политики власти.

Доступ к деньгам, особенно с партийным билетом в кармане, приводил к тому, что автор журнала «Крокодил» описал следующими словами: «Промысловое свидетельство партбилетом служить не может, а партбилет промысловым свидетельством иногда служит»^[318]. Для рядового хозяйственника единственным способом повысить уровень жизни и призрачным шансом приблизиться к новой элите становились растраты.

Проблема растрат волновала власть намного больше, чем разгульное поведение нэпманов, ведь советские служащие порочили ее в глазах общества. Комсомолец А. Игошин в письме И.В. Сталину 25 марта 1926 г. жаловался: «Вот – заслуженный партиец-коммунист с 1905 г<ода> в партии, он, Зав<едающий> Ф<инансовым> О<тделом>, произвел растрату в 30 тыс. рублей. Подрывает авторитет и партии, и Сов<етского> Правительства»^[319]. Имиджевые потери, связанные с встраиванием советской бюрократии в рыночную систему нэпа, оказались слишком серьезными. Как справедливо отмечал С.В. Воробьев, «под влиянием нэпа начинает формироваться определенный

стиль жизни партийно-советской и, особенно, хозяйственной „элиты“, отклоняющийся от официально декларируемого образца. Неотъемлемым элементом такого стиля становятся коррупционные практики» [\[320\]](#).

Для описания подобного поведения даже появлялись специальные термины («онэпивание», «хозяйственное обрастание», «мелкобуржуазное заражение»), провозглашенные одной из болезней РКП(б) [\[321\]](#). Таким образом, ответственность за моральное разложение советских деятелей власть перекладывала на идеологически чуждых нэпманов: «Период нэпа таит в себе опасности, особенно для той части коммунистов, которая в своей повседневной деятельности соприкасается с нэпманами. Неустойчивые элементы иногда начинают тяготиться режимом партийной дисциплины, завидуют размаху личной жизни народившейся новой нэпманской буржуазии, поддаются ее влиянию, перенимают ее навыки, ее образ жизни, входят в дружбу, а не только в обязательные для них деловые отношения. <...> В личной жизни это выражается в участии в совместных с нэпманами обедах, не вызываемых отнюдь деловыми соображениями, – вечеринках, развлечениях, в посещении казино, скачек, ресторанов, дома свиданий и пр., в допущении для себя и своих близких сверхумеренных ставок, искусственных премирований и т. д.»¹. Председатель ЦКК РКП(б) А.А. Сольц на XI съезде в 1922 г. заявил: «Новая экономическая политика создала такие условия, при которых слабые, невыдержанные элементы нашей партии легче всего могли поддаться мелкобуржуазной стихии, которой мы должны были делать известные уступки» [\[322\]](#) [\[323\]](#).

Значительная часть растратчиков происходила из низших слоев, для которых взлет по карьерной лестнице, подаренный им революцией и Гражданской войной, был слишком сильным испытанием: «Внешний блеск и лихорадочная жизнь столицы создают нездоровую атмосферу легкой наживы. Позолоченная мишура и заманчивые удовольствия большого города столь близкие и столь неуловимые... для служащего – ослабляют „задерживающие центры“ неустойчивого элемента, соприкасающегося с деньгами, и после холодно-корыстного расчета обеспечить себя на „всю жизнь“ или колебаний то длительных, сопровождающихся душевными переживаниями, то внезапных импульсов, окрыленных надеждой отыгаться счастливой игрой в

рулетку и карты, – служащий решается присвоить вверенные ему суммы»^[324].

В газетах периода нэпа раздел «происшествия» регулярно включал в себя сообщения о служащих, проигравших деньги в карты. Так, в один из сентябрьских дней 1927 г. служащий Госстраха на заводе «Красный треугольник» Б.О. Бейм, «скрывшийся с 6375 руб., явился в угрозыск и вернул 1200 руб. Остальные деньги он проиграл в картежных клубах Ленинграда и Москвы»^[325]. Кого-то арестовывали прямо за игральным столом: «За карточным столом в клубе арестован служащий писчебумажной фабрики А.Д. Березков, имевший на руках казенные деньги. Не хватает 615 руб.»^[326].

Азарт губил и молодых людей, студентов и комсомольцев. В.А. Поссе в своих воспоминаниях описывает такие случаи: «Один из моих сыновей, славный парень, сначала работавший как батрак на земле, а потом попавший в студенты Электротехнического института, пошел с товарищем во Владимирский клуб из любопытства, потом тоже из любопытства поставил какую-то мелочь, выиграл, поставил больше – снова выиграл, затем проиграл, ушел, но азартная зараза делала свое дело. Пришел снова – и в конце концов сделался игроком, перестал заниматься, был уволен из института, и я не знаю, что может спасти его.

В том же Ленинграде я знал одного комсомольца, которого игорный вертеп довел до бандитизма. Он принял участие в налете на ювелирный магазин и был при этом тяжело ранен»^[327].

А.Н. Толстой в рассказе «Случай на Бассейной улице» описывает юношу Михаила, чья девушка после просмотра фильма «Великосветские бандиты» полюбила богатую жизнь и стала встречаться с теми, кто мог ей ее дать. Для него игра была попыткой быстро разбогатеть и осчастливить свою Мери: «Михаила мучила неопределенная ревность. У него трещала голова – так много он думал, откуда бы раздобыть денег на поездку в Париж? Поскорее увезти Мери из Ленинграда, окружить роскошью, осыпать драгоценностями. Самому ходить в крылатке, в цилиндре с восемью отблесками.

Он продал зимнее пальто, все книжки, радиоприемник (собственной работы), коньки, валенки, занял у товарищей по мелочам полтора червонца и ночью пошел в игорный дом. У денег за зеленым столом

вырастают крылышки, в несколько минут деньги выпорхнули у него из кармана. Проигрался. Хотел повеситься на подтяжках в клозете, но как-то обошлось. В три часа утра он громко рыдал, сидя на набережной Васильевского острова под египетским сфинксом. На той стороне реки пылали в утренней заре окна дворцов. Дымная, лазоревая Нева плескалась у ног огорченного мальчишки. Мери в эту ночь шаталась неизвестно где – кто-то ее, вне всякого сомнения, обнимал в эту минуту, когда еще прохладное солнце поднималось за крепостью из-за длинных малиновых утренних облаков»[\[328\]](#).

«Ну что ж, Карл Маркс тоже в карты поигрывал»

Именно такой фразой оправдывал растрату двухсот сорока рублей герой пьесы В. Маяковского «Баня» Ночкин. В ответ на возмущение главного начальника по управлению согласованием (главначпупса) Победоносикова он отвечал: «Ну, вот, никогда... А что писал Франц Меринг? Что он писал на семьдесят второй странице своего капитального труда „Карл Маркс в личной жизни“? Играл! Играл наш великий учитель...». На самом деле Ночкин деньги не проигрывал, а отдавал изобретателю Чудакову на строительство машины времени. Неизвестно, существовали ли такие преданные науке «растратчики» на самом деле, однако показательным является то, что советский бюрократ Победоносиков с большим пониманием относился к проигрышу казенных денег, чем к их передаче изобретателю. Это было чем-то даже привычным для советских учреждений – растрата денег на пьянки или карты была распространенным явлением.

Стоит отметить, что основная часть растратчиков не имела доступа к большим деньгам. Например, телеграфист 21-го почтового отделения в Ленинграде Яковлев систематически присваивал казенные деньги, которые он получал за телеграммы: «Для того чтобы покрыть растрату, Яковлев уменьшал количество слов, подаваемых в телеграммах. Губсуд приговорил Яковлева (растрата 74 р. 4 к.) к заключению на 3 месяца, со взысканием с него растроченной суммы»^[329]. Сотрудники железной дороги умудрялись похищать деньги, взысканные в качестве штрафа за безбилетный проезд^[330].

Распространенным способом хищения было присвоение взносов рабочих в различные организации, в частности в кассу взаимопомощи. Это могли быть большие суммы, их хищение могло требовать навыков профессионального мошенника, и статус таких растратчиков был выше. Так, в декабре 1925 г. за подобные хищения были преданы суду бывший председатель рабочего комитета Торгового порта Ленинграда Александр Успенский, секретарь Д. Воронов и члены комитета Г. Басалев и А. Вальдовский – участники пьяных оргий. На кутежи и карты они растратили с августа 1924 г. по июль 1925 г. 11 508 рублей.

Более того, Успенский принуждал подчиненных по работе женщин ко вступлению с ним в связь^[331]. С такой же легкостью и частотой крались деньги из культфонда или членские взносы. Зачастую изначально у растратчика могло и не быть умысла похитить деньги. Он их лишь одалживал, чтобы потом вернуть, что не всегда удавалось. Типичная история – проигрыш денег в карты и надежда вернуть в казино^[332].

Для молодых растратчиков были характерны наглые хищения без проработанного плана их сокрытия. Например, некто Бруев в 21 год назначен инкассатором ленинградской типографии им. Лоханкова. Поддавшись соблазну, он «собирал с заказчиков деньги и... „покрывал“ (будто бы) кражу – в вагоне трамвая у него „украли три тысячи рублей“». «Покрывал» – значит играл во Владимирском клубе^[333]. При рассмотрении многих случаев растрат у исследователя создается впечатление, что служащий просто не мог не растратить доверенные ему деньги – растрата предстает неизбежным и логичным результатом общей бесхозяйственности и отсутствия эффективного контроля^[334]. Показательна история агента по закупке материалов 1-й госпробочной фабрики Кораблева, который растратил 5000 руб. Однажды служащий конторы свел его, 39-летнего, женатого отца трех детей, в игорный клуб. Там он проиграл 500 казенных рублей. Попробовал отыгаться, проиграл еще больше. В итоге запил, деньги на пьянки также воровал. Кораблев получал товар в кредит, уплачивал по частям, когда вздумается; счета писал сам, по ценам вдвое дороже существующих. А фабрика за это исправно платила^[335].

Некоторые умудрялись провороваться сразу после начала работы на новом месте. Так, артельщик П.В. Данилов, получив должность сборщика Госбанка, в первый же день собрал 1588 руб. и проиграл их в клубе. История окончилась трагедией – на следующий день он повесился^[336].

Лихость и ухарство растратчиков, транжиривших деньги, можно объяснить тем, что многие из них были просто незнакомы с культурными формами досуга. Вот история одного неграмотного растратчика: «Я – с 1914 по 1921 гг. кочегар на военно-морской службе. Ко времени растраты состоял председателем артели лесорубов. Проиграл 1301 р. в игорных домах в пьяном виде»^[337].

Зачастую растратчики-игроманы прекрасно понимали неизбежность наказания и предпочитали во всем сознаваться. 2 февраля 1926 г. в 5-е отделение управления милиции в 16 часов явился гражданин Иван Михайлович Корташев, десятник фанерного треста Петроградского района, проживающий на станции Тосно. Он заявил, что 28 января во Владимирском клубе проиграл казенных денег в сумме 1450 руб. Корташев был задержан^[338].

7 мая 1927 г. в час дня в дежурную комнату явился гражданин Константин Иванович Сидоров, агент по закупке подотдела благоустройства Губоткомхоза, проживавший на 18-й линии Васильевского острова. Он заявил, что только что проиграл во Владимирском клубе казенные деньги. Несчастный Сидоров был задержан и заключен в арестный дом (ардом)^[339].

Проиграл деньги в клубе и управдом Василий Васильевич Дунаев. О его растрате сообщил председатель правления ЖАКТа дома № 10 по 1-й Советской улице гражданин Володин. Всего Дунаев истратил 300 руб. После его доставки в уголовный розыск в растрате сознался^[340].

Тратили казенные деньги в игорных домах и вполне образованные, интеллигентные люди. Например, Е.Д. Кольварский (Кальварский) – известный профсоюзный деятель, журналист и бактериолог: «В этом деле фантастически перепутались сухая бухгалтерия и самый пылкий сто процентный романтизм.

Но бухгалтерия победила романтизм.

С нее и приходится начинать.

Дело в том, что герой этой бухгалтерско-романтической истории Е.Д. Кольварский растратил 20 927 рублей.

Е.Д. Кольварский – зав. городским отд. института экспериментальной медицины. У него две профессии, он – журналист и фармацевт.

Как фармацевт, он растратил 20 тыс.

Как журналист, он рассказывает романтическую историю, толкнувшую его на растрату.

20 000 он проиграл в клубе.

А в клуб его привели – „трагические семейные обстоятельства“.

Кольварский упорно оттягивает нас от бухгалтерии и вводит в романтическую обстановку.

Демоническая женщина появляется перед нами и заслоняет собою все – и клуб, и фармацию, и экспериментальную медицину.

В 1910 г. он разошелся с женой, оставившей ему маленькую дочь. И через 5 лет женился на другой.

Эта „другая“ и оказалась —

– „Та, которая“...

По свидетельству окружающих, она – „чудовищно красива“ и „ужасно расточительна“.

А сам герой объясняет:

– Я, вообще сильный и энергичный человек, в ее присутствии терял волю, переставал быть человеком...

Однажды она ушла от него и... унесла с собой на большую сумму драгоценностей. Но потом вернулась – без драгоценностей.

Они сходились и расходились. И опять сходились.

Наконец она исчезла навсегда.

Потом пришла третья жена.

Но тут оканчивается роман и начинается бухгалтерия.

– Клуб и проигрыш, клуб и проигрыш...

И так до 20 927 рублей.

Возникает вопрос: какая же связь между этой семейной хроникой и растратой институтских денег?

Связь, оказывается, прямая, первые позаимствования из кассы учреждения ради „нее“. А дальше – как известно:

Хотел покрыть долг – пошел в клуб и проиграл...

Есть еще одна страница в жизни Кольварского, страница, которую не смогла вырвать даже „демоническая женщина“: страница из его прошлого»^[341].

Дело в том, что до революции Кольварский принимал активное участие в борьбе с царизмом. В 1905 г. он организовал подпольную типографию в Лесном, дважды сидел в тюрьме, а в 1906–1907 гг. его квартира являлась местом встречи революционеров. Судя по всему, это обстоятельство спасло Кольварского. Правда, судьба его сложилась трагически. В 1938 г. его расстреляли за контрреволюционную деятельность. На тот момент он был начальником медснаба Управления Дальлага в Хабаровске. Реабилитирован в 1958 г.

Среди основных мотивов, толкавших к растрате, в 1925 г. 10,8 % приходился на «проигрыш» и 1,6 % – на «бега», тогда как чуть более

22 % – пьянство^[342]. Так, Н. Полетика в своих воспоминаниях подчеркивал, что главный центр развлечений в Ленинграде, Владимирский клуб, посещался далеко не только нэпманами: «Ночью Владимирский клуб был заполнен не столько нэпманами, сколько кассирами крупных предприятий и учреждений. Они были буквально одержимы надеждой на выигрыш, но дело обычно кончалось проигрышем казенных денег. Затем кто вешался, кто травился, кто шел в тюрьму»^[343].

Описание отдыха во Владимирском клубе встречаем в повести В. Катаева «Растратчики». Главные герои, московские служащие Филипп Степанович и Ванечка, загуляв с казенными деньгами в кармане, решили в компании некой Изабеллы приехать развлечься в город на Неве, тем более что их спутница всячески хвалила бывшую столицу: «Останетесь в восторге. Там, во Владимирском клубе, можете представить, прямо-таки настоящие пальмы стоят и кабаре до пяти часов утра. В рулетку игра идет всю ночь. Одна моя ленинградская подруга – тоже, между прочим, довольно интересная, но, конечно, не так, как та, про которую я говорила Ванечке, – за один вечер, ей-богу, выиграла четырнадцать червонцев, и, между прочим, на другой же день у нее вытащили деньги в трамвае... Между прочим, в Ленинграде всё проспекты. Что у нас просто улица, то у них проспект. Определенно».

Непутевые растратчики прислушались к совету и отдохнули в этом культовом месте. После ресторана, где они кутили до закрытия, они, уже в компании двух дам, «очень пьяные, поехали на извозчиках продолжать кутеж в знаменитый Владимирский клуб. Во Владимирском клубе, точно, имелись пальмы в зеленых кадках и играли в рулетку. Дым стоял коромыслом, а на эстраде уже танцевали гопака. Посидели в общей зале, но, так как Ванечка порывался на эстраду и желал исполнять куплеты, пришлось перейти в отдельный кабинет. Безо всякого аппетита ели свиные отбивные котлеты и пили портвейн, херес, пиво – что попало. Когда же от хереса стало гореть в горле, а глаза сделались маринованные, тогда прошли в игорную залу. Стоит ли описывать, как играли? Дело известное. В рулетку везло, в девятку не везло. Женщины страшно волновались, просили на счастье и бегали между столов, красные и злые, спеша сделать ставку и примазаться. Потом в рулетку не везло, а в девятку везло. Потом и в

рулетку не везло, и в девятку не везло. Это продолжалось до четырех часов утра. Тут же познакомились со многими компанейскими парнями и вместе с этими компанейскими парнями перешли в большой кабинет с фортепьяно; позвали двух куплетистов и выпили уйму водки».

Фактическая информация, которой мы обладаем, склоняет к тому, что художественное описание не сильно отличалось от действительности. Так, в начале 1925 г. к ответственности был привлечен заместитель заведующего портовой конторой «Северокустарь» И.А. Голубев за систематическую растрату. По словам Голубева, он проиграл около 5 тыс. руб. во Владимирском клубе. В это же время к помощнику прокурора Центрального района явился уполномоченный в Ленинграде комиссии по постройке госзданий в Николаевске, инженер И.С. Серебрянский, заявивший о сделанной им растрате 5 тыс. руб. Деньги он проиграл также во Владимирском клубе^[344].

Владимирский клуб в то время – самое культовое и «цивильное» место, другие подобные места были куда более злочными. Вот, например, описание клуба «Торговый», которое мы знаем благодаря освещению в прессе суда над его сотрудниками, поколотившими пьяных и буянящих посетителей.

«Перед нами проходят ночные тени города.

– Официанты и швейцары игорного клуба, лотошники, клубные дамы, завсегдатаи буфета, торгующие круглые сутки девицы „без предрассудков“...

Они вводят нас в особый мир. Мы входим сюда с опаской.

Здесь спят только за карточными столами, ужинают только с незнакомыми, не обижаются, когда их „вежливо просят о выходе“, воруют друг у друга каракулевые шапки и ходатайствуют о допущении в уборную бесплатно, ибо иначе – не хватит на „последнюю карту“ в лото...

Вот швейцар этого заведения, Антонов.

– Я швейцаром здесь 1 1/2 года, мне всего 42 года, но я чувствую себя инвалидом... Уходя из дому, я каждый раз прощаюсь с семьей так, точно иду на казнь...

Его быют постоянно. Почтеннейшая публика. И он привык. Тонем расторопного философа он поясняет:

– Мне дают по морде, и я в ответ даю по морде.

И он спрашивает:

– А что же делать? Если на каждого, кто меня ударил, я подал бы в суд, все суды были бы завалены жалобами...

Свидетель, помощник коменданта, рассказывает, в голосе у него отчаяние:

– Какая публика бывает? А такая. Сидит посетитель в буфете, с дамой и вдруг – крик, дама стянула у него бумажник и с ним исчезла. Другой посетитель заявляет, что сосед только что вытащил у него из кармана каракулевую шапку.

За сутки через клуб „Торговый“ проходит до 800 человек, а в ночь на воскресенье – до 1000. Приходят уже пьяные, часто избитые, выкинутые из какого-нибудь бара, наглые, возбужденные. И скандалят, скандалят, – точно за этим и пришли.

Когда были наряды милиции, было лучше, после снятия пикета милиции коменданты не справляются. Их бьют постоянно. Сами коменданты не оставались в долгу.

„Другой свидетель видел, как женщина рвалась в клуб, а ее не выпускали, тогда она забилась в истерике.

– Вот эта самая! – радостно узнает свидетель в толпе потерпевших некую гражданку.

Ее вывели, попросту вытолкали на улицу.

– А для чего вы пришли в клуб? – задает ей вопрос прокурор тов. Григорьев.

– Разве мы не имеем таких же прав, как мужчины, – следует ответ. – Я пришла заработать.

– Как?

– Очень просто. Я – проститутка...“»^[345].

Уполномоченный Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции Л.С. Залинсон в данном «Красной газете» интервью заявил, что «причины растрат – главным образом пьянство и картежная игра»^[346]. По мнению одного из авторов сборника «Растраты и растратчики», Н.Н. Геденова, неопровержимой является связь растрат, азарта и алкоголя: «Алкоголь и азарт могут не только вызывать собою учинение растрат для их непосредственного удовлетворения, когда они засасывают человека в свою тину, делая его безвольным рабом разгоревшихся страстей, но и создавать условия, весьма

благоприятствующие осуществлению этих преступлений; под влиянием хотя бы в незначительной дозе воспринятого алкоголя или в пылу разгоревшихся страстей азарта человеку всегда будет легче посягнуть на вверенные ему по службе ценности, чем в совершенно нормальном состоянии, когда он действует вполне сознательно и уравновешенно»^[347].

Н.Н. Гедеонов, как и многие другие властные пропагандисты, напирает на то, что жертвами соблазна становятся те, кто попал под влияние чуждых пролетарию и коммунисту ценностей и «отрыжки старого быта»: «Суммируя имеющиеся у нас сведения, мы приходим к тому заключению, что влияние алкоголя и азарта на растраты велико и всеобъемлюще; оба эти фактора мощно пополняют ряды правонарушителей все новыми и новыми жертвами. Обилие этой жатвы имеет глубокое социально-экономическое значение, ибо веками взлелеянный капиталистический строй представляет собой самую лучшую, самую подходящую почву для их произрастания. Беззастенчивая эксплуатация одних лиц, экономически более слабых, другими, более сильными, неравномерное накопление богатств в руках немногочисленной кучки людей за счет почти полного обнищания масс, естественно, создают самую плодородную и подходящую почву для всхода и размножения таких антисоциальных явлений, как потребление алкоголя, наркотиков и процветание азарта во всех его проявлениях. Не будь этих, капитализмом созданных, социальных аномалий, не было бы и того сильного распространения алкоголизма и азарта. В нашей советской действительности эти аномалии весьма распространены, как и многие другие, от прошлого унаследованные, явления: они – не что иное, как пережиток былого, пережиток той эпохи, которая у нас безвозвратно ушла в прошлое»^[348].

Публицист А. Селиванов в статье, посвященной борьбе с растратами, показывал любителей поиграть на казенные деньги жалкими и слабыми существами:

«Едва ли будет ошибкой утверждать, что три четверти растрат учиняются людьми не злой, а только слабой воли. Чаще всего это – люди, психически больные, с волей, уже расшатанной тем или иным пороком, той или другой страстью, в жертву которой они приносят не только чужие деньги, но и всю свою жизнь.

Влюбленные субъекты, одержимые страстью к женщине, неумолимо требующей от них денег и роскоши, алкоголики и кокаинисты сравнительно реже встречаются среди лиц, запускающих руку в казенный сундук. Кадры растратчиков чаще всего пополняют игроки.

Загляните в газетную хронику: все эти маленькие люди нашего быта – кассиры, управдомы, в чьи руки попали чужие деньги, – гибнут жертвами одной и той же мечты – поймать улыбку Фортуны за клубным столом или на беговом ипподроме. Чужие, доверенные им суммы, для них отнюдь не цель, а только средство, только орудие, с которым они пробуют поймать свое счастье, свою „синюю птицу“»^[349].

Центрами подобных соблазнов, разумеется, являются города, «где к услугам пьющих имеется целая плеяда пивных и ресторанов, так усиленно манящих к себе всевозможными аттракционами и деланным, аляповатым уютом»^[350].

Замечание про аляповатый уют не стоит объяснять лишь стремлением автора подчеркнуть безвкусицу и пошлость подобных мест. Тот же Владимирский клуб выглядел богато и празднично, но только по меркам 1920-х гг. Отвратительным он показался известному эмигранту В.В. Шульгину, который в январе 1926 г. тайно посетил Ленинград. Один из знакомых предложил ему:

«– Желаете на закуску дня посмотреть нечто интересное? Как вы думаете, какое учреждение в „республике рабочих и крестьян“ открыто всегда, т. е. не закрывается ни днем, ни ночью?

Подумав, я сказал:

– Наверное, государственный кинематограф.

– Нет, не угадали.

– Ну так библиотека, родильный приют, Агитпросвет...

Он рассмеялся и сказал:

– Идем.

Пройдя несколько улиц, мы попали на бывший Владимирский проспект, а как он сейчас называется – не поинтересовался. Вошли в освещенный подъезд, где обширная вешалка ломилась от платья. Поднялись по достаточно торжественной, ярко освещенной лестнице. Взяли какие-то билеты и затем вошли в залу. Посередине ее журчал фонтан, ниспадая на какие-то ноздревато-тошнительные камни, как почему-то бывает у таких фонтанов. Кругом стояли столики. Напротив

была стена с огромными окнами, через которые виднелась другая зала, еще ярче освещенная, очевидно, концертный зал. На эстраду вошел солидный человек, впрочем, хорошо одетый, который не мог быть не чем иным, как баритоном. Действительно, он массивным голосом стал „просить позволения“:

– Позвольте, позвольте!..

И полился пролог из „Паяцев“, нестерпимо надоевший и все же ужасно красивый.

Но мы предоставили ему изъясняться с публикой о страданиях салтимбанков и прошли в другую залу, дверь в которую виднелась налево. И там я увидел нечто, пожалуй, более интересное, чем творение Леонкавалло.

Отвратительный, мутный дым стоял в этой зале. От него тускнел яркий свет электричества. И физическая и психическая атмосфера этой комнаты была нестерпима.

Вокруг столов, их было штук десять, больших и малых, сидели люди с характерными выражениями...

– Что это? – сказал я. – Игорный дом?

– Да. Это то учреждение, которое в пролетарской республике не закрывается ни днем, ни ночью!

– Как? Никогда? Даже для уборки?

– Никогда. Республика не может терять золотого времени. В четыре часа утра, в двенадцать часов дня, в шесть часов вечера – когда ни придите, здесь все то же самое: все те же морды и все тот же воздух.

Я не мог тут долго выдержать. Здесь было слишком отвратительно. Кроме того, моя строгая фигура, в девственно-синей толстовке, была живым укором этому ужасному падению коммунизма.

Мы вышли в соседнюю залу и у журчащего фонтана слушали баритонов и теноров, видели пляшущих барышень, воображавших себя балеринами, пили чай с пирожными и философствовали.

*И фонтан, не умолкая,
В зале мраморном журчал,
И меня б в мечтаньях рая...*

Так вот, значит, каков социалистический рай! Не видя ее, я еще лучше улавливал коллективное выражение лица гнусной соседней залы. Мужские и женские лица, старые и молодые, сливались в одну скверную харю, нечто вроде химеры с лицом скотски отупевшим.

Публика тут была разная. Были хорошо одетые, но большинство было мятых и грязных, очевидно, небогатых. От этого делалось еще сквернее, ибо не с жиру пришли сюда эти люди; их притянула страсть, неумолимая, севшая уже на них верхом, как ведьма на Хому Брута.

– Кто ж содержит этот притон? Неужели государство?

– Почти что. Номинально какое-то общество, но львиная часть доходов идет... на народное просвещение.

– Черт возьми!» [\[351\]](#)

К концу 1920-х гг. городские центры азарта оставались столь же непрезентабельными. После закрытия карточных домов центрами азартных игр стали бильярдные. Одна из самых известных из них находилась в гостинице «Европейская». Ныне это один из самых дорогих и престижных районов города, а в 1920-1930-е гг. – место, куда Д. Хармс с друзьями мог зайти попить пива под соленый вареный горох. Драматург и киносценарист Н.Р. Эрдман в самом конце 1920-х гг. описал совместный с В. Маяковским поход в бильярдную так: «Это было очень злачное место по вечерам. Всегда очень много бильярдов, всегда в накуренной, густой такой обстановке, всегда подозрительные люди там собирались в большом количестве, играли крупно на деньги, мазали и выпивали» [\[352\]](#).

Как и в случае с пьянством и хулиганством, ленинградская улица давала возможность пристраститься к различным девиантным досуговым практикам с самого детства. Исключением не были и различные азартные игры. Вот история 13-летнего Кости, задержанного за кражу.

«Дежурная комната уг. розыска.

Без умолку, скрипит и хлопает дверь. Входят новые лица. Одни уходят обратно. Другим вежливо предлагается:

– Оставайтесь, товарищ. Разрешите обыскать.

Такое предложение сделано и Косте С., 13-летнему мальчугану, ученику одной из советских школ.

Ленинградская правда. 1928. № 96. 25 апреля. С. 5

На деньги я выиграл 33 конфеты. На остальные 13 копеек с Мишкой и Колькой мы играли в „стуколку“^[353].

Раз Васька „Рыжий“ позвал нас играть в „очко“. И в карты мы стали играть очень часто, почти каждый день. С урока „каналы“ и играли в „очко“ на парадной у Марии Васильевны, на паперти Знаменской, или на песке, у разрушенного дома.

Мы ходили все в „Рекорд“. С нами стал играть Витька-беспризорник, и всех он нас обставлял.

...Из комода взял мамины и Зинины часы. Мы с „Рыжим“ их продали. Деньги проиграли в „очко“. Еще продал пальто и деньги тоже проиграл. Хотел „загнать“ велосипед нашего квартиранта Василия Карповича. На Бассейной меня поймали.

<...> За три копейки стреляй, десяток конфет первосортных получишь, – зазывают уличные крупные любопытную детвору.

Игра на конфеты увлекательная. Ее очень любит детвора. Эта игра происходит почти на всех улицах города. С утра до вечера ребята толпятся около вращающихся дисков и хлопающих пистолетов, проигрывают деньги, данные на завтрак. Ученики школ „простреливают“ книги и ранцы. Увлеченные игрой, забывают про школу, пропускают занятия.

– Ну, еще разок стрельни, – уговаривает этот содержатель уличного игорного клуба.

И мальчуганы нажимают, стреляют, выстреливая последние гроши из кармана.

– Иной раз три петуха зашибаем, – хвастаются конфетные крупные.

От игры на конфеты детвора переходит на „стуколку“. Или уже, стоя на коленях, с азартом хлопают монетой по монете, с горящими глазами ожидая:

– А скоро ли перевернется „орлом“?

Забыв про школу, Ленка „жарится“ в „стуколку“. Вот опустели уже карманы – больше нет денег. Снял ранец. Вынул книги – и...

– Малай, купи.

Книги проданы. И опять зазвенела монета о монету.»^[354].

По уверению автора статьи, таких, как Костя, было много, и милиция была бессильна остановить выкачивание денег из детских карманов.

* * *

Сегодня игровая зависимость – лудомания – является сферой внимания психологов и психиатров. Но в 1920-е гг. азартные игры рассматривались исключительно в социальном ключе. Они могли быть забавным времяпрепровождением, безобидным развлечением или опасным пороком, общественным злом. Но в любом случае избавление от пристрастия к игре лежало в плоскости карательных мер, с одной стороны, и пропагандистских усилий – с другой.

Развлечения по уголовному кодексу: криминализация девиантного досуга

Грань между осуждаемым, но дозволенным, и запретным в области досуга была подвижной и неопределенной. Одни и те же виды развлечений могли допускаться, а через какое-то время запрещались. Так стало с потреблением алкоголя, с проституцией, с азартными играми. В 1920-е гг. криминализации подвергались употребление наркотиков, хулиганство и др.

«Для чего люди одурманиваются?»: наркотики в контексте досуговой культуры

В последние годы история борьбы с наркоманией, ее медицинские и юридические аспекты привлекает историков^[355], но мы обратим внимание на потребление наркотиков в контексте досуговой культуры. Врач Л.М. Василевский в своей книге «Дурманы» задавался вопросом: «Для чего люди одурманиваются?». По его мнению, «быт громадного большинства людей безрадостен; вот основная причина страшного распространения одурманивающих средств». В то же время исследователь подчеркивал потребность «встряхнуться», «на минуту порвать установленный и регулярный строй жизни, внести в него некоторую сумятицу и разнообразие»^[356].

Запрет на продажу крепкого алкоголя в годы Первой мировой войны привел к замене его наркотиками. Вообще «наркотиками» в то время специалисты могли называть даже кофе, не говоря уже о табаке или алкоголе. В этой главе мы остановимся на употреблении тех веществ, которые признаются таковыми сейчас и распространение которых незаконно.

Курение опиума или гашиша, употребление кокаина или морфия зачастую осуществлялись совместно, в компании, как раньше совместно распивались спиртные напитки. В.А. Горовой-Шалтан в статье «Морфинизм, его распространение и профилактика» упоминал, что в период революции на одном из военных кораблей существовал «клуб морфинистов», «где организовано происходят „заседания“ организовано добывается морфий, которым снабжаются члены клуба, где успешно вербуются новички, нередко простые и малокультурные матросы»^[357].

В досуговом пространстве городов появляются места, предназначенные для подобного вида времяпрепровождения. Б. Пильняк писал: «В притонах на тайных квартирах, в китайских прачечных, в цыганских чайных – собирались люди, чтобы пить алкоголь, курить анашу и опий, нюхать эфир и кокаин, коллективно впрыскивать себе морфий и совокупляться»^[358]. После Февральской революции народная милиция, сменившая царскую полицию,

пыталась устраивать облавы на чайные, где продавали запрещенные вещества, и арестовывать торговцев, но нередко были случаи, когда посетители-наркоманы отбивали их и били милицию чайниками^[359].

Медицинские и социальные последствия «наркотического» досуга были настолько серьезными, что их стоит рассматривать не столько в контексте праздного времяпрепровождения или физиологической рекреации, сколько в связи с сопротивлением доминирующей идеологии, демонстрацией своеволия. С другой стороны, в досуговом употреблении наркотиков заметны черты социального эскапизма, что сближает его с характерным для послереволюционной России увлечением азартными играми.

Реалии войны нередко приводили к экстравагантным сочетаниям алкоголя (спирта) и кокаина, причем этой адской смесью «грешили» как отрицательные, так и положительные герои литературы^[360].

За титул самого популярного наркотика 1920-х гг. спорят морфий и кокаин. Опиум, героин, анаша и прочие также употреблялись и были известны заинтересованной публике, но в значительно меньшей степени. Наркотики продавались в аптеках, из-за чего их воровали, организовывали налеты, покупали по поддельным рецептам^[361].

Как и в случае со спиртным, наркотики понимались новой властью как средство одурманивания людей, буржуазный пережиток, удел маргиналов, неспособных участвовать в строительстве социализма. А.Н. Толстой в своей фантастической повести «Аэлита» изобразил тоталитарный режим на Марсе, где тиран Тускуб использует наркотик хавру для подавления воли марсиан к сопротивлению: «Они дышат драгоценным дымом. Вы видите клубы дыма? – это курятся листья хавры. Это драгоценный дым. Он называется дымом бессмертия. Кто вдыхает его – видит необыкновенные вещи: – кажется, будто никогда не умрешь, – такие чудеса можно видеть и понимать. Многие слышат звук уллы. Никто не имеет права курить хавру у себя на дому, – за это наказываются смертью. Только Верховный Совет разрешает курение, только двенадцать раз в году, в этом дому, зажигаются листья хавры»^[362]. Здесь наркотик – не просто средство, делающее человека безвольным рабом. С помощью хавры подавляется воля к борьбе целого народа, населения всего Марса. Даже руководитель восстания, марсианин Гор, в момент кризиса бросает борьбу и принимается

медленно жевать «красноватую, как перец, пачку сухой хавры», прячась от страшной бойни, которую он же и устроил.

В 1920-е гг. начинается активное изучение наркотизма. Причина – рост числа потребителей наркотиков, развитие рынка наркотических веществ ^[363]. В 1926 г. правовед и криминалист М.Н. Гернет проанализировал результаты распространенности наркотизма среди беспризорных Москвы. Из 102 опрошенных только двое не употребляли какое-либо наркотическое вещество ^[364]. Доктор А.С. Шоломович писал, что в период с 1924 по 1928 г. число пациентов наркодиспансеров увеличилось почти в 8 раз ^[365].

«Морфий – не только лекарство»

Как известно, морфий использовался в качестве обезболивающего, поэтому в зависимость от него попадали либо бывшие пациенты, либо врачи, у которых был доступ к наркотику. Типичный потребитель морфия к началу 1920-х гг. – участник Первой мировой или Гражданской войны. Яркое и страшное описание процесса привыкания к наркотику, основанное на личном опыте, оставил М. Булгаков^[366].

Проблема морфинизма в Петрограде-Ленинграде активно изучалась в клинике профессора В.П. Осипова в Военно-медицинской академии. Один из ее сотрудников, В.А. Горовой-Шалтан, справедливо указывал на то, что революционные события привели к росту распространения морфия, особенно в крупнейших городах страны – Петрограде и Москве. Количество морфинистов в городе в это время подсчитать из-за отсутствия учета невозможно. За период с 1919 по 1922 г. через клинику прошло 42 больных. Среди них всего пять женщин, из которых одна – врач, две медицинские сестры и одна жена врача. Из оставшихся 37 мужчин: врачей – 5, фельдшеров – 11, студентов-медиков – 3, санитар – 1. Больше половины, следовательно, лиц медицинской профессии (20 чел.). Остальные: офицеров (командиров) – 8, матросов (краснофлотцев) – 4, солдат (красноармейцев) – 9, агроном – 1, адвокат – 12. Данные цифры вполне понятны: «Чем ближе под руками шприц и морфий, тем легче стать морфинистом». Кроме того, его потребление хоть и легче, чем, скажем, курение опиума, однако требует определенных навыков и инструментов: шприца, дистиллированной воды и т. п. ^[367]

Врач клиники душевных болезней Военно-медицинской академии Н.И. Бондарев в 1925 г. сообщал, что большинство больных, которые поступали в клинику, были наркоманы. Он обращал внимание на то, что морфинисты «живут очень дружно между собою, поддерживают друг друга, делятся, когда достанут впрыснуть». При их лечении применялся способ внезапного лишения морфия. «Голод» после этого чувствовался всего 3–4 дня. Через две-три недели здоровье, по уверению врачей, восстанавливалось.

Сотрудница Психоневрологического института, доктор Р.Я. Голант, ведя статистику больных, установила, что «большинство алкоголиков – люди занятые, больше всего служащие и рабочие. Среди морфинистов преобладают сестры милосердия, врачи, фельдшера и др. лица медицинского персонала. Большинство из них побывало на войне, многие ранены. Стремилась заглушить боль, попробовали морфия, – помогло, – и постепенно втянулись»^[368].

Седативный наркотик использовался для того, чтобы снять напряжение, достигавшее невиданного уровня в период Гражданской войны. Так, один из петроградских партийных работников стал морфинистом «благодаря» своему товарищу, который предложил попробовать наркотик как средство «для того, чтобы побороть усталость и понизить нервное напряжение, вызванное работой во время наступления Юденича на Петроград»^[369].

Разумеется, за употребление наркотиков наказывали, однако в условиях царившей анархии это могло приводить к абсолютно обратным результатам. Например, одного матроса в 1920 г. осудили за употребление наркотических средств и за самовольную отлучку с корабля и приговорили к двум месяцам гауптвахты и трем месяцам в штрафной роте. По его словам, отбывая наказание, он злоупотреблял наркотиками еще больше^[370].

Количество морфинистов в Ленинграде, как и наркоманов в целом, резко пошло на спад после введения дешевой водки в 1924–1925 гг.^[371] Для значительного числа потребителей наркотики были лишь заменой алкоголя, вынужденной в условиях действовавшего с 1914 по 1924 г. «сухого закона». Тем не менее, проблема не исчезла. Со временем социальный состав морфинистов стал меняться, став более характерным для деклассированных элементов вроде проституток или бандитов^[372].

Поводы к началу употребления наркотика были достаточно разнообразными. Большинству делались инъекции в лазаретах для обезболивания. Бывали случаи, когда инъекции делались средним медицинским персоналом без всякого повода. Также их могли делать при ишиасе, плеврите, печеночной колике или даже зубной боли. По утверждению врача, «была и такая категория больных, у которых отсутствовали какие-либо мотивы, кроме любопытства и стремления испытать новые ощущения, или у которых поводом является тоска,

душевный разлад, служебные или семейные конфликты». У одной из морфинисток, жены врача, повод колоть морфий оказался весьма своеобразным – она прибегла к морфию с целью подавить в себе половое влечение, которое не могло быть удовлетворено вследствие импотенции мужа. По ее словам, на это ее надоумила одна знакомая, испытывавшая способ на себе.

Максимальная средняя суточная доза вводимого морфия у обследовавшихся пациентов составляла 0,5 г. Наиболее часто встречались дозы от 0,5 до 1 г. Самая большая доза – 5 г в сутки, а один из больных при опросе называл дозу до 20 г. Период начала потребления сравнительно поздний – 29–37 лет, хотя были и исключения. В случае с молодыми людьми причиной начала потребления могли являться стремление к подражанию и соблазн. Например, одна 17-летняя девушка стала впрыскивать себе морфий по совету такого же юного морфиниста, сына врача. Другой больной рассказывал, что на домашних вечеринках, где собиралась молодежь, шприц и морфий не раз предлагались «за компанию» желающим испытать его действие^[373].

Последствия от потребления морфия были связаны не только с наркотической зависимостью, но и с угрозой абсцессов, мучительной смерти из-за грязной иглы или воды. В связи с этим некоторые искали альтернативные способы его потребления. Так, один из наркоманов обливал раствором морфия табак и курил до опьянения.

Со временем доставать наркотик становилось сложнее. Также сокращению потребления способствовали репрессивные меры. Несмотря на то что проблема существовала, в глазах власти она не представлялась первостепенной. Как уже отмечалось, наркоманами в основном оставались деклассированные элементы, чья жизнь постепенно катилась к бесславному финалу. В вечернем выпуске «Красной газеты» от 8 мая 1928 г. напечатан рассказ «О морфии», повествующий об одном из таких людей, ленинградском морфинисте по фамилии Романов.

«Морфий не только лекарство. Первое впрыскивание морфия Романову сделали 8 лет тому назад на восточном фронте. А потом Романов сам не заметил, как превратился в морфиниста. Дозы пришлось увеличивать. В последние 3 года его „не устраивало“ меньше грамма в день.

13 января был тяжелый день: без морфия и без денег. Бобров на суде рассказывает теперь очень жалостно, как страдал его приятель:

– Ведь тошнило ж парня, надо понять...

На другое утро, чуть свет, Романов явился к Боброву с портфелем. Странный портфель. В нем были револьвер, веревка, отвертка, фонарик, бутылка с дисциплированной водой и металлическая коробочка со шприцем. Вода и шприц – орудия морфиниста (в воде разводят это средство), все остальное – орудия налетчика.

Кроме Боброва, осуществлению предприятия выразил намерение способствовать и Румянцев. Сами они не морфинисты, но:

– Нельзя ж не сочувствовать.

Итак, собрались на налет.

– Ничего подобного, – возражает торопливо Бобров. – Хотели только народ поддержать.

– То есть как это?

– Да так, чтобы никто не мешался.

Романов решил сперва ехать в Стрельнинскую аптеку. Там оказалось много народу: „всех не удержишь“. Оттуда – в аптеку поселка Володарского. Там были в это время только заведующий Томашевский и ученица Шаверина.

Ввалились с револьвером. Бобров и Румянцев связали испуганных аптечных работников, утащили их в заднюю комнату, а Романов принялся хозяйничать на полках.

Морфия не оказалось, был только героин – средство, в которое входит морфий в довольно сильной дозе. Романов тут же, за прилавком, достал свои принадлежности, развел героин в воде, набрал в шприц и впрыснул под кожу.

В аптеку входили покупатели. Романов, как ни в чем не бывало, отпускал им разные снадобья, изображая фармацевта. Явилась и жена аптечного зава Томашевского. Романов отрекомендовался ей:

– Я здесь новый работник, меня только сегодня прислали...

Это показалось ей подозрительным, и она решила поднять крик. Романов захватил банку с остатками героина и побежал. Побежали и двое других.

Эксперт нашел, что Романов действовал в состоянии „морфийного голодания“, когда наркоман делается социально опасным.

Но зачем потащились с ним в это предприятие Бобров и Румянцев? Оба они с уголовным хвостом, с сроками и отсидками в прошлом. Однако нет данных, позволяющих говорить, что на этот раз у них была материальная заинтересованность. Они пошли на налет:

– Единственно из сочувствия.

Романов до суда просидел почти 4 месяца без своего снадобья и чувствует себя вполне благополучно.

Суд признал, что Романов действовал хотя при ослабленной вменяемости, но отдавал себе отчет в своих поступках. И приговорил его к заключению на 2 года; в исправдоме он будет подвергнут принудительному лечению.

В действиях Боброва и Румянцева нет элемента корысти. На этом основании первый приговорен к 1 году 6 месяцам, а второй – к 1 году»^[374].

В рассказе обращает на себя внимание не только бескорыстие подельников несчастного Романова, но и пояснения автора о природе и способах потребления наркотических веществ. Автор специально пояснял читателю, что морфий разводят в воде и вкалывают, а героин тоже можно использовать в качестве наркотика. Видимо, для ленинградского обывателя конца 1920-х гг. морфинизм— скорее опасный атрибут криминальной субкультуры, нежели привычная и доступная девиация.

Среди мест, где потреблялся морфий, были различные кафе и тому подобные заведения, места концентрации проституток и других криминальных элементов. Но там он чаще всего комбинировался с алкоголем и различными другими наркотиками, главным из которых являлся кокаин.

«Когда нюхаешь, женщина не нужна»

В 1910-е гг. в Россию попадает кокаин, в дореволюционный период получивший распространение среди состоятельных людей и богемы. После 1917 г. он стал более демократичным – доступ к белому порошку получили матросы, уличные проститутки и даже беспризорники. Свою роль в этом сыграло закрытие частных аптек, из-за чего на рынок было выброшено большое количество наркотических веществ, а также возможность его контрабанды из Германии. Исследователь В.И. Мусаев приводит записку одного петроградского медицинского работника, поданную в феврале 1918 г. в Комиссариат внутренних дел. В ней он констатировал, что кокаин получил необычайное распространение: «Появились целые шайки спекулянтов, распространяющих его, и сейчас редкая проститутка не отравляет себя кокаином. Кокаинизм, по-видимому, распространился в последнее время и среди других слоев городского пролетариата»^[375]. Из кафе и меблированных комнат кокаин проник на улицы, чайные и ночлежки.

В непростых условиях Гражданской войны конфискованный кокаин могли употреблять работники комендатур, солдаты и матросы. Он являлся мощным тонизирующим средством. Показательна реакция героя Гражданской войны, хозяйственного директора махорочного треста из повести «Гадюка» А.Н. Толстого на статью в стенгазете: «На карикатуре его изобразили со стаканом чая между двумя трещащими телефонами. Острота заключалась в том, что он в служебные часы любит попивать чай в ущерб деятельности...

– Больно укусить побоялись, а тявкнули – по-лакейски... Ну что же, что чай... В девятнадцатом году я спирт пил с кокаином, чтобы не спать...»^[376].

У И. Бунина в дневниках под общим названием «Окаянные дни» встречаем следующее: «Говорят, матросы, присланные к нам из Петербурга (в Одессу. – *Авт.*), совсем осатанели от пьянства, от кокаина, от своеволия»^[377]. Для писателя все это – и пьянство, и кокаин, и немотивированная жестокость – стали составляющими образа безумной революции.

Историк П.А. Васильев, ссылаясь на работы Р.Я. Голант, приходит к заключению, что, после того как хаотическая романтика революции постепенно уступила место более тихому и размеренному функционированию налаженного государственного механизма, далеко не все были готовы перейти на чай. У кого-то могло возникнуть «желание уйти от действительности, сделать жизнь ярче, интересней». Таким образом, наркотические средства в какой-то степени возвращали азарт, заменили революцию^[378].

Популярность кокаина была связана и с легкостью его употребления. Если, например, курение опиума являлось не только длительным процессом, но и требовало специального курительного набора, морфия – хотя бы умения делать укол, то для кокаина не нужно было даже этого.

Доктор Р.Я. Голант, ведя статистику больных, установила, что «кокаинисты – это, в большинстве, „безработные“, лица без определенных занятий, судившиеся и т. д. Бывали случаи, когда в клинику приходили кокаинисты, продавшие последнюю рубашку. Дальше идти было некуда, покупать кокаин не на что, – отправлялись в больницу. Лечить их очень трудно, так как нет гарантии на полное излечение»^[379].

По ряду причин кокаин был особенно востребован среди беспризорников и проституток. Первые ценили его за свойство создавать иллюзию сытости, что незаменимо в условиях голода. У его потребителя на время вырабатывалась «нечувствительность к холоду, голоду и другим житейским невзгодам»^[380]. Большинство беспризорников воровали, за что их часто ловили и били. Кокаин помогал не чувствовать боль от ударов.

Детей-кокаинистов можно было наблюдать в ночлежных домах. Вот один из них: «Мальчик лет 13–14, легко возбудимый, легко свирепеет, бросает в собеседника чем попало, часто дерется доской, которая служит изголовьем кровати в ночлежке. Очень болезнен с виду, кокаинист, отчаянный картежник»^[381]. Другая история – про домашнего мальчика, который умудрился сбежать из дома и сошелся с беспризорниками, которые угощали его кокаином: «Через неделю едва не потерявшей от горя рассудок мамаше позвонили из отделения милиции и предложили забрать заблудившееся чадо. Каково же было ее удивление, когда она вместо любимого бутуза в вязаных чулочках

увидела странное существо в лохмотьях, с лихорадочным блеском в глазах и нездоровым румянцем на впалых щеках. Ее Мишутка похудел за неделю настолько, что родная мать с трудом узнала потеряшку. Оказалось, „ребята из подвала“ угощали его белым порошком, от которого „не хотелось ни есть, ни спать, а хотелось только веселиться“. Кокаина в нэпманской России хватало всем, и частенько торговали им несовершеннолетние обитатели трущоб»^[382].

В 1926 г. в Москве Кабинетом по изучению личности и преступности Мосздравотдела выпущен сборник «Преступление и преступность». В нем есть отдельная глава, посвященная кокаинизму. Его автор, врач А.М. Рапопорт, исследовал 40 случаев кокаинизма. Мотивы «симуляторов» (как называли привычных кокаинистов), побудившие их нюхать белый порошок, были весьма разнообразны: идеологическая пустота, стремление «все испытать», «взвинтиться» для решительной минуты и просто легкомысленное «люди нюхают, дай попробую», «для компании», «воровать веселее», «когда нюхаешь, женщина не нужна» и т. д. Автор приходит к заключению, что «инфекционная сила кокаина лежит в его эйфорическом действии, в возможности посредством кокаина устранить дисгармонию между ритмом психической и внешней деятельности человека»^[383].

В Петрограде-Ленинграде в первой половине 1920-х гг. детей-наркоманов наблюдали слушатели Педагогического института социального воспитания и изучения нормального и дефективного ребенка В.М. Бехтерева. Показательно, что эта практическая работа началась по инициативе самих студентов. В 1922–1923 гг. работала добровольческая детская инспекция – дружина по борьбе с детской беспризорностью, которая объединила усилия 66 слушателей института. Кроме детской наркомании она стремилась бороться с незаконной эксплуатацией детского труда, детской проституцией, владельцами кинематографов, демонстрирующими детям не подобающие возрасту кинофильмы. Е.А. Долгова и Д.А. Хивинова, исследовавшие деятельность инспекции, приводят сохранившиеся в архивах страшные картины ночлежных и притонных мест: «Лиговка. Около Ник<олаевской> ж<елезной> д<ороги> – притонная чайная „Наша деревня“, отправлена в приемный пункт девочка 17 лет, взята из рук пьяного гр<ажданина> из Шлиссельбурга, отравлена кокаином, простужена, упорно скрывает свой возраст и адрес <...> Зброшеный

пустой, полуразваленный дом, масса тряпья, постель, живет три человека – 12–14 и 15 лет – от вас не „ухрюю“, а оттуда – надо понимать, из „приемника“ – был неоднократно, все равно „ухрюю“, и действительно, на четвертый день спустились с третьего этажа по трубе, приемный пункт на Конюшенной, 1». В результате действий инспекции спасли около 250–260 детей^[384].

Конечно, милиция старалась выявлять и прикрывать незаконную торговлю кокаином. Например, милицейская сводка сообщает, «что 25 ноября 1925 г. на территории 16-го отделения милиции, в комнате № 263 по Гатчинской ул., д. № 1/56, было обнаружено 33 порошка кокаина. Двое жильцов были задержаны»^[385]. Однако, судя по всему, по-настоящему качественных результатов это не приносило. В конце концов, это было далеко не самое страшное и преследуемое преступление как в глазах милиции, так и нарушителей. Достаточно иронично эта мысль ретранслируется в романе А. Мариенгофа «Циники»: «Заглядываю мимоходом в освещенное окно старенького барского особняка. Почему же окно не занавешено? Ах да, хозяин квартиры Эрнест Эрнестович фон Дихт сшил себе брюки из фисташковой гардины. Эрнест Эрнестович фон Дихт был ротмистр гусарского Сумского полка. У сумчан неблагонадежные штаны. Фон Дихт предпочел, чтобы ВЧК его арестовала за торговлю кокаином». Торговля наркотиком была куда более безопасным занятием для «бывшего», чем возможные обвинения в контрреволюционной деятельности.

П.А. Васильев отмечает, что в 1925–1929 гг. наблюдалось усиление героинизма и распространение анаши («собачки»). Так, весной 1929 г. в Ленинградском трудпрофилактории 6,4 % содержащихся в нем проституток нюхали кокаин или курили гашиш (анашу), причем происходило постепенное замещение первого наркотика вторым. По его мнению, это было вызвано скорее репрессивными, нежели медико-профилактическими мерами^[386].

* * *

Если в первом Уголовном кодексе РСФСР не было никакой статьи, касающейся изготовления, сбыта или употребления наркотиков, то в УК 1926 г. появляется ст. 104, предусматривавшая ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения. Примечательно, что криминализация этого вида девиантного поведения была проведена тогда, когда масштабы наркотизации пошли на спад из-за свободной продажи водки. Тем самым наркотики попали в узкую социальную нишу криминального элемента, а общественность потеряла к ним интерес.

«Муть дна»: хулиганство на улицах города 1920-х гг

На состоявшемся в Ленинграде 25 октября 1926 г. диспуте о хулиганстве помощник губернского прокурора М.Л. Першин поделился со слушателями своим опытом выступления по проблеме хулиганства: «Я там не нашел невозможным рассказать про почтенного английского джентльмена, с именем которого связывается это слово, но какой-то местный доморощенный лингвист попытался объяснить, что слово „хулиган“ происходит от двух русских слов „хулить“ и „гадить“. Я не лингвист и не знаю, насколько он прав, но понял, что постановка его правильна, – так выясняют его не „глубокомыслящие“ философы, так выясняет его масса»^[387].

Такое объяснение, данное «доморощенным лингвистом», во многом показательно – слово, по одной из ведущих версий пришедшее из-за границы, в России приобрело новые смыслы и коннотации. Более того, отношение советской власти и общества к хулиганам не было столь однозначным, как на буржуазном Западе.

«Инстинктивный революционный элемент»

Большевики видели в хулиганстве мелкобуржуазный пережиток^[388]. Первый нарком здравоохранения Н.А. Семашко считал его «оборотной стороной рабства», проявлением «элементарных инстинктов», которые царизм сдерживал «тройными цепями»^[389]. Заведующий юридическим отделом Верховного суда СССР, «совесть партии» А.А. Сольц подчеркивал, что нынешний хулиган – это «представитель крестьянской и рабочей молодежи, который свой переход из класса угнетенного в правящий понял лишь как наделение известными правами без обязанностей»^[390]. Председатель антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославский утверждал, что до революции хулиганство было следствием политического угнетения, а в постреволюционных условиях – недостаточной сознательности молодых рабочих, выходцев из деревни^[391]. О хулиганстве как следствии национального проявления бескультурья и необразованности, культивировавшихся в царские времена, говорил профессор О.В. Оршанский: подвиги Гражданской войны истощили, «наступил новый психологический этап: нервное и физическое утомление, нехватка сил – и сквозь это утомление стало прорываться старое. Это старое открыло на время дорогу забытому недугу – хулиганству»; «гнет веков, от которого осталась лишь память о труде и неволя, – вот психологические корни озорства, уличного хулиганства»^[392].

Желая развеять убеждение, что хулиганство было характерно только для низших слоев, авторы работ, включавших исторический очерк по истории появления хулиганства, подчеркивали, что оно было распространено и среди привилегированных слоев – офицерства, помещиков, купечества, в доказательство чего приводили примеры как из газет, так и из произведений русской классической литературы (Ноздрев из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя или бурсаки в «Очерках бурсы» Н.Г. Помяловского)^[393].

Подробному анализу хулиганство и его причины были подвергнуты наркомом просвещения А.В. Луначарским в докладе на тему «Упадочные настроения среди молодежи». В частности, он показал,

что далеко не единичными были случаи, когда вчерашние уличные преступники становились преданными и сознательными борцами за революцию, ведь на путь преступления вставали из-за угнетения со стороны царизма: «Хулиган в бывшей царской России и в нынешней Европе есть озлобленный человек, не понимающий ясно, где причины одури и скуки, которые его сковывают, где причины того чрезвычайного недовольства своим положением, которое в нем возникает. Он хочет отомстить за свои обиды, излить свою злобу, с другой стороны – стремится разнообразить эту свою серую жизнь, разукрасить ее, расцветить каким-то проявлением протеста, ухарством, как-то доказать, что он есть сила, что его должны уважать, что он тоже заставит кого-то шапку перед собой ломать» [\[394\]](#).

Хулиган – неорганизованный бунтарь, «инстинктивный» революционный элемент, и задача новой власти – направить его злость и энергию в нужное русло: «Мы прекрасно понимаем, что неорганизованные бунтари, люди, осознавшие всю звереобразность самодержавия или протестующие индивидуально-анархическим способом – против буржуазного строя, представляют из себя материал для грядущей организованной революции» [\[395\]](#). Под смех присутствующих А.В. Луначарский также откровенно произнес: «Хулиган в некоторых случаях радует наше сердце – но только когда он проявляет себя в чужой, буржуазной стране» [\[396\]](#).

Это вовсе не означает, что хулиганы представлялись большевикам друзьями и соратниками, но объясняет, почему они готовы были бороться с ними не только и даже не столько репрессивными методами, сколько воспитательными и пропагандистскими.

Одной из «хулиганских» разновидностей в годы революции и Гражданской войны стали матросы-«клёшники» (так называли своеобразную полууголовную субкультуру, сложившуюся на флоте). Их отличали по штанам с невероятно широким клешем, а еще по демонстративному пренебрежению общественной моралью: «Построятся в боевую колонну. Проходят мимо девицы, общим хором какие-нибудь мерзости отмачивают» [\[397\]](#). Позже, в годы нэпа обычная городская шпана переймет у клёшников их главный атрибут: «Носила эта братия широченные брюки клеш, да еще почище, чем у матросов. С наружной стороны штанины, снизу делался надрез, в который вшивался клин из черного бархата» [\[398\]](#).

Разница с дореволюционным периодом состояла еще и в том, что термин «хулиганство» стал более размытым^[399]. С одной стороны, хулиганами могли называть убийц и насильников, а с другой – «скрытым хулиганством» объявлялось, например, нежелание рабочих предъявлять сторожу пропуск на заводской проходной, ведь это «бессмысленное, никому ненужное упорство играет на руку чужакам, всегда готовым пролезть для разных скрытых целей на территорию завода»^[400].

Ярлык «хулигана» мог навешиваться даже на студентов, не сдавших в срок книги в библиотеку, женщин, пользовавшихся косметикой, или молодых рабочих, бросавшихся в бане шайками и брызгавшихся холодной водой^[401]. В «половом хулиганстве» могли обвинить девушку, очаровавшую комсомольца и тем самым отвлекшую его от партийной работы^[402].

Отличительными признаками хулиганского поведения считались бесцельность преступления и «озорные» действия, сопряженные с явным неуважением к обществу. Хулиганство, по сути, являлось девиантной досуговой практикой, временем проведения свободного времени. И именно 1920-е гг. считаются эпохой его расцвета.

Певцы и «физкультурники»

В 1926 г. криминологический кабинет Ленинградского губернского суда провел обследование 360 человек, которые попадали в дежурную камеру Губсуда и были привлечены к ответственности по ст. 176 нового Уголовного кодекса РСФСР (хулиганство). Общее руководство осуществлял директор Ленинградского диагностического института профессор Л.Г. Оршанский. По социальной принадлежности большинство было рабочими (75 %), затем с большим отрывом шли крестьяне (11,2 %) и служащие (6,9 %). По социальному происхождению рабочих – 42,7 %, крестьян – 42,8 %, служащих – 4,2 %. То есть значительную часть хулиганов составляли выходцы из крестьянских семей, что говорит в пользу тезиса о том, что хулиганство являлось следствием трудностей адаптации к жизни в большом городе и переносе в него крестьянских девиантных досуговых практик. Почти 70 % арестованных ранее не были судимы; 37,3 % привлекались за избиение прохожих, 27,7 % – за дебош в пьяном виде, 17 % – за оскорбление прохожих, 12,7 % – за сопротивление милиции, 1,9 % – за циничные действия, 3,4 % – прочее; 74,4 % преступлений совершалось на улице, 11,1 % – в пивной, 9,6 % – в квартире, 1,9 % – в саду и 3 % – на месте службы. Подавляющее большинство преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения – 88 %^[403], 80 % преступлений совершалось в одиночку: «Таким образом, хулиганских выступлений “скопом”, шайкой мы среди обследуемых имели всего 20 %. Это действие в одиночку является очень характерным. Некто идет в трактир или пивную и напивается. В опьяненном и возбужденном состоянии он идет домой и по дороге совершает тот или иной хулиганский выпад. Это обычные пьяные скандалисты. Они не знают никаких кличек, у них нет районной „известности“, у них нет заранее обдуманного и подготовленного плана „действий“. Напротив, они на следующий день, после протрезвления и осознания совершенного, „ничего не понимают“ и „не знают, как это случилось“. И перед исследователями оказывались мирные люди, со стыдом вспоминающие о своих „похождениях“»^[404]. Исследователи связывали склонность к

преступлению с некультурностью, являвшейся следствием необразованности – более чем у 76 % арестованных лишь низшее образование, т. е. они были малограмотными, отсюда и политическая несознательность – 70 % заявили, что не интересуются политикой, 50,5 % призналось, что не читают газет [\[405\]](#).

Власть больше настораживал сравнительно высокий процент комсомольцев и партийцев среди них. Заместитель наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко в докладе на диспуте о хулиганстве 1926 г. заявил: «Теперь возьмем данные специального обследования, произведенного в Ленинграде. Они прежде всего говорят о том, что среди этой молодежи значительное число лиц, от которых мы имеем основание требовать более сознательного отношения к себе и своему поведению. Далее, значительный процент, почти до 7–8 %, а иногда и выше, члены ВКП и комсомола. Это заставляет нас серьезно поставить вопрос о причинах, вызывающих такое явление, но говорить об этой молодежи как о закоренелых преступниках нельзя. Во всяком случае, к этому вопросу следует подойти с осторожностью» [\[406\]](#).

Примечательно, что хулиганство было почти исключительно мужской формой девиантного досуга. Исследователи, изучавшие женское хулиганство 1920-х гг., пришли к выводу: «Женского хулиганства почти не существует, мы имеем дело чаще всего или с психической болезнью, или действиями, являющимися защитной истерической реакцией. Основная масса осужденных за хулиганство женщин – проститутки, воровки, и осуждены они за поступки, которые являются постоянными и неизбежными спутниками их... жизни, пропитанной водкой, кокаином, руганью, скандалами и драками» [\[407\]](#).

Активно проблема хулиганства обсуждалась в региональной и заводской прессе. Автор статьи в «Красной газете» разделял хулиганов на своеобразные категории: «90 % всех случаев хулиганства произошли в пьяном виде. Все нарушения порядка имеют довольно однообразную форму: напился, поскандалил, затеял драку, побил стекла и, как заключительный аккорд, попал в милицию и оштрафован. Впрочем, есть среди этого однообразия и оригиналы, нарушающие обычный порядок довольно своеобразно. Самые безобидные из них – это любители пения – певцы. Напившись до чертиков, они задают в трамваях „концерты“, за что и извлекаются из вагонов на предмет составления протокола. Следующую категорию оригиналов можно

назвать „физкультурниками“. Эти экземпляры в пьяном виде занимаются бросанием в „цель“ пустых бутылок. „Целью“ в данном случае служит проходящая по улице публика. Третья категория – это ненавистники животных. 19-летний Сухарев утопил с „неизвестными целями“ двух кошек в прачечной. Петров Александр, тоже непонятно зачем, облил кошку бензином, зажег ее и любовался живым факелом, как древний Нерон на горящий Рим. Наконец, верх изобретательности проявил один юноша, который в Народном доме, при всем честном народе, выражаясь печатно, „наделал“, за что и был ввергнут в район и оштрафован» [\[408\]](#).

Плакат «Из школ и клубов ураганом открой огонь по хулиганам», Буланов Д., 1929 г.

Согласно автору, среди хулиганов рабочих и комсомольцев было 40 %. При этом, констатируя, что это «зло нового, еще не укрепившегося быта», автор призывал бороться с ним путем, «главным образом, воспитательной работы и мерами

административного порядка», а не уголовного^[409]. Другой автор разделял хулиганов на три основных категории. Самая злобная – «хулиганы, как таковые», «гроза рабочих окраин», вторая – «шпана», «не столь злостна», и третья – ребята, для которых «хулиганская выходка – подвиг, драка – героизм». К разным группам нужно принимать разные меры. С первыми способна справиться только милиция, остальных можно перевоспитать в клубах и организацией просветительской работы^[410].

В большинстве своем хулиганила молодежь от 15 до 25 лет. Ученый-юрист П.И. Люблинский приводил данные, что по Ленинграду за 1926 г. и часть 1925 г. зарегистрировали 165 дел о хулиганстве подростков возраста 15–16 лет^[411].

Психиатр Я.П. Бугайский причины этого видел в тех жестоких исторических условиях, в которых современным хулиганам приходилось расти: «Хулиганство процветает уже полтора-два года, после Октября прошло 9 лет; если взять средний возраст хулигана 22–23 года и вычесть эти 7–8 лет, то мы видим, что период самой ожесточенной гражданской войны падает на годы полового созревания этой возрастной группы молодежи. Молодежь, в это время особенно чуткая ко всяким внешним влияниям, росла в период расстройств культурных скреп, и это не могло заложить здоровых социальных основ, мешало выработке крепких этических сдержек. В итоге здесь мы у части молодежи наблюдаем отсутствие ряда социально-необходимых качеств: нет понимания важности охраны интересов коллектива, – здесь личность в своем социальном развитии как бы остановилась на низкой ступени и в этом смысле „она продукт своей среды“»^[412].

Пугая обывателей, хулиганство с его криминальной романтикой одновременно притягивало молодежь. Уличным ухарям пытались подражать и в поведении, и в речи, и в одежде. Брюки-клеш и сдвинутая на бок кепка были желанными аксессуарами не только для беспризорников, но и для детей из вполне приличных семей. Это нашло отражение и в искусстве. Еще в 1918 г. В. Маяковский сыграл главную роль в фильме «Барышня и хулиган». В 1924–1925 гг. известный театральный деятель Н.М. Фореггер создал цикл сатирических танцев «Америка с Лиговки». В нем «образы лиговской шпаны», по-своему исполняющие «упадочные танцы буржуазной

Европы», старались довести до широкого социального обличения^[413], но на практике подобные попытки могли приводить к совершенно иным результатам и только еще больше романтизировать шпану.

«Накинув плащ и с финкой под полою...»

В 1924 г. в «Листке рабкора» «Ленинградской правды» было опубликовано стихотворение «Хулиган» с интересным подзаголовком – «Пережиток старины»:

*Хулиган – это общества брак и позор,
Это язва, чума, как насмешка завода,
Скандалист, дебошир, хорошо, что не вор,
Порожденье сивухи, – отравы народа.
Это – мелкий босяк, редко-редко не пьян,
Без вины виноват хулиган^[414].*

Автор поступил слишком опрометчиво, поторопившись отправить хулиганство на свалку истории. Уличное хулиганство в городах Советского Союза в 1920-е гг. принимало массовые масштабы. Ленинград не был исключением. Улицы и целые районы по вечерам становились местом полного господства хулиганов, с которым не могли справиться ни милиция, ни организованные сознательные граждане. Вся страна слышала про «лиговскую шпану», жестокие подростковые хулиганские группы. Всем известное слово «гопник» тоже связано с Лиговским проспектом. До революции в здании, где сейчас находится гостиница «Октябрьская» (Лиговский пр., 10), находилось Городское общество призрения (ГОП) с приютом для неблагополучных беспризорников. После 1927 г. его переименовали в Городское общежитие пролетариата (тоже ГОП), но его контингент не торопился вставать на путь исправления. Там появилось настоящее гнездо хулиганства. Вот что о нем, в частности, сообщала пресса: «Проживающие в доме хулиганы Ж. Кузьмичев, В. Кузьмичев, Л. Соловьев (у всех имеются судимости) с группой таких же сорванцов ежедневно по вечерам располагаются у парадной лестницы и начинают изощряться в хулиганских выходках по отношению к жильцам дома и прохожим. Избиение жильцов и прохожих вошло в обычай хулиганов. Члены жакта, опасаясь расправы, не заявляют в

милицию о бесчинствах хулиганов. Нередки в этом районе ограбления подвыпивших прохожих»^[415].

Уже в 1920-е гг. термин «гопник» активно использовался ленинградцами по отношению к полукриминальным маргинальным личностям. Например, так называли жителей исправительно-трудовых домов, где содержались заключенные, для которых не предусматривался режим строгой изоляции. Это было результатом внедрения прогрессивной системы отбывания наказания, и при хорошем поведении они могли переводиться на полусвободный режим^[416].

Ленинградские газеты, милицейские сводки, городской фольклор были наполнены информацией о хулиганах и их выходках. Главное периодическое издание города, «Ленинградская правда», могло печатать такие крупные заголовки: «„Развеселая“ шпана снова хозяйничает на улицах. Опять сезонная „весенняя“ вспышка хулиганства. Драки и безобразия опять стали ежевечерним обычаем в наших районах»^[417]. А вот отрывок из опубликованной в ней же статьи «С финкой под полою»:

*«Накинув плащ и с финкой под полою,
Я к пустырям ночной порой спешу.
И разбужу я дракой удалю
Спокойный сон мильтона ^[418] на посту.*

<...> Эта песня каждый вечер оглашает Заротную улицу (13-я Красноармейская ул. – Авт.) М.-Н. (Московско-Нарвского. – Авт.) района. „Семенцы“ (местная шпана) гуляют. И ни один рабочий „Кр. Треугольника“, „Гознака“ и „Сов. Звезды“ не может спокойно пройти по тротуару. Карета скорой помощи часто увозит оттуда рабочих с раздробленными черепами.

„Вожди“ Заротной улицы „Ося Освальд“ и „Файдя Косой“ травят скипидаром собак и кошек, из бертолетовой соли готовят взрывающиеся патроны, обжигаящие глаза прохожим.

Недавно двое смельчаков извлекли из рук пьяных „семенцев“ девушку, потерявшую сознание. Хулиган из дома № 13 Витька Чума

несколько дней тому назад кидался на прохожих с топором»^[419].

Из рабочей окраины переместимся к центру. Тут тоже все было неспокойно. Район Петроградки горожане даже называли «хулиганской заставой»:

«От Сытного рынка не пройти по Матвеевской улице (ныне – ул. Ленина. – *Авт.*) к пр. К. Либкнехта (ныне – Большой пр. П. С. – *Авт.*).

Около многочисленных пивных и водочных магазинов толпится на панели хулиганствующий элемент. Пьяные хулиганы устраивают дебоши, задевают прохожих.

В прошлом году Адм. отдел выставлял у рынка конномилицейские разъезды. Хулиганы немного присмирели.

Теперь конные милиционеры почему-то больше не ездят, и улица находится во власти бесчинствующих безобразников»^[420].

А вот центр Васильевского острова: «Наиболее оживленный пункт Васильевского острова – 6 и 7-я линии от просп. Пролетарской Победы до Среднего – целый день забит группами хулиганов, открыто распивающих тут же на панели водку. Слышится площадная брань, заводятся скандалы и драки, задеваются прохожие. Все это происходит напротив 15 отделения милиции. Милиция, видимо, считает такое безобразие естественным явлением»^[421].

Случались в городе и традиционные массовые бои стенка на стенку. Например, в начале 1923 г. помощник начальника 12-го отделения Петроградской губернской милиции сообщал такую информацию о развлечениях жителей современного Кировского района:

«28 января 1923 года в 5 часов вечера жители местечка Воланка (так в тексте. – *Авт.*) и Ново-Проложенной ул. организовали бой стенка на стенку, к которому присоединились жители Нарвских ворот и Богомоловской ул. „В бою принимали участие не менее 800 чел. Стоящий на посту милиционер вышеуказанного отделения т. Ланберг пытался разогнать этот кулачный бой, но его попытки к разгону последнего не увенчались успехом, и он был вынужден сообщить по телефону Дежурному Участковому Надзирателю т. Голубеву, который взял с собой наряд милиционеров в числе 3-х чел. и поспешил направиться к месту происходящего кулачного боя, дабы ликвидировать последний. На неоднократные просьбы Квартального Надзирателя о прекращении кулачного боя гр-не не хотели подчиниться, и, видя разъяренную толпу людей, стремящихся

продолжать последний, квартальный надзиратель т. Голубев был вынужден произвести 2 выстрела вверх, и лишь только после этого участники кулачного боя начали расходиться.

Описав вышеизложенное, прошу Вашего соответствующего распоряжения в дальнейшем высылать конный отряд Милиции, чтобы последние не повторялись“»^[422].

А вот еще один район с дурной славой – улица Шкапина, расположенная рядом с Балтийским вокзалом: «На ул. Шкапина группа хулиганов в течение 4 месяцев не давала проходу по панелям. Для изощрения в безобразиях и издевательствах над прохожими хулиганы избрали панель у д. 24.

Хулиганы затевали драки, сбивая с ног прохожих, женщинам подставляли ножки, молодых работниц сопровождали отборной руганью.

Безобразники избили рабочего Л. Сафронова за то, что он не пускал их в „красный уголок“ жакта д. 24.

Угрозыск ликвидировал шайку. Задержано 8 хулиганов во главе с руководителем банды Станиславом Либером, 17 лет. Глава шайки имеет судимости за грабеж, кражу и хулиганство. Остальные также с судимостью»^[423].

«В 1924–1925 гг. в районе Смольного в течение нескольких месяцев бесчинствовала целая шайка хулиганов в 23 человека с атаманом „Берлином“ и есаулом „Хлапом“ во главе. Организованная банда, которая долго терроризировала целый район, систематически срывая в течение нескольких месяцев культурно-просветительную работу клубов. Рабочие перестали ходить в них из-за боязни быть избитыми. В районе беспрерывно шли драки, поножовщина, избиение прохожих. В большинстве своем это была молодежь от 18 до 20 лет и в большинстве с тюремным стажем. Для их усмирения понадобилась помощь ближайшей красноармейской кавалерийской части: одной милиции было не справиться»^[424].

Профессор психиатрии Л.Г. Оршанский видел причину развития хулиганства в той неблагоприятной атмосфере, которой пропитано пространство города: «Побывайте утром на рынке, потом в каком-нибудь общежитии, позже в каком-нибудь месте летнего купанья, к вечеру пройдите мимо, – только мимо, – пивной и постоит в заключение у входа в народный дом или на панели у кино. Здесь

можно увидеть „лабораторию“ хулиганства. Здесь можно увидеть, где и как начинается хулиганство, мелкое, случайное, больше бесстыдное и глупое, чем опасное, – и как оно затем ползет, заражая детей и подростков, неустойчивых и слишком рано предоставленных себе» [\[425\]](#). Путь к хулиганству оказывался естественным для обитателей улиц. Появлялись сборища хулиганствующих подростков («шпантресты») [\[426\]](#), которые со временем превращались в настоящие банды.

Хулиганством в милицейских сводках характеризовалось поведение пьяных допризывников, которые на пр. Володарского (Литейном) «хватали у торговки папиросы и яблоки», а при попытке их задержать один из них побил дворника [\[427\]](#). Традиционным развлечением было битье уличных фонарей [\[428\]](#). Хулиганы кололи прохожих булавками в кинотеатрах [\[429\]](#). Среди хулиганов были и откровенные сумасшедшие. Например, один мужчина выкидывал мусор на церковный двор [\[430\]](#).

Рабочие активно нарушали общественный порядок после получки. Например, 1 февраля 1928 г. в пивнушку «зашли Максимов Гриша и Краснов Сеня. По-приятельски выпили, а потом разодрались. Хотел Гриша Сене в глаз заехать, но по ошибке в рот попал, палец там остался, на минутку задержался, и пошел парень по больничному гулять...» [\[431\]](#).

Местом кровавых побоищ между хулиганскими бандами могло стать даже кладбище, и не темной ночью, а посреди белого дня. В Духов день, отмечающийся в 51-й день после Пасхи, на Охтинском Георгиевском кладбище схлестнулись две группы пьяных хулиганов: «Хулиганы, задев гуляющих, начали сводить счеты при помощи палок, бутылок и ножей. Рабочий Соколов, пытавшийся унять дерущихся, получил смертельное ранение в бок. Соколов умер. Вызванный усиленный наряд милиции встретил сопротивление банды». Опубликовавшая эту новость газета завода «Красная заря» при этом с сожалением отмечала, что «в число перепившейся сволочи попал рабочий 10-й слесарной мастерской Митрофан Ласшков, раб. № 1431, также дравшийся и сопротивлявшийся милиции» [\[432\]](#).

Распространенным хулиганство было и среди воспитанников детских домов, например, 24 сентября 1927 г. в 67-м детском доме,

«где помещаются переростки, воспитанники, вооружившись камнями и палками, стали избивать дежурных воспитателей и бить стекла»^[433].

Центрами хулиганства становились и места, которые предназначались для культурного досуга. Так, городские сады и парки при определенных обстоятельствах превращались в места, наполненные криминалом, опасные для обывателя.

В милицейскую сводку происшествий по городу за 7–8 июня 1925 г. попала информация о двух попытках изнасилования, происшедших в Екатерингофском саду около часа ночи. Двум женщинам удалось убежать, но одна стала жертвой группового изнасилования, причем одному из задержанных преступников было всего 14 лет. В ту же ночь в Василеостровском саду произошел инцидент со стрельбой: «Во время гулянья кем-то из гуляющих был произведен выстрел. Прибывшим постовым милиционером был задержан один неизвестный гр<ажда>нин. При попытке милиционера отправить задержанного в Отделение со стороны собравшейся толпы было оказано сопротивление, но прибывшим на место учнадзирателем, а также членами комиссии по борьбе с хулиганством, после произведенных в воздух нескольких выстрелов, порядок был восстановлен»^[434].

Не только ночью, но и днем гуляющие в саду могли стать жертвой хулиганов: «Вся культработа клубов двух ленинградских гигантов „Путиловца“ и „Треугольника“ перенесена на воздух в сад 1 Мая. Несмотря на сравнительно порядочный срок открытия (15 мая), работа идет далеко не шибко.

Ходит в сад в будние дни исключительно молодежь.

А работает около 30 тысяч рабочих, не говоря о других фабриках и заводах.

Главная из причин – это хулиганство.

Примеров – сколько угодно. На днях почти всех отдыхавших в саду оплевали. После этого рабочий вряд ли пойдет второй раз в сад. Кроме того, пьяные хулиганы (хотя есть особое постановление пьяных в сад не пускать) пристают к рабочим.

Драки – частое явление. Надо принять меры к искоренению хулиганства»^[435].

В 1920-е гг. у властей не доходили руки до садов и парков. Некогда блестящий Екатерингофский парк (на Нарвской стороне, в 1930-е гг.

после реконструкции получил название «Парк имени 1 Мая», впоследствии – Парк культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ), в XIX в. не уступавший по популярности Летнему саду, после Гражданской войны представлял собой жалкое зрелище.

Хотя советская власть и пыталась создать на базе зеленых участков новый, чистый, свободный от старых мещанских традиций вид досуга (напомним, что, помимо места для прогулок, сады и парки были территорией, на которой проводились торжественные шествия, мероприятия, заседания, митинги, наконец, именно в садах и парках города жители могли летом посидеть в ресторанах, сходить в летний театр или кинотеатр, поиграть в различные игры и даже прокатиться на аттракционах), пролетариат продолжал воспринимать сады и парки как место своеобразного бегства от рутины работы и надзора начальства и семьи и поэтому зачастую использовал сень деревьев для проявления девиантного поведения. Отсюда и огромное количество заметок, публикаций о хулиганстве, пьянстве, разбое на территории садов и парков^[436].

Даже официальные фабричные места культурного досуга, вопреки замыслам советских руководителей, в 1920-е – начале 1930-х гг. зачастую становились площадками для проявления девиантного поведения. В рабочих клубах процветало хулиганство, кооперативные столовые превращались в пивные, в «красных» уголках играли в карты и т. п.

Газета «Ленинградская правда» писала 6 января 1926 г. о кинотеатре «Красного путиловца»: «Не пройдет ни одного концерта, киносеанса, ни одной лекции, чтобы местная шпана не напомнила о себе: то шапку соьют с кого-нибудь, то растащат товар с буфета, то ни за что ни про что осмеют, освищут артистов». В том же номере газеты опубликована заметка «Прочь пьянку из рабочих столовых!»: «В некоторых столовых возрождается старый угарный быт, свойственный прежним трактирам. Часть посетителей напивается, скандалит, бьет посуду и отпугивает этим от столовых не только работниц-одиночек, но и семейных рабочих». На следующий день рабкор с фабрики «Скороход» сообщал: «Взял собственную жену и пошел (в клуб. – Авт.). Не доходя до дверей, остановились – не пройти: молодежь (одного пола) столпилась и митингует. Речи ораторов – сплошь из так называемых матерных слов. <...> Около самых дверей – драка. Шесть

необыкновенно дюжих парней самосильно лупят друг друга кулаками» [\[437\]](#).

В клубе завода «Электросила» 9 июня 1928 г. состоялся торжественный выпуск 49 человек, окончивших фабзавуч. Когда торжественное заседание окончилось, последовала увеселительная часть: «В зале начались танцы. Пробовали организовать игры, но расхулиганившиеся выпускники мешали. Зато буфет торговал хорошо. Покупали лимонад для разведения заранее запасенной русской горькой. К 12 часам ночи начались драки, скандалы, шум, свистки. Часть хулиганов заперлась в клубе, часть устроила свалку на улице. Прибежала милиция. Водворила порядок. Вечер был сорван» [\[438\]](#). При этом автор заметки о случившемся обвинял в таком итоге не столько самих участников, сколько бюро коллектива ВЛКСМ – руководителя фабзавуча, которое не проследило за порядком.

Хулиган Федоров порочит имя комсомольца и недостойн носить его.

Электросила. 1928. № 16(59). 24 ноября. С. 5

Посетитель IV партконференции ленинградского завода «Красный треугольник», состоявшейся зимой 1929 г., выслушал дискуссии по «вопросу культурничества», которому заводское управление якобы уделяло пристальное внимание. После заседания решил пойти на вечер, организованный этажом выше 26-м цехпрофбюро и 26-й ячейкой ВЛКСМ. Программа вечера, в частности, обещала приз за лучшее исполнение танцев: «Мужчинам шары, а дамам... конфетти, серпантин». На деле он увидел следующее: «...внизу отмечались уже первые „итоги“: пикет переполнен – кому-то вклеили в рыло, у кого-то „кумпол“ загудел от прикосновения „нежной ручки“, кто-то считает недостающие зубы, выбитые в пылу яростного столкновения. А

наверху... потные пары отчекрывают какой-то танец, стараясь под всякими видами и соусами всунуть несколько „па“ фокстрота и чарльстона»^[439].

Подшефы Ленинградского государственного телефонного завода «Красная заря» однажды были приглашены в заводской клуб на художественную постановку «Культурное обозрение», во время которой «в клуб пришла компания и начала дебоширить – ломали мебель, избивали всех подвернувшихся под руку»^[440]. Подобные случаи могли доходить до суда. Так, по итогам процесса по делу хулиганов, тоже рабочих «Красной зари», которые устроили скандал в клубе, избили представителя администрации клуба и поломали стол и стул, двое главных подозреваемых были приговорены к 10 месяцам принудительных работ у себя на заводе, а остальные трое оправданы^[441].

В июле 1927 г. в прессе была развернута кампания по борьбе с хулиганством в медицинских учреждениях. Н.И. Ижевский, главный судебно-медицинский эксперт Ленинграда в 1920-е гг., описывал проблему следующим образом: «Большая часть дел об оскорблении медперсонала вызвана хулиганскими выступлениями бездельников, желающих путем всяческих ухищрений получить право на освобождение от работы. Такой бюллетенщик не останавливается обычно ни перед чем, чтобы добиться временного освобождения от работы. Как только он наталкивается на законное сопротивление медперсонала, не желающего потворствовать лодырям, этот бездельник начинает всячески настаивать на своем требовании и затевает скандал. В нашей практике были случаи, когда бюллетенщики умышленно причиняли себе увечья и повреждения. Нами установлен случай, когда такой бездельник впрыскивал под кожу себе и знакомым мокроту, вызывавшую болезнетворные явления.

Часть скандалистов принадлежит к другой категории, требующей к себе осторожного и вдумчивого отношения; вопрос, который нужно ставить отдельно и очень серьезно. Это – так наз. истериотравматики. Вследствие болезненного состояния организма, вызванного обычно травматическими повреждениями, они, отличаясь болезненной нервностью, быстро возбуждаются и невольно резко реагируют на всякое замечание, сделанное им медперсоналом»^[442].

Повседневность мужской кожно-венерической больницы им. С. Нахимсона (ул. Б. Подъяческая, 30) описывалась так:

«– Сделайте вливание! – требует больной у врача.

Этот больной слаб. Болезнь протекает тяжело. Вливать сальварсан – опасно. Врач объясняет больному вред, который может принести ему вливание. Это не действует... Больной настаивает на вливании. Иногда дело обходится миром. Но бывает и наоборот. На днях, во время ответственной операции, больной с шумом ворвался в операционный зал и потребовал у врача вливание. Если бы требование этого больного удовлетворить, он мог бы уйти к праотцам.

Часто повторяющиеся случаи: больные раздетыми высовываются из окон. Сестра просит их надеть халат, чтобы не простудиться. Больные поднимают скандал:

– Тюрьма здесь, что ли? Что за порядки!

Очень часто такие ответы подкрепляются сквернословием.

Иногда дело доходит до оскорбления действием. На днях в больницу явилось 13 больных – 8 из них с осложненной болезнью. В больнице в этот день было только одно свободное место. Один из легко больных стал требовать, чтобы на это место взяли именно его. Дежурный врач пытался доказать его неправоту. В ответ больной схватил огромную чернильницу и намеревался бросить ее в врача. Только усилиями больных удалось предотвратить удар.

Случаи хулиганства в больнице им. Нахимсона нередки. Оскорбление врачей, сестер, санитаров – явление повседневное.

На днях был возмутительный случай хулиганства. После обеда один из больных высунулся из окна и стал бросать в гуляющих по двору больных хлебом. Когда больные поднимали головы, чтобы узнать, кто в них бросает, – хулиган плевал им в лицо. Плевавший – сифилитик.

Хулиганов выписывают из больницы, но это не укрощает их»^[443].

Публиковались данные об особо провинившихся больных. Некто А.А. Иванов устроил дебош в больнице 25 Октября (бывшая Александровская больница, наб. Фонтанки, 132), осыпав заместителя главного врача «потокотом такой отборной ругани, что должны были уйти присутствовавшие при скандале сестры». Причина заключалась в нежелании подчиниться распоряжению дежурного врача, не разрешившего прогулок в саду в дождливую погоду.

В той же больнице пациентка Анна Кириллова ударила поленом в ванной комнате дежурную сестру за замечание о непритворенной двери. А Е.Г. Федотенок ударила сиделку за то, что ей не позволили умыться в ванне. Хулиганское поведение использовалось и для того, чтобы не стоять в очереди. Служащий Европейской гостиницы Рогульский, не попавший в очередь к зубному врачу, с криками, переполошившими всю амбулаторию: „Режьте меня, без помощи не уйду!“, валялся по полу в приемной. Ему вынуждены были оказать помощь вне очереди. По выходе от врача Рогульский похвалялся своей находчивостью»^[444].

Неспокойно могло быть и в гинекологическом отделении больницы в память 25 Октября. Там произошел вопиющий случай: в больницу поместили серьезно больную гражданку Серебряную. Ее появление в палате вызвало бурное негодование двух больных – Прасковьи Ивановой, студентки педагогического рабфака, и Лидии Бохон-Копейкиной только потому, что вновь положенная – еврейка. Иванова и Бохон стали над ней издеваться и пугать ^[445].

Самым распространенным «больничным» хулиганством было распитие больными спиртного. «Сад при больнице в память Жертв революции (Мариинская больница на Литейном пр.) являлся для пациентов прекрасным местом для культурного отдыха на свежем воздухе. В один из августовских дней при уборке сада в кустах нашли 40 бутылок из-под водки, набросанных больными, а накануне застали в саду за распитием водки больных легочного отделения – Церсина, Архипова и пришедшего навестить их гр. Баранова»^[446].

Таким образом, хулиганство не было сосредоточено в отдельных локусах городского пространства, но существовало везде, досаждая обывателям и днем и ночью.

«Переулками с буржуазной улицы проникает к нам смердящая муть»

При всем развитии хулиганства в пространстве города на Неве стоит отметить, что подчас власть сознательно сгущала краски, вылавливая поводы для начала очередной кампании по борьбе с ним. Распространение хулиганства официальная пропаганда связывала с так называемыми «новыми рабочими» – выходцами из деревни, ведь хулиганство и драки в начале XX в. были типичной формой свободного времяпрепровождения сельской молодежи^[447]. А в начале 1930-х гг. власть увидела в девиантном досуге уже и политическую угрозу. Как писал А.Г. Каган, «после досуга культурного рабочий становится к станку отдохнувшим, окрепшим и вполне способным к большому трудовому напряжению. Сознательный, здоровый, крепкий ударник. В противном же случае рабочий является в цех расслабленным, не способным не только к скорым темпам работы, но и к обычным. Не ударник – балласт, плохо работающий сам, мешающий работать и другим»^[448].

Между тем, многие исследователи отмечают связь девиантного досуга с процессами индустриализации и культурной революции^[449]. Пьянство, хулиганство, демонстративное безделье в этом контексте могут восприниматься как форма социального протеста, особенно в условиях напряженного режима труда и общих обстоятельств «бедного общества» эпохи нэпа и первой пятилетки.

Первой по-настоящему общегосударственной кампанией по борьбе с хулиганскими преступлениями стало известное «Чубаровское дело», поводом к которому стало совершенное в Ленинграде в 1926 г. кошмарное преступление.

21 августа в саду «Сан-Галли», к тому моменту переименованному в «Кооператор», в районе отходящего от Лиговского проспекта Чубарова переулка (ныне – Транспортный пер.) группа из более чем 20 человек изнасиловала девушку-рабфаковку, 20-летнюю Любу Белову. За отказ ответить на предложение одного из лидеров шайки Павла Кочергина (позже преступники оправдывались тем, что приняли ее за проститутку) ее сначала избили, а потом насиловали в течение шести

часов. При этом даже организовали сбор денег за удовольствие со стороны вновь подходивших страждущих. Попутно девушку, которая до этого была девственницей, заразили рядом венерических заболеваний. Под утро она с помощью случайного прохожего смогла дойти до отделения милиции и все рассказала. Преступников задержали. На скамье подсудимых оказалось 27 человек, с двоих из которых обвинения потом были сняты.

Власть и общественность шокировало не только изуверство преступников, но и то, что большинство участников банды были теми, кто должен являться цветом нового советского общества – рабочие, дети рабочих, почти половина комсомольцы или кандидаты в члены партии. Криминологический кабинет Ленинградского губсуда обратился к анкетному изучению 25 человек, привлеченных по делу: «12 из них – в возрасте от 21 до 24 лет, 5 – от 19 до 20. По национальности, кроме одного поляка, все русские, родом из деревни тоже был лишь один, остальные – коренные ленинградцы. Все они трудящиеся (24 – рабочие, 1 – служащий) и дети трудящихся. Только трое не имели определенной специальности и работали в качестве чернорабочих, 12 квалифицированные слесари. Заработок, по рабочим меркам, у них тоже был в основном достойным – от 51 до 100 руб. у 11, более 101 руб. у семерых. Пятеро женаты, но только у одного были дети. При этом в одиночестве жил только один, тогда как в семьях из 4–7 человек – 23. У более чем половины до сих пор были живы родители, у восьми уже умер отец; 16 сообщили, что их воспитывала мать, и 18, что материальное положение семьи в детстве было достаточным. Хуже обстояло с грамотностью родителей – оба грамотными были только у 9 человек, только отец – у 15 человек. В детстве 19 человек проводили время на улице и во дворе. Проводившие обследование обратили внимание на то, что семеро преступников имели на теле татуировки, что связали с дурными примерами, почерпнутыми в детстве на улице. Более двух третей подвергалось в детстве телесным наказаниям, 14 человек обучалось в школе 3–4 года, 9 – 5–7 лет. Клубы посещали 19 человек, кино – 24, предпочитая «трюковые» и исторические. 15 человек были беспартийными, 2 – кандидаты в члены ВКП(б), 8 – комсомольцы. 11 человек сообщило, что первое половое сношение имело с проституткой, 17 начали потреблять алкоголь в возрасте 18–20 лет,

пятеро – 15–17 лет. Описывая свое состояние в нетрезвом виде как спокойное – 19 человек, что явно контрастировало с их поступком. Ранее судимые шесть человек, двое – за хулиганство. При этом, задавая вопрос „Что же такое хулиганство?“, опрашивающие получали следующие ответы: „Хулиган не удержит самого себя“, „хулиган хуже вора – всем наносит вред“, „хулиганство – неуважение к обществу“, „сейчас всякий может быть хулиганом – всякий пьяный может толкнуть“, „выбить стекло – хулиганство“, „наше дело тоже хулиганство“, „хулиганить – приставать ко всем“, „ломать, драться“, „ни за что ударить“. Интересно, что большинство считало лучшим способом борьбы с этим злом тюремные сроки, и только трое заявило, что хулиганов „надо просвещать“»^[450].

Чубаровцы своим преступлением дискредитировали всю культурную политику большевиков, стали символом несостоятельности большевиков организовать просвещение молодежи. Реакция власти поэтому была особенно жесткой, процесс стал показательным. Судили их не по статье о хулиганстве, предусматривавшей не соответствующее их преступлению мягкое наказание, и даже не за групповое изнасилование, а за бандитизм, и 7 человек приговорили к смертной казни^[451].

В начавшейся в связи с делом пропагандистской кампании власть пыталась показать чубаровцев паршивыми овцами в стаде, вставшими на путь преступления под влиянием нэпа, мелкобуржуазной культуры, «есенинщины» и пр. Вот как, в частности, писал о них будущий главный редактор «Комсомольской правды» И.Т. Бобрышев: «Мы идем широкой пролетарской улицей. Этой улицей рабочий класс ведет к социализму Советскую страну. Пусть не гладка социалистическая улица, пусть много на ней ям и рытвин – не торцами она устлана, путь по ней труден, тяжел. Пусть не всегда пряма наша улица, но мы знаем, зачем по ней идем, знаем, куда, идя ею, придем. <...> С буржуазной улицы на нашу – не один переулок. Не в наши переулки и не в наши тупики попадают некоторые из идущих по пролетарской улице. Переулками с буржуазной улицы проникает к нам смердящая муть. <..> Именно Чубаров переулок представляет яркий пример проникновения с буржуазной улицы разложения, гнили. Чубаров переулок является как бы филиалом Невского проспекта, этой в старое время фешенебельной и насквозь проституированной буржуазной

улицы, а теперь вобравшей в себя всю нэпманскую накипь большого города. Так называемая „великосветская“ муть переливалась в рядом расположенный Чубаров переулок. Она, а позднее нэпманская накипь, отхлестывала чубаровцев от заводского коллектива, разлагала их, деклассировала. <...> Посмотрите показания чубаровских насильников. Чуть ли не с малых лет их жизненный круг начинался водкой и проституткой и ими же заканчивался. За этим кругом был завод, у некоторых даже комсомол, но это все за кругом, это – постороннее, это – с пролетарской улицы, и оно преодолевалось тем, что грязным потоком лилось с улицы буржуазной. <...> „Повели бабу“, т. е. группой пошли насиловать женщину, – эта фраза и эта гнусность, являвшаяся прямо-таки заурядным, бытовым чубаровским явлением, мало кого удивлявшая (не то что возмущавшая), является чубаровским отражением отношения к женщине на буржуазном Невском. Если Невскому более свойственно отношение к женщине как к хрупкой, дорогой вещи, то Чубаров переулок к ней относится как к грубой, но тоже вещи. Разницы, по существу, никакой нет. И там и здесь одно: женщина – вещь»^[452]. Также в столь обличительном тексте находилось место указанию на разлагающее влияние таких книг, как «Собачий переулок» Л.И. Гумилевского, «Луна с правой стороны» С.И. Малашкина и «Без черемухи» П.С. Романова.

Психиатр Я.П. Бугайский видел причину распространенности недостойного поведения в отношении к девушке также во влиянии литературы, и прежде всего творчества Сергея Есенина: «Целый ряд поэтов отозвался на смерть Есенина. Некоторые из них в поступках поэта, вся жизнь которого, без сомнения, символизирует современное хулиганство, видят „удаль до безбрежий“ (К. Алтайский «Есенин»); В. Звягинцева («Есенину») не знает никого – „чья молодость звончей твоей звенела“, П. Орешин в поведении поэта видит „удаль разудалых лет“ («Сергей Есенин»).

И отношение к женщине, как оно проявляется у хулигана, проникло и в литературу. Хулиганское „лапание“ поэтизируется.

Для хулигана, – поэт он или нет, – женщина – не человек»^[453].

Критики власти относились к подобным объяснениям более чем скептически. Н.П. Полетика в своих воспоминаниях описывал суд над чубаровцами совсем иначе: «Чубаровский процесс был знаменателен тем, что показал полное отсутствие у молодежи представлений о

культуре, морали, товариществе. К тому же прокурор, выступавший на процессе, М. Рафаил (в 1926 г. он заменил Сафарова на должности главного редактора «Ленинградской правды» после разгрома зиновьевцев), проявил необыкновенную глупость. Он обвинял подсудимых, парней 18–20 лет, в том, что они попали под влияние буржуазной морали, начитавшись иностранных буржуазных газет. Но подсудимые были малограмотными. Они не читали не только иностранных газет, которых им было не достать, но и советских газет. Они имели самое смутное представление о советской власти, о задачах комсомола и т. д. Падение уровня образования, культуры и морали за 5–6 лет советской власти выявилось на Чубаровском процессе очень ясно»^[454].

Именно Чубаровское дело подтолкнуло власть к ужесточению наказания за хулиганство. Если УК РСФСР 1922 г. наказывал озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года (ст. 176), то ст. 74 УК РСФСР 1926 г. гласила: «Хулиганство, т. е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия, совершенное в первый раз, – лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего указанные действия не было наложено административного взыскания.

Если означенные действия заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью, – лишение свободы на срок до двух лет».

Другой общегосударственной антихулиганской кампанией стал поход против «быковщины», родиной которой также стал Ленинград. 3 ноября 1928 г. рабочий рантовозатяжного отделения обувной фабрики «Скороход» Быков, бракодел, прогульщик и грубиян, в отместку за сделанное замечание застрелил мастера Степанкова «из хулиганских побуждений». С учетом слабости трудовой дисциплины и распространенности конфликтов между рабочими и мастерами этот случай, так же, как и «чубаровщину», решили сделать показательным. Основную причину конфликтов видели в неверном взгляде некоторых

отсталых рабочих на мастеров, приравнение их к угнетателям-мастерам с капиталистических предприятий^[455].

Еще за несколько месяцев до «быковщины» на ленинградских предприятиях началась кампания борьбы против хулиганства, выражавшегося в различного рода грубых шутках, способных привести к порче станков и другого имущества или травмам. Подобные шутки и сейчас являются частью заводской культуры и представляют форму развлечения, отдыха до и после трудового дня или непосредственно в рабочее время.

Поводом для начала кампании против хулиганов-шутников – нарушителей производственной дисциплины стал трагический случай на заводе «Электросила». Она получила название «семеновщина» по имени 21-летнего рабочего ленинградского завода Алексея Семенова, чья неудачная шутка привела к гибели товарища по работе Осипа Клевядо. Гибель произошла в субботу 19 мая 1928 г., после заводской сирены, во время уборки на заводе «Электросила». Группа рабочих стала обдывать других из шланга со сжатым воздухом давлением около 7 атмосфер. Затем, согласно заключению созданной для исследования случая комиссии, «кандидат ВКП(б), вчерашний секретарь Комсомольской ячейки Алексей Семенов подбежал к читающему газету Клевядо и пытался поставить шланг с воздухом к заднему проходу. Несмотря на нежелание Клевядо, продолжал это. В результате с Клевядо сделалось худо. Он был доставлен в больницу им. Коняшина, где во время операции было выявлено, что у него прорван кишечник и приподнято сердце. В понедельник 21.V около 12 час. дня Клевядо умер»^[456].

Уже на следующий день после происшествия в «Ленинградской правде» вышла заметка, в которой содержался призыв обратить внимание на проблему на уровне города и бездействие начальства и партийной ячейки завода: «В случае с тов. Клевядо не может не возмущать то, что это было на глазах всей мастерской, что никто не счел нужным остановить хулиганов, помешать их диким поступкам. Еще более возмутительно то, что здесь же рядом был отсекр партийной ячейки, тов. Медовый (впоследствии установлено, что его там не было. – Авт.), а сам „шутник“ – от-секр комсомольской ячейки». Речь шла о том, чтобы сделать данный случай показательным, ведь он «является поводом ко вскрытию серьезнейшей

язвы в нашем заводском быту»: «Не в Семенове сейчас дело. Нас должно интересовать другое: до каких пор хулиганство в цехах будет поощряться добродушными усмешками и товарищеским похлопыванием по плечу»^[457].

Сложно было обойти сравнение «семеновщины» с недавно отгремевшим «чубаровским делом». Семенов характеризовался как выразитель нового типа заводской «чубаровщины», «легкий спортсмен от хулиганства»: «В свое время чубаровский процесс вызвал взрыв общественного возмущения. Там хулиганы скопом насильовали одну, а здесь Семенов один нападает на десятерых, угрожая спокойствию их работы. Ленинград угробил ту чубаровщину, и эта будет угроблена тоже»^[458]. Став преступником, в глазах пропаганды Семенов переставал быть пролетарием, превращался в пережиток прошлого, от которого надо избавляться: «Семенов – это анархо-индивидуалист, по-старому – недоучившийся гимназист, воинствующий мещанин, плюющий на все авторитеты. Он „смотрит себе в пуп“, он является ярким представителем типа героического мещанина, о котором говорил Горький»^[459].

21 мая в обеденный перерыв собрание рабкоров «Электросилы» переросло в митинг, в результате которого было принято следующее решение: «Повести решительную борьбу со всеми случаями проявления хулиганства на производстве, поставить сегодня в обеденный перерыв во всех цехах вопрос о человеческом отношении к человеку. Избрать комиссию, которой выяснить как сам несчастный случай, так и все имевшие за последнее место хулиганские поступки, считавшиеся до сего времени „шуточками“. Поставить вопрос, в какой степени ответственны общественные организации, а также и администрация за хулиганство в цехах. Поднять вопрос в печати и требовать над хулиганами Семеновым и Емельяновым показательного суда на заводе»^[460].

Комиссия по обследованию случая пришла к выводу, что подобное хулиганство процветало на всем заводе. Те же Семенов вместе с Емельяновым перед случаем с Клевядо пытались надуть воздухом рабочего Орлова. Рабочему Чистякову они вбили в табуретку гвоздь, который распорол ему тело, ему же «стукнули в голову оловом». Год назад Емельянов вставил шланг рабочему Кравклису, из-за чего он, по его показаниям, полчаса был без сознания. За Семеновым числились и

менее серьезные проступки. Например, он играл в мастерской в футбол и разбил оконное стекло. Комиссия ознакомилась с положением дел в других цехах и пришла к выводу, что «„шутки“ и озорство, переходящее в открытое хулиганство, являлись общими для всех отделений». К ним относили «привязывание тряпок, бросание друг в друга тяжелыми предметами, обдувание воздухом, забивание гвоздей в табурете». Практиковали шутки не только молодые, но и старые рабочие, партийцы. Так, в 56-м отделении Дурандин «перебрасывался тряпками с работницей Денисовой, когда запас тряпок иссяк, он не остановился перед тем, чтобы бросить в нее железную гайку, чем нанес ей легкое повреждение. При этом оба являлись членами партии. В том же отделении рабочий-комсомолец Арсеньев обвязал тряпками работницу Ермолайнен, поместил ее в ящик с концами и ушел, оставив одну. В 45 отделении кидались тряпками, кусками железа, смазывали ручки напильников тестом, привязывали проволоку к тискам, а других рабочих к лебедкам. Обдувание воздухом при очистке картузов и машин „сплошь приводило к засорению глаз“. В 37 отделении также бросали друг в друга тряпками, обрезками бакелитовых изделий, обливали водой»^[461].

«Шутникам» обещали длительную и беспощадную борьбу. Активно в кампанию вовлекались рабкоры заводских многотиражных газет. Оказалось, что видов подобного хулиганства множество, среди них встречались как действительно опасные (поджигание привязанной за спиной тряпки, бросание инструментом, катание на вагонетках и проч.), так и не грозившие какой-либо серьезной травмой: положить болты в карман, прибить рукавицы гвоздями к скамейке, бросить чужой завтрак на пол, облить водой из шланга, поднять пыль в цехе, забрасывать за шиворот грязь и опилки, повесить на спину товарищу табличку «кусаюсь – не трогай».

Газета «Красный железнодорожник» сообщала о таком случае: «Хорошо умеет шутить станочник столярного цеха тов. Ковылин, например, 15 мая, наточив нож, подошел к токарю Богданову, поднял нож и эдак с улыбкой говорит: „Давай деньги, где они у тебя“.

Богданов, желая отвести нож от себя, т. к. такие шутки ему вовсе не нравятся, махнул рукой и задел по ножу.

В общем, шутка Ковылина довольно дорого обошлась производству, т. к. Богданову пришлось проболеть 8 дней – и производству убыток, и

страхассе пришлось уплатить за это время»^[462].

Газета «Красновыборжец» перечисляла многочисленные пьяные драки рабочих с последующими судебными разбирательствами^[463]. «Стапель» писала о хулиганствующих рабочих, разбивающих стекла в цехе^[464], а также о «музыкальных хулиганах», изрезавших крышку рояля, стоявшего в бывшей столовой^[465]. Еще были «заклепочные» шутки, распространенные в заклепочном цехе. Там рабочие развлекались тем, что бросали паклю друг в друга. Однажды в ответ на паклю полетела отвертка, которая, попав в станок, отлетела в плечо рабочему, нанеся травму^[466]. На прядильно-ниточной фабрике имени С. Халтурина рабочий облил коллегу маслом из ручного насоса за то, что тот отказался принести ему чай^[467].

— Вот поди-же ты... я только пошутил, а тут карету скорой помощи вызвали.

На этой фабрике могли отличаться и женщины-работницы. В «Трибуну халтуринцев» однажды пришло письмо, в котором просили принять меры против хулиганства, которое устраивает работница мокрых ватеров 1-го этажа Мария Зеленкова: «Идя в уборную, она орет во все горло разные нахальные вещи или кроет матом, причем одним действием языка не ограничивается, а пускает в ход и руки: то поставит щетку так, что при входе из уборной грязная щетка падает в лицо выходящей. Два м-ца назад в уборной разбила стекло. Шпильница от машины видела, но боялась сказать администрации, так как на ее окрик: „Что делаете?“ – была послана угроза вместе с матом. Возильщика она хватает цинично за все места, а 6 декабря схватила за волосы раб-цу Голубеву, которая от боли плакала целый вечер. Когда цеховая администрация захотела призвать ее к порядку, то и ее она покрыла такой же бранью, как и остальных»^[468].

Не обходилось и без упоминания одного из любимых развлечений всех времен – росписи стен в туалетах^[469]. Например, рабкор с ленинградского радиоаппаратного завода имени Казицкого сообщал: «Не говоря о рисунках просто неприличных, нецензурных, оскорбляющих человеческое достоинство наших матерей фраз, мы увидим вещи явно антисемитского и контрреволюционного характера. Примеры: „Всех жмут, кроме евреев“ и как вывод отсюда – „Бей ж... спасай Россию“ или:

*„Россия жалкая страна
Нет хуже в целом мире,
Свобода слова лишь дана
Писателям в с...“»* ^[470].

Хулиганство могло быть своеобразной местью обществу за свой низкий социальный статус. Как и до революции, вчерашние выходцы из деревни с трудом устраивали свою жизнь в больших городах. Как следствие – пьянство и хулиганство. Такой типаж сделал героем своего «Рассказа о зажиточном человеке» М. Зощенко:

«Был такой курьер Федор. Он работал на заводе. Он приехал из деревни. Был очень бедный. Еще тут не обжился. И даже первое время шлялся в деревянных сапогах.

И был очень грубая личность. Любитель выпить. Ругатель. Грубый скандалист и бузотер.

Он начал у них жить в общежитии. И там ему сделали крепкий нагоняй.

Ему сказали:

– Еще чего? Это не может продолжаться.

А он на это так ответил:

– Вы, профсоюзные вожди, меня срамите за мое поведение. А спросите меня – отчего это бывает.

И тогда его спросили:

– А скажите, отчего?

Он и говорит:

– Я живу абсолютно не так, как хочу. Вполне один, без семьи и жены. У меня, может, семья и жена проживают в деревне. Меня, может, сострадание берет от того, что я их не вижу. Двое моих детишек, наверное, пасут коров и терпят дожди и вьюги. Я живу как холуй, имею один пиджак, и мне некому даже подложить подушку, чтоб я прилег, усталый от работы. А вы интересуетесь, отчего я выпиваю и в своей выпивке грубо задеваю остальных и всем бью в морду. Вот отчего это бывает»^[471].

Среди более интеллигентной публики хулиганство могло приобретать весьма своеобразные формы. Вот случай, объявленный «Ленинградской правдой» «образцом бытового хулиганства»: «В доме 15/17, по Троицкой, в квартире 362, живет молодой врач Кошевник. В одной квартире с ним, в комнатах по соседству, живет бывший приятель Кошевника, молодой художник Кантор, с женой и детьми.

Дальше – обычная история: чтобы расширить свои квартирные владения, Кошевник решил выжить Кантора из квартиры, но способ выживания Кошевник придумал поистине замечательный.

У Кантора болен ребенок. Врач Кошевник садится за рояль и, неумелыми руками, часами барабанит по клавишам.

– Послушайте, что вы делаете? У ребенка температура 40...

– А мне какое дело? Я в своей комнате хозяин. Мне хочется музыки! Плевать на ваши болезни!

Жена Кантора тяжело больна. Лежит в постели. Из горла ее течет кровь. Врач Кошевник откашливается, раскрывает двери и на всю квартиру начинает распевать:

– В-е-е-е-ч-н-а-я па-а-м-я-ть!

– Удобно ли это?

– А почему неудобно? Кто мне запретит петь в своей комнате, что я хочу! Если кому мое пение не нравится, пусть не слушает или убегает ко всем чертям!

Чтобы насолить своему хозяину, художнику Кантору, Кошевник годами не платил за свои комнаты. Чтобы не лишиться права квартирного хозяина, Кантор лез из кожи вон, оставался раздетым, а комнаты Кошевника оплачивал. Так как неплатеж – вещь для комнатного жильца опасная, Кошевник пошел на компромисс со своим предыдущим „неплатежным“ решением. Он стал вносить свою квартплату в депозит суда. А чтобы деньги его не попадали квартир-хозяину Кантору, он прятал депозитные квитанции и извещения суда в свой кошелек:

– Попробуй, подай в суд за неплатеж, я сию же секунду представлю эти квитанции.

Долгими психологическими проделками врача художник Кантор и его жена доведены до тяжелого душевного состояния. Врач Кошевник этому радуется. Уходя на службу, Кошевник громогласно, так, чтобы Канторы слышали, наказывает своей мамаше:

– Если тебя будут беспокоить сумасшедшие соседи – звони мне по телефону: я живо отправлю их к Николаю Чудотворцу! У меня уже имеется направление.

Этакого, с позволения сказать, врача конфузно вытаскивать на страницы газеты. Конфузно писать о нем. Уж не падет ли тень от Кошевника на других врачей?»

Разумеется, подобное поведение осуждалось, проводилась попытка показать, что он нехарактерен для советских врачей: «Нет, не падет. Социальный выродок ничем, кроме формальности, не связан с ними. Надо полагать, что и формальная связь исчезнет, когда товарищи врачи узнают об этом рекорде бытового хулиганства»^[472].

В хулиганстве мог быть замешан и управдом, человек, который во многом отвечал за порядок в доме. 5 января «вечером в квартире проживающего в д. 35, по пр. Пролетарской победы, Д.Ф. Барина,

его дочь, пионерка, 15 лет, с подругой, 14 лет, пели комсомольские песни. Это не понравилось бывшему в „градусах“ управдому М.Н. Афанасьеву, и он предложил прекратить пение, а когда его требование не было исполнено, начал Баринова избивать, причем к нему присоединилась и его жена, поцарапавшая Баринову лицо. В результате на Афанасьева был составлен протокол, и он привлекается за хулиганство и самоуправство» ^[473]. Как видно, значительная часть шуток далека от «чубаровщины», «быковщины» и «семеновщины», хотя и то и другое называли хулиганством и даже хватание за поджилки представляли первым шагом к реальным преступлениям. Как явно хулиганское поведение рассматривались обычные привычки не слишком культурных граждан – сквернословие, курение вне специально отведенных для этого мест, лузганье семечек и пр. С августа 1924 г., согласно постановлению Ленинградского губисполкома, любой человек мог быть за это оштрафован ^[474].

Подобное рвение власти вызывало ответную реакцию, могло восприниматься как чрезмерная жестокость и несправедливость. Даже для Семенова во время судебных слушаний ряд его товарищей просил снисхождения. Для обывателя разница между преступниками и «озорниками» была значительной, в связи с этим возникало и неоднозначное отношение к органам правосудия и милиции, которые, казалось бы, защищали покой и законность.

Нередки были случаи, когда толпа заступалась за задержанных. Например, «8 июня, в 2 часа в Василеостровском саду, во время гулянья, кем-то из гуляющих был произведен выстрел. Прибывшим постовым милиционером был задержан один неизвестный гр-нин. При попытке милиционера отправить задержанного в Отделение, со стороны собравшейся толпы было оказано сопротивление, но прибывшими на место учнадзирателем, а также членами комиссии по борьбе с хулиганством, после произведенных в воздух нескольких выстрелов, порядок был восстановлен» ^[475]. 10 декабря 1925 г. в пивной ЛСПО один гражданин стал скандалить, милиционер стал его умирать. В ситуацию вмешался знакомый скандалиста. Милиционер с дворником направили их в отделение, но тут «вышедшая из пивной пьяная толпа хулиганов окружила дворника» и «хотела их освободить», поэтому милиционер достал револьвер, чем все и окончилось ^[476]. Нам представляется, что «толпой хулиганов»

в сводке названы обычные посетители пивной, не увидевшие в конфликте своих товарищей повода для задержания. За дебошира могли вступить и соседи. Так, 1 марта 1926 г. у дома № 12 по Железноводской улице в Ленинграде стал скандалить проживавший в нем гражданин Я.А. Васильев.

При задержании его двумя милиционерами собравшаяся толпа стала протестовать. Только после трех выстрелов в воздух она разбежалась ^[477].

Как видно, для городских жителей определенные формы хулиганского поведения были оправдываемыми, например, молодостью. Подростки и юноши, в соответствии с давней крестьянской традицией, не несли персональной ответственности за что-либо. Но хулиганство становилось неприемлемым, когда оно приобретало криминальный характер и непосредственно угрожало здоровью, жизни и имуществу людей. В этом случае общество и власть объединялись в борьбе с ним.

Вместо заключения: борьба за культурный досуг в 1920-е гг

Советский социокультурный проект предусматривал создание «нового человека», с особым физическим обликом, интеллектуальным уровнем, культурными привычками. Этот новый человек должен был существовать в пространстве, очищенном от «пережитков прошлого», к которым относились и девиантные формы досуга. Именно эти цели и преследовала партийно-государственная досуговая политика. В ней четко прослеживаются два основных направления: борьба с различными формами «ненормального» времяпрепровождения и формирование новой советской культуры досуга. Иными словами, противодействие девиантному поведению и формированию практик девиантного досуга должно было осуществляться путем конструирования новых поведенческих моделей.

Рабочие и крестьяне нередко объясняли свои прегрешения – запойное пьянство, ругань или домашнее насилие – «старыми» привычками. Сознательно или нет, но в этом утверждении они использовали официальный дискурс, в котором все девиации маркировались «сверху» как «пережитки старого быта»^[478], становились частью конструируемого мифа о «тяжелом прошлом и светлом будущем».

С пьянством, проституцией, азартом и пр. боролись через партийные, комсомольские, профсоюзные организации на предприятиях, в вузах и учреждениях. Здесь проводились показательные суды над пьяницами и хулиганами, вывешивались стенгазеты с карикатурами и «черные доски», проводились собрания, на которых обсуждались конкретные случаи девиантного поведения, читались лекции о вреде наркотиков и венерических заболеваниях и т. д. Однако традиция девиантного досуга была столь сильна, что простого ее осуждения было недостаточно. Необходимо было предложить замещающую модель «нового быта».

Здесь активную роль играла пропаганда достижений Советской власти: строительство новых санаториев для «ремонта» рабочих (так в 1920-е гг. называли санаторно-курортное лечение), работа

добровольных обществ (Общество друзей Воздушного флота, Общество друзей радио и др.), спортизация (вовлечение трудящихся в физкультурно-спортивные кружки и общества), формирование новых праздничных традиций и пр.

Крупные перемены в 1920-е гг. произошли и в праздничном календаре. В нем появились новые, революционные праздники (22 января – «День 9 января 1905 года», 12 марта – «Низвержение самодержавия», 18 марта – День Парижской Коммуны, 1 мая – «День Интернационала», 7 ноября – День пролетарской революции). В эти дни в Петрограде/Ленинграде проводились праздничные парады и шествия, массовые гуляния. В то же время в 1920-е гг. официальными нерабочими днями оставались и дореволюционные праздники (7–8 января – Рождество Христово, 19 января – Крещение Господне, 7 апреля – Богоявление, пасхальные дни, 19 августа – Преображение Господне, 28 августа – Успение).

Как видно, десять праздничных дней из шестнадцати остались советскому календарю от «царского прошлого», что выглядит как уступка традиции: рабочие привыкли «гулять» в эти дни, и бескомпромиссное настаивание на соблюдении только революционного праздничного календаря неизбежно привело бы к росту прогулов.

Вместо устоявшихся религиозных практик гражданам предлагались альтернативные, «культурные» формы досуга. Рабкор газеты завода «Электросила» накануне Пасхи утверждал: «Основным оружием против церковного дурмана, против разливного моря водки в майские дни и дни пасхи должно быть вовлечение рабочих в здоровый, разумный отдых, который мог бы ему заменить традиционное пасхальное времяпровождение». Взамен рабочим предлагалось гулянье с танцами и фейерверками, вечер в Филармонии, экскурсии в музеи, на ледокол «Красин»^[479]. Активисты ставили антирелигиозные спектакли, устраивали просветительские лекции, публичные чтения художественной литературы. Широкое распространение получили «красные» замены религиозных праздников.

В идеале социалистической трансформации должна была подвергнуться вся сфера повседневности. Ведь, согласно официальной концепции, преобладание примитивных и девиантных форм досуга было обусловлено незнанием и недоступностью новых возможностей.

Так, на 3-м Всесоюзном совещании рабкоров в 1926 г. рабкорка Нефедова говорила: «Нашу работницу надо учить и щи варить, и вшей вычесывать, и мясо рубить. Нашу работницу надо учить, как ребенка кормить, как белье стирать. <...> Товарищи, надо писать, как мужу устроить бисквит на яйцах. Ведь мы этого не знаем. Вот, говорят, есть бефстроганов какой-то, мы, ведь, этого тоже не знаем. А вот если об этом напишут, ко мне придет работница, в гости, и я перед ней “бефстроганов” щегольну»^[480].

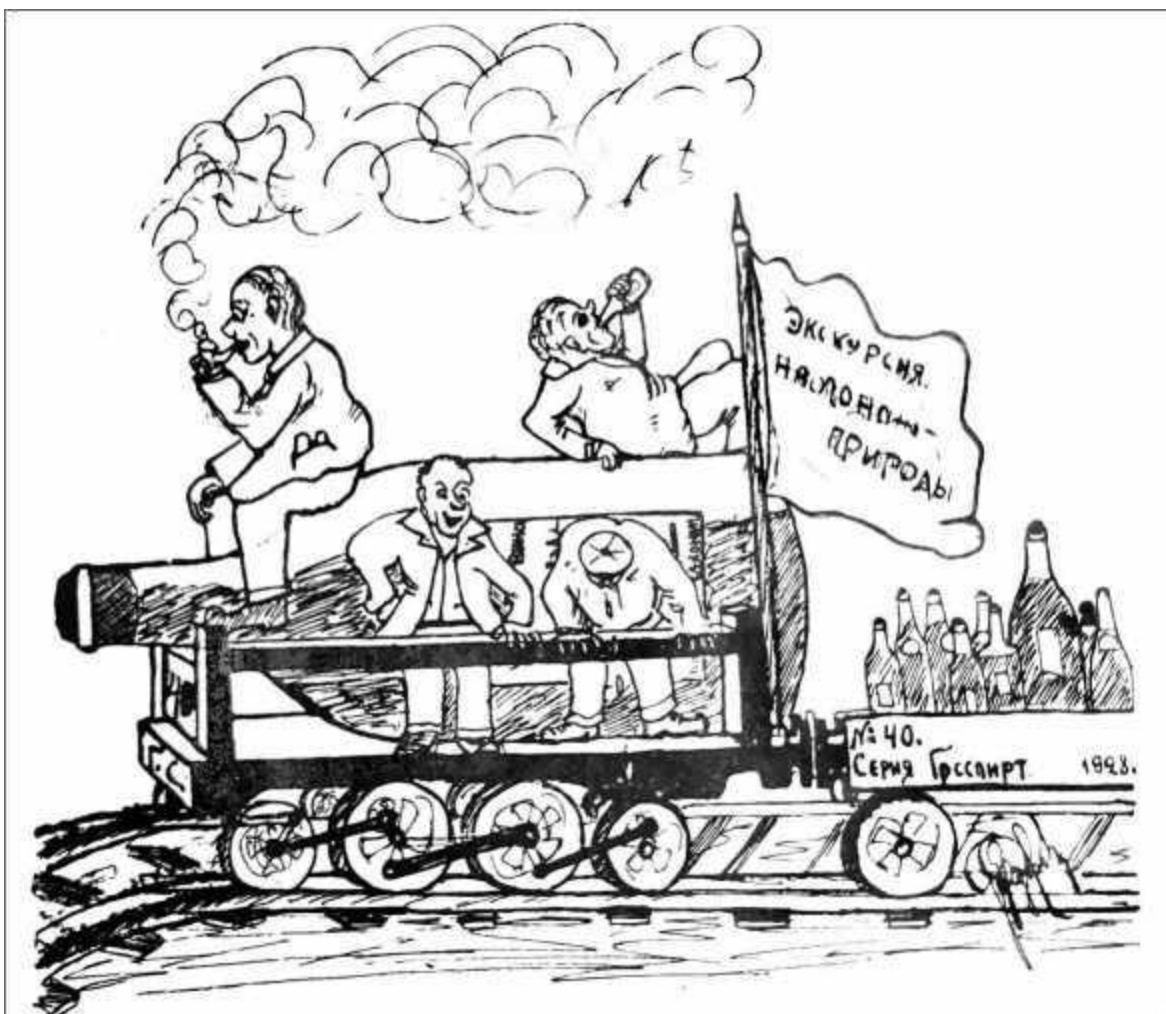
Власть стремилась изменить топографию городского досуга. Парки культуры и отдыха, новые жилые кварталы, рабочие столовые, пространственное перераспределение культурных институций должны были способствовать созданию условий для формирования нового стиля труда и отдыха. Например, в области театрального дела предлагалось переносить спектакли академических театров из центра на окраины, в рабочие кварталы. Как отмечалось в материалах агитационно-пропагандистского отдела Губкома ВКП(б), «только территориальное приближение академической сцены и гостеатров к рабочему зрителю будет способствовать охвату театром даже наиболее отсталых пролетариев, а следовательно, и культурной обработке последних способом, наиболее простым и легко доходящим до сознания даже наиболее отсталого человека»^[481]. Был выдвинут лозунг «От 40° к театру». Кстати, юмористический взгляд на возможность такого перехода мы встречаем в рассказе М. Зощенко «Сильное средство», герой которого «пропадал буквально и персонально», «беспредельно напивался» и «пьяные эксцессы устраивал». Но, получив однажды бесплатный профсоюзный билет в театр, он «первым театралом в районе стал. <...> Пить бросил по воскресеньям. По субботам стал пить»^[482].

В теплое время года для рабочих устраивали экскурсии в прекрасные пригороды Ленинграда, где их ждала встреча с красотами национализированных парков и дворцов. Экскурсии пользовались высоким спросом и понимались властью и идеологами развития экскурсионного дела инструментом усовершенствования человека^[483]. Рабочих ждали базы в Лахте, Лесном, Парголове, Токсове, Троцке (Гатчине) и других пригородах. Принимались меры для организации культурного досуга, например, заготавливался спортивный инвентарь для игр. Беда в том, что зачастую рабочие не всегда отдыхали так, как

хотели организаторы: «Пьянки очень сильно мешали в прошлые года культурному отдыху рабочих. Сплошь и рядом прекрасные по замыслу, по обстановке и по возможностям экскурсии срывались пятком или десятком буянивших пьяниц» [\[484\]](#).

К слову, на бузотеров жаловались и в загородных домах отдыха. Некоторые из заявлений в начале 1928 г. были рассмотрены на президиуме Ленинградского областного совета союза металлистов. Вот одна показательная история о двух отдыхающих: «Потребовали себе перед уходом ужин. К ужину эти “герои” поставили на стол бутылку водки и рядом положили револьвер, заявив администрации, что, кто попытается им помешать... “получит пулю в лоб”» [\[485\]](#).

Основным объектом культурной политики советской власти был рабочий класс – авангард нового общества и предполагаемый главный бенефициарий революционных изменений. «Дать каждому рабочему культурный досуг после производства» призывал в 1928 г. публицист Я. Ильин, описывая неприглядный быт молодых рабочих [\[486\]](#).

Егоровец. 1928. № 4(49). 16 августа. С. 3

Центром культурного досуга на предприятии был клуб. На протяжении 1920-х гг. клубная работа колебалась между развлекательно-образовательными (кино, танцы, кружки радиodela или кройки и шитья) и производственно-пропагандистскими программами (лекции на производственные темы, вечера вопросов и ответов и т. п.).

Принципы организации досуга в клубе носили отчетливо политизированный характер. Вот как журнал «Вестник профсоюзов» определял его задачи: «Основой культурной деятельности должны стать кружки естествознания, политграмоты, истории рабочего движения. Остальные литературно-художественные кружки – добавление, приманка. Малосознательный рабочий ищет прежде всего развлечения, и всякий труженик ищет отдыха. Дайте им развлечения и

отдых в клубе, но так разбавьте их полезными занятиями, чтобы потом втянуть их больше в эти занятия. Члены „веселеньких“ (музыкального, литературного, драматического, танцевального, хорового, спортивного и т. п. – *Авт.*) кружков должны постоянно перекачиваться в основной»^[487]. Так через повседневные досуговые практики шло постепенное внедрение новой идеологии в рабочую массу, а повседневная жизнь человека попадала в сферу политического контроля.

На расширенной коллегии Агитпропа ЦК РКП(б) 30 апреля 1924 г. в области клубного строительства предлагалось: «В связи с проводимой партией и профсоюзами работой по вовлечению рабочей массы в производственную и хозяйственную жизнь предприятия, клубы должны уделять особое внимание производственно-техническим кружкам, устраивая им в помощь местные фабрично-заводские выставки, организуя экскурсии на центральные выставки, устраивая систематические доклады Заводоуправления и отдельных специалистов по различным отраслям производства и налаживая в зависимости от того, насколько это позволяют условия, обучение при самом клубе нисших (так в тексте. – *Авт.*) категорий рабочих, особенно работниц, шитью, кройке, переплетному ремеслу и проч.

Принимая во внимание, что многочисленные категории рабочих в силу различных условий не имеют возможности удовлетворить свою тягу к знанию обычным школьным или кружковым путем, клубы должны поставить себе задачей помочь указанным категориям рабочих путем организации их в самообразовательные кружки, организуя в помощь этим кружкам Консультационные бюро для дачи методических указаний и справок, снабжая самообразующихся специально подобранными пособиями»^[488].

Впрочем, далеко не всегда рабочим клубам удавалось придерживаться «правильной» политико-идеологической линии. Как свидетельствует, например, статистика клубной работы Союза деревообделочников Северо-Западной области, на февраль 1923 г. по области существовало «11 клубов, 9 из них в Петроградской губернии, местонахождение – непосредственно при заводах, 10 из них имеют драматический и музыкальный кружки. Состав библиотек: в Петрограде – 2500 тысячи томов, по области – 8500 <...> Особенно популярны кино и театральные постановки»^[489]. Смоленский губотдел

профсоюзов летом 1922 г. докладывал: «Центральный клуб широко развернул свою работу. При клубе имеются следующие кружки: 1) хоровой, 2) драматический, 3) шахматный, 4) по изучению исторического материализма и др. Читаются доклады и научно-популярные лекции. Ставятся концерты. Устраиваются научные экскурсии в музеи, на электрическую станцию, телеграф и др. При клубе имеется читальня». Витебская губернская профсоюзная конференция 28–30 августа 1922 г. постановила: «Основой и центром просветительной работы должен стать рабочий клуб, где должна быть сосредоточена вся культработа во всех ее видах и проявлениях – митинги, доклады, лекции и изучение вопросов профдвижения и также целого ряда разумных и полезных развлечений (шашочные и шахматные игры, физический спорт, семейные вечера, прогулки, экскурсии и др.)»^[490].

Члены шахматного кружка завода на занятиях. Ленинградский фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова, 1928 г. (ЦГАКФФД СПб. Гр. 48268)

Клуб Ленинградского металлического завода в 1924 г. работал по следующему плану: «Понедельник – кино; Вторник – доклады на животрепещущие вопросы (Доброхим – Радио); Среда – Антирелигиозная лекция и политсуды (пример: над рабкором 19-го, над прогульщиком 28-го и над посивн. (так в тексте. – Авт.) комсомольцем 3 декабря); Четверг— Партдень; Пятница— свободный; Суббота – свои силы; Воскресенье – платные по себе стоимости. Открыт киоск и буфет по себе стоимости»^[491].

Таким образом, несмотря на все усилия, рабочие упорно предпочитали в клубах общекультурные кружки и банальные развлечения, игнорируя мероприятия политикоидеологического характера. Но, как убедительно показала К. Кухер, в тех случаях, когда режим не мог ограничить популярность «антисоветских» практик, проблема решалась другим способом: эти явления институционализировались и становились частью официального канона^[492]. Как было заявлено на Пятом Всероссийском съезде союза текстильщиков, «самодеятельные хоровые и драмкружки, танцы, спорт и проч. должны занять законное место рядом с профполитпропагандой и агитработой. Скука – худший способ агитации»^[493]. Таким образом и удовлетворялись некоторые потребности и желания населения, и государство могло контролировать признанные виды досуговой активности.

В конце 1920-х гг. власть «сдалась» и легализовала культурный уклон работы клубов. В апреле 1929 г. в постановлении ЦК ВКП(б) о культурно-просветительной работе профсоюзов говорилось: «Культработа профсоюзов должна в большей мере организовывать культурный отдых и развлечения, широко охватывать рабочих и работниц различными видами художественной работы, физкультурой, радио»^[494].

Помимо клуба пространством досуга, понимаемого как рекреация, были заводские столовые, которые появляются в середине 1920-х гг. и становятся совершенно необходимым элементом заводского быта в конце десятилетия, после введения карточной системы.

Наряду с официальными «местами досуга», где рабочим (в свободное время) в агитационно-пропагандистской оболочке предлагались книги, кино, популярная наука, в пространстве

предприятия сохранялись традиционные, идущие с дореволюционных времен, неформальные места отдыха (физической рекреации, «своеволия») – заводской двор, укромные уголки в мастерской и т. п. В напряженном режиме заводского труда работники там выкраивали паузы «для себя».

* * *

В первые послереволюционные десятилетия общество в Советской России в целом переживало тяжелейший процесс приспособления к новой власти, новому укладу жизни, пытаясь, в свою очередь, как-то приспособить его «под себя»^[495]. Советизация жизненных миров происходила постольку, поскольку определенные советские стандарты медленно пробивали себе дорогу в сфере повседневного быта людей^[496]. Этот процесс носил характер согласований, в которых принимали участие разные действующие лица неравных властных категорий. Советский человек не соответствовал идеальным представлениям о «новом человеке», а скорее, представлял собой продукт смешения и взаимодействия различных дискурсов и практик как традиционного, так и советского происхождения. Он был «гибридным существом», в котором различные культурные образцы наслаивались друг на друга, изменяясь и взаимодействуя.

Важнейшей задачей государства стало формирование новой индустриальной досуговой сферы. В этом процессе ключевую роль играло промышленное предприятие как определяющая культурная доминанта. Именно здесь формируется базовая культурная среда эпохи сталинизма. Как отметила Ш. Фицпатрик, в СССР власть взяла курс на «освоение культуры» точно так же, как осваивались новые технологии. Позитивная ценность культуры – от культуры личной гигиены до способности разбираться в литературе или классической музыке – стала очевидной. В конце рассматриваемого десятилетия возник концепт «культурности». «Культурный человек» был дистанцирован от религии, знаком с этикетными нормами и следует им; опрятен, а порой и франтоват; не злоупотреблял алкоголем, но выпивал, когда это было допустимо или предписано. Помимо этого, он был знаком с трудами

основоположников марксизма-ленинизма; ежедневно читал газеты и знал о том, что происходит в стране и мире; следил за успехами в науке и технике, за новостями спорта (в идеале – сам занимался спортом); интересовался литературой, был знаком с классической русской и советской литературой, музыкой; живо интересовался театром и кинематографом. В жизни этого идеального «нового человека» девиантному досугу места не было. Оставалась только одна задача – превратить мечту в реальность.

Избранная библиография

Источники

Алкоголизм в художественной литературе. Хрестоматия / сост. А. С. Берлянд. М.; Л.: Гос. медицинское изд-во, 1930.

Аничкова С.И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М.: Кучково поле, 2016.

Бараш М. Проституция (конспект лекции). М.: Мос-здравотдел, 1925.

Беньямин В. Московский дневник. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.

Бехтерев В.М. Алкоголизм и борьба с ним. Л.: Государственное издательство, 1927.

Бехтерев В.М. О половом извращении, как особой установке половых рефлексов // Половой вопрос в школе и в жизни / Под ред. И.С. Симонова. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. С. 166–180.

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928.

Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927.

Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. М.-Л.: Молодая гвардия, 1927.

Бунин А.И. Окаянные дни. Горький М. Несвоевременные мысли. М.: Айрис Пресс, 2004. (Библиотека истории и культуры).

Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. М.: ЦСУ СССР, 1929.

Василевский Л.М. Дурманы (наркотики). М.: Новая Москва, 1924.

Василевский Л.М. Проституция и рабочая молодежь: Соц. – гигиен. очерк. [М.]: Новая Москва, 1924.

Гальперин С.Е. Проституция. М.: Охрана материнства и младенчества, 1927.

Гастев А.К. Как надо работать. М.: Экономика, 1966.

Гернет М. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7. С. 86–87.

- Глязер С., Копиевский Н. Досуг безбожника. М.: Безбожник, 1930.
- Горановский М.А. Хулиганство и меры борьбы с ним. Гродно: Губернская типография, 1913.
- Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии. № 2. М.: Изд. Мосздравотдела, 1928. С. 46–53.
- Григорьев С. Казарма // Круг: Альманах артели писателей. М.-Л.: Круг, 1925. Кн. 4.
- Декреты Советской власти. Т. 3. М.: Политиздат, 1964.
- Дмитриев В., Галин Б. На путях к новому быту. М.: Новая Москва, 1927.
- Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995.
- Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. (Соврем. буржуазные теории): Сборник статей. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.
- Жига И. Думы рабочих, заботы, дела: записки рабкора. Л.: Прибой, 1927.
- Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг.: Мир знаний, 1922.
- Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте (сб. декретов, постановлений, приказов и инструкций): в 2 ч. Ч. II. М.: ВСНХ. Ред. – изд. отд., 1923.
- Ильин Я. Жители фабричного двора. М.: Молодая гвардия, 1928.
- Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных обследований). М.: Изд. Моссовета, 1918.
- Каган А.Г. Молодежь после гудка. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.
- Каров А.Н. Проституция и новый быт. М.: Светоч, 1927.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и испр. Т. 4. М.: Политиздат, 1984.
- Кутанин М.П. Вопросы теории и практики морфинизма // Тр. первого всес. съезда невропатологов и психиатров / Под ред. В.А. Беляева и др. М.; Л.: [Б.и.], 1929. С. 35–44.
- Михневич В. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб.: Лимбус Пресс, 2003.
- О борьбе с наследием прошлого: (Пьянство и религиозные предрассудки среди членов партии) / Под ред. т.т. Ярославского,

Сахаровой, Короткова; Спредисл. т. Гусева Центр. контрол. комис. РКП(б). М: Мосполиграф, 1925.

Обывательщину – на прицел! Сборник статей и фельетонов. Л.: Красная газета, 1928.

Отзыв Московского Столичного Мирового Съезда о министерском законопроекте о мерах борьбы с хулиганством // Юридический вестник. 1913. Кн. III. С. 229–248.

Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Сост. М.А. Макаревич. М.: Издательство политической литературы, 1989.

Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лифшин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998.

Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. документов / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000.

Покровская М. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. Отд. 2. С. 19–20.

Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим: Библиотека-Алия, 1982.

Преступление и преступность. Сб. 1. М.: Кабинет по изучению личности и преступности Мосздравотдела, 1926.

Протопопов В.П. Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма // Научная медицина. Сб. № 10. Пг., 1922. С. 49–62.

Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898.

Растраты и растратчики: сб. статей. М.: Изд-во НКВД, 1926.

Рафаил М. За нового человека. Л.: Прибой, 1928.

Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009.

Смирнов-Чубринский М. Культработа у деревообделочников // Вестник профсоюзов. 1923. № 2–3. С. 70–72.

Стратоницкий А. Вопросы быта в комсомоле. Л.: Прибой, 1926.

Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. М.: Изд-во НКТ «Вопросы

труда», 1923.

Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982.

Тард Г. Сравнительная преступность. М.: т-во И.Д. Сытина, 1907.

Тезисы докладов 5-го Всероссийского Съезда Текстильщиков. М.: ЦК ВПСТ, 1922.

Тринадцатый съезд РКП(б) (23–31 мая 1924 г.). Стенографический отчет. М.: Красная новь, 1963.

Троцкий Л.Д. Проблемы культуры. Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1927.

Фоменко К.И. Хулиганство. Киев: Тип. АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, [1913].

Хулиганство и поножовщина / Под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегал и Ц.М. Файнберг. М.: Мосздравотдел, 1927.

Хулиганство и преступление Сб. ст. М.; Л: Изд-во Рабочий Суд, 1927 [1926].

Хулиганство и хулиганы. Сб. / Под ред. В.Н. Толмачева. М.: Изд-во Нар. комиссариата внутр. дел РСФСР, 1929.

Цуккер Б.В. Проституция. Ее причины и борьба с ней. М.: Научная мысль, 1927.

Чуковский К. Дневник (1901–1929). М.: Советский писатель, 1991.

Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М.: Пропаганда, 2002.

Шоломович А.С. Теория и практика борьбы с наркотизмом // Московский медицинский журнал. 1933. № 5. С. 123–128.

Шульгин В.В. Три столицы. М.: Современник, 1991.

Литература

Адоньева С. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора, 2009.

Азарова П.Е. Календари 1921–1941 гг. как инструмент конструирования социальной памяти // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 121–125.

Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. М.: [Б.и.], 2002.

Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб.: Аврора, Стройиздат СПб, 2003.

Балдин К.Е. Повседневная жизнь российских рабочих-кооператоров в годы Первой мировой войны // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 285–301.

Барышева Е.В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры отдыха в репрезентации власти 1920-1930-х гг. // Вестник Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 148. № 18 (1). С. 9–25.

Барышева Е.Ф. Повседневный абсурд или абсурд повседневности и политическая рациональность 1920-1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 1. С. 57–65.

Барышева Е.Ф. Формирование «идеи совместного» в ритуальных политических событиях 1920-1930-х годов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2012. № 1. С. 65–73.

Безгин В.Б. «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 25–43.

Блинов М.Л. Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 31–42.

Богомолов Н.А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Бойкова Т.Ю. «Стать культурным»: досуг ленинградских рабочих в конце 1920-х— 1930-е гг. // Вестник ЛГУ. Сер.: История. 2008. № 3. С. 93–106.

Бочаров А.А. «Клёшники»: к изучению субкультуры матросов военно-морского флота периода Революции 1917 года и Гражданской войны в России // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 424–431.

Васильев П.А. Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Вып. 3. Т. 4. С. 35–42.

Васильев П.А. Наркотизм в Петрограде – Ленинграде в 1917–1929 гг. Пути решения социальной проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 16–24.

Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.

Воробьев С.В. Служебные злоупотребления хозяйственной номенклатуры Урала в условиях нэпа // Десятые Татищевские чтения: мат-лы всерос. науч. – практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 193–199.

Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.

Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2000.

Говряков И.Ю. Каким быть социалистическому городу: проекты реформирования быта 1920-х гг. // Медиаальманах. 2015. № 1. С. 67–72.

Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / Пер. с англ. В.Ю. Лобовской. М.: РОССПЭН, 2010.

Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб.: Наука, 2002.

Девиантность и социальный контроль в России (XIXXX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя. 2000.

Долгова Е.А., Хивинова Д.А. Педагогический институт социального воспитания и изучения нормального и дефективного ребенка В.М. Бехтерева: теоретическое и прикладное значение // Электронный журнал «Психолого-педагогические исследования». 2018. Т. 10. № 2. С. 1–10.

Жирков Г.В. Печать в системе антирелигиозной пропаганды периода НЭПа (1921-1927-е гг.) // Медиаскоп. Электронный научный журнал. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru>

Закаржевская А.Н., Гарцуев М.А. Развитие хулиганства в уголовном праве Российской империи // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства. Сб. статей. международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 77–79.

Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890 – 1910-х годов. СПб.: Лениздат, 1999.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этатератический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник, 2003. М.: РОССПЭН, 2003. С. 436–463.

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920-1930-е годы: социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб.: Крига, 2010.

Измозик В.С. НЭП через замочную скважину. Советская власть глазами советского обывателя // Родина. 2001. № 8. С. 81–87.

Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М.: РОССПЭН, 2007.

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. С. 288–289.

Кириянов Ю.И. Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы 20-х годов XX в. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 7. М., 2001. С. 15–25.

Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК – ОГПУ М.: Наука, 2009.

Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015.

Кулинич Н.Г. «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920-1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 42–53.

Культура и власть в СССР. 1920-1950-е годы: Матер. IX междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2017.

Курукин И.В., Никулина Е.Л. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Молодая гвардия, 2007.

Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: РОССПЭН, 2012.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города 1920–1930 гг. СПб.: ИД «Летний сад», 1999.

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX В. – 40-е гг. XX В.). М.: Прогресс-Академия, 1994.

Легенькова Е.А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элени Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110–120.

Лурье М.Л. Песни о растратчиках в уличной сатире эпохи нэпа // Антропологический форум. 2013. № 518. С. 267–287.

Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Пер. с англ. и нем. под общей ред. и с предисл. С.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 2010.

Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 147–159.

Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 – июнь 1918 г.). М.: Новый Хронограф, 2015.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.

Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8–30.

Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Наркотизм как социальное явление: Обзор литературы / Сост. А.В. Янков. М.: [Б.и.], 2001.

Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Нарский И.В. Революция и реорганизация пространства (на примере Урала 1917–1922 гг.) // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. Т. XIV. М.: РОССПЭН, 2007. С. 281–289.

Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М.: РОССПЭН, 2013.

Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 93–100.

Павлова Т.А. Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 170–173.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: РКТ-История, 1997.

Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917-1920-е годы) / С.Е. Панин // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 129–134.

Панин С.Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 135–154.

Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Сост. М.А. Макаревич. М.: Издательство политической литературы, 1989.

Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны / С. Яров [и др.]. СПб.: Центрполиграф, 2000.

Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. документов / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000.

Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева», 2000.

Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г. СПб.: Рус. – балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997.

Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль / Отв. ред. П. Волобуев. М.: ИРИ РАН, 1997.

Ролдугина И. Раннесоветские гомосексуалы от первого лица // Ab Imperio. 2016. № 2. С. 183–216.

Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. с нем. В. Т. Алтухова. М.: РОССПЭН, 2009.

Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Под ред. Ю.А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2014.

Россия нэповская / С.А. Павлюченков, Д.А. Аманжолова, В.П. Булдаков и др. М.: Новый хронограф, 2002.

Салова Ю.Г. Детский досуг в Советской России (1920-е годы): Учебное пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000.

Сидорчук И.В. Технократическая утопия и буколическая реальность: большевики, техника и общество 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 8. С. 179–183.

Скипина И.В. Современные исследователи о социальной атмосфере в России в период гражданской войны // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 1. С. 212–217.

Тюрин П. Т. Психология хулиганства (нормативность природы и ненормативность души) // Человек. ги. 2014. № 9. С. 219–235.

Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку». Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006.

Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Заводское сообщество и власть в Советской России в 1920-е гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Фоновые практики советских городских рабочих в 1920-е гг. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сб. ст. Сургут: [Б.и.], 2015. С. 618–629.

Фельдман М.А. К вопросу об отношении к культурным ценностям рабочих Урала в первые десятилетия XX В. // История России: исследования и размышления. Сб. статей. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 60–74.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008.

Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М.: Новый Хронограф, 2011.

Хоффманн Д. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2005.

Чавкина М.А. Девиантное поведение в рабочей среде в годы нэпа (на примере БАССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 215–218.

Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы). Автореф. дисс. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. М.: [Б.и.], 2013.

Чистиков А.Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 299–316.

Чистиков А.Н. Азартные игры в СССР середины 20-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 138–142.

Шерстнева Е.В. Борьба с алкоголизмом в СССР в 20-е годы XX века // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2014. № S1. С. 212–214.

Шерстнева Е.В. Лечебная помощь больным алкоголизмом в СССР в 1920-е гг. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2014. № 1. С. 304–306.

Шерстнева Е.В. Плакатная антиалкогольная пропаганда в РСФСР в 20-е гг. XX в. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2013. № 1. С. 213–215.

Шерстнева Е.В. Санитарное просвещение и пропаганда в борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР в 1920-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 4. С. 54–58.

Яров С.В. Человек перед лицом власти. 1917-1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014.

Becker H. The Outsiders. London; New York: Collier-Macmillan Free press of Glencoe, 1963.

Beer D. Blueprints for Change: The Human Sciences and the Coercive Transformation of Deviants in Russia, 1890–1930 // *Osiris*. 2007. Vol. 22. № 1. P 26–47.

Bobroff A. The Bolsheviks and working women, 1905–1920 // *Soviet Studies*. 1974. Vol. 26. № 4. P 177–194.

Heather D.H. Engendering a People: Soviet Women and Socialist Rebirth in Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 1999. № 3–4. P 431–455.

Enever A. «How the Modern Girl Attains Strength and Grace»: the Girl's Own Paper, sport and the discipline of the female body, 1914–1956 // *Women's History Review*. 2015. Vol. 24. № 5. P 662–680.

Ewing E.T. Maternity and Modernity: Soviet women teachers and the contradictions of Stalinism // *Women's History Review*. 2010. Vol. 19. № 3. P 451–477.

Fenton L. Women Drinking Out in Britain since the Early Twentieth Century, David W. Gutzke // *Women's History Review*. 2017. Vol. 26. № 2. P 308–310.

Gorsuch A.E. «A Woman is Not a Man»: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 3 (Autumn, 1996). P 636–660.

Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // *Social History*. 1992. Vol. 17. Issue 2. P. 189–201.

Gorsuch A.E. Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Goss L. The Body in the Margins // *Performance Research*. 2015. Vol. 20. № 6. P 12–16.

Gradskova Yu. Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930-1960s. Stockholm: Edita, 2007.

Harshman D.R. Cooking up a New Everyday: Communal Kitchens in the Revolutionary Era, 1890–1935 / D. R. Harshman // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29. № 2. P. 211–233.

Hatch J. Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928 // *The Russian Review*. Vol. 53. № 1 (Jan., 1994). P 90-117.

Hudson D. «A woman so curiously fear-free and venture-some»: Eleanor Franklin Egan reporting the Great Russian Famine, 1922 // *Women's History Review*. 2017. Vol. 26. № 2. P 195–212.

Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Lenin-grad, 1924-38 // *Journal of Social History*. 1996. Vol. 30. № 1 (Autumn). P 97-128.

McKinney J.R. Lone mothers in Russia: Soviet and Post-Soviet policy // *Feminist Economics*. 2004. Vol. 10. № 2. 37–60.

Neil B. Weissman Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37. № 2 (June). P 228–240.

Neuberger J. Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersburg Popular Press // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. № 2 (Summer). P 177–194.

Pretty D. The Cotton Textile Industry in Russia and the Soviet Union // National overview Russia and the USSR, Textile conference IISH, Winthrop University, 2004. P. 1–54.

Rojek C. Decentring leisure. Rethinking leisure theory. London: SAGE Publication, 1995.

Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Societe / Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. P. 383–400.

Ryan J. Cleansing NEP Russia: State Violence Against the Russian Orthodox Church in 1922 // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. № 9. P 1807–1826.

Smith S. Class and gender: Women's strikes in St Petersburg, 1895–1917 and In Shanghai, 1895–1927 // *Social History*. 1994. Vol. 19. № 2. P 141–168.

Smith S.A. The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia / *S.A. Smith* // *Past & Present*. 1998. №. 160. P 167–202.

Stebbins R.A. Casual leisure: a conceptual statement // *Leisure Studies*. 1997. Vol. 16. P. 17–25.

Vito G.F., Maahs J.R., Holmes M.R. Criminology: Theory, Research, and Policy. Jones & Bartlett Learning, 2006.

Williams D.J. Deviant leisure: rethinking «the good, the bad, and the ugly» // *Leisure sciences*. 2009. Vol. 31. P. 202–213.

ОБАЯНИЕ ПОРОКА

ПАГУБНЫЕ СТРАСТИ
НАСЕЛЕНИЯ
ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА

УЛЬЯНОВА С.Б.

в 1920-е
годы

СИДОРЧУК И.В.

Примечания

1

Тард Г. Сравнительная преступность. М., 1907. С. 33.

[Вернуться](#)

2

Термин «девиантный» происходит от латинского *deviatio* (отклонение) и в современных социальных и гуманитарных науках используется для обозначения поведения человека, не соответствующего нормам закона или обычая.

[Вернуться](#)

3

Согласно теории стигматизации Г. Беккера, общество «вешает» на отдельных людей клеймо, а это, в свою очередь, усиливает девиантность (Becker H. *The Outsiders*. London; New York: Collier-Macmillan Free press of Glencoe, 1963. P. 8–9). Жестокий город сам создавал девиантов, не давая шансов воришке-беспризорнику стать законопослушным гражданином, а девушке-проститутке вернуться к нормальной жизни. Оказавшись на дне, они вынуждены были там и оставаться, формируя свои субкультурные практики, пугающие обывателя.

[Вернуться](#)

4

В этой книге мы не пишем о российской деревне 1920-х гг., где также произошли кардинальные перемены. Однако в сфере досуга деревенское общество оказалось гораздо более привержено традиции,

а изредка появлявшиеся новые развлечения представляли собой или городские заимствования, или результат усилий партийно-государственной политики по насаждению нового быта.

[Вернуться](#)

5

Мы начинали этот проект совместно с Н.В. Офицеровой, безвременная смерть которой стала большой утратой.

[Вернуться](#)

6

Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории): сб. ст. М., 1966. С. 39–40.

[Вернуться](#)

7

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.

[Вернуться](#)

8

Rojek C. Decentring leisure. Rethinking leisure theory. London: SAGE Publication, 1995. P. 100.

[Вернуться](#)

9

Vito G.F., Maahs J.R, Holmes M.R. Criminology: Theory, Research, and Policy. Jones & Bartlett Learning, 2006. P. 217–218.

[Вернуться](#)

10

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // *Slavic Review*. Vol. 37, No. 2 (Jun., 1978). P. 228–240. С. 232; *Hatch J.* Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925–1928 // *The Russian Review*. Vol. 53, No. 1 (Jan., 1994). P. 114.

[Вернуться](#)

11

Михневич В. Исторические этюды русской жизни. Т. 2. СПб., 1882. С. 450.

[Вернуться](#)

12

Хренов Н.А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005. С. 488.

[Вернуться](#)

13

Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 2003. С. 178.

[Вернуться](#)

14

Уже в 1920-е гг. один из героев М. Зощенко хвалился тем, что в молодости мог «свободно четверть выкушать».

[Вернуться](#)

15

Засосов Д.А, Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. СПб., 1999. С. 122.

[Вернуться](#)

16

Курукин И.В., Никулина Е.Л. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 297.

[Вернуться](#)

17

Покровская М. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. Отд. 2. С. 19–20.

[Вернуться](#)

18

Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 115.

[Вернуться](#)

19

Курукин И.В., Никулина Е.Л. Повседневная жизнь русского кабака... С. 298.

[Вернуться](#)

20

Михневич В. Язвы Петербурга: опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 2003. С. 518519.

[Вернуться](#)

21

Там же. С. 523.

[Вернуться](#)

22

Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы междунар. colloquium). СПб., 1999. С. 147–159.

[Вернуться](#)

23

Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы): автореф. дис... канд. ист. наук. М.: [Б. и.], 2013. С. 29.

[Вернуться](#)

24

См.: *Закаржевская А.Н., Гарцуев М.А. Развитие хулиганства в уголовном праве Российской империи // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства: сб. ст. междунар. науч. – практ. конференции. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 77.*

[Вернуться](#)

25

Горановский М.А. Хулиганство и меры борьбы с ним. Гродно., 1913. С. 2.

[Вернуться](#)

26

Фоменко К.И. Хулиганство. Киев, 1913. С. 3.

[Вернуться](#)

27

Фоменко К.И. Хулиганство. Киев, 1913. С. 1.

[Вернуться](#)

28

Тюрин П.Т. Психология хулиганства (нормативность природы и ненормативность души) // Человек. ги. 2014. № 9. С. 222.

[Вернуться](#)

29

Neuberger J. Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersburg Popular Press // Slavic Review. Vol. 48, No. 2 (Summer, 1989). P. 178–179. См. также: Beer D. Blueprints for Change: The Human Sciences and the Coercive Transformation of Deviants in Russia, 1890–1930 // Osiris. Vol. 22, No. 1. The Self as Project: Politics and the Human Sciences (2007). P. 35.

[Вернуться](#)

30

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia. P. 230.

[Вернуться](#)

31

Отзыв Московского Столичного Мирового Съезда о министерском законопроекте о мерах борьбы с хулиганством // Юридический вестник. 1913. Кн. III. С. 235, 231.

[Вернуться](#)

32

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia. P. 232; Блинов М.Л. Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 35.

[Вернуться](#)

33

Адоньева С. Дух народа и другие духи. СПб., 2009. С. 72.

[Вернуться](#)

34

Михневич В. Язвы Петербурга. С. 374.

[Вернуться](#)

35

Там же. С. 381.

[Вернуться](#)

36

Михневич В. Язвы Петербурга. С. 393.

[Вернуться](#)

37

Пыляев М.И. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1898. С. 370.

[Вернуться](#)

38

ЦГИА СПб. Ф. 965. Оп. 2. Д. 213. Л. 14–14 об.

[Вернуться](#)

39

Там же. Л. 10.

[Вернуться](#)

40

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 20–26.

[Вернуться](#)

41

ЦГИА СПб. Ф. 569 Оп. 12. Д. 18. Л. 2 об.

[Вернуться](#)

42

Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 101.

[Вернуться](#)

43

Хмельницкая И.Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века: Петербург и Москва. М., 2011. С. 60.

[Вернуться](#)

44

Там же. С. 65.

[Вернуться](#)

45

Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1981.

[Вернуться](#)

46

Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. С. 193.

[Вернуться](#)

47

Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 61.

[Вернуться](#)

48

Балдин К.Е. Повседневная жизнь российских рабочих-кооператоров в годы Первой мировой войны // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Материалы междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 288.

[Вернуться](#)

49

1 фунт в русской системе мер равен 0,45 кг.

[Вернуться](#)

50

Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М., 2007. С. 92.

[Вернуться](#)

51

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. С. 232.

[Вернуться](#)

52

Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 4.

[Вернуться](#)

53

Петроград на переломе эпох. СПб., 2000. С. 61.

[Вернуться](#)

54

Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 291–292.

[Вернуться](#)

55

Скипина И.В. Современные исследователи о социальной атмосфере в России в период гражданской войны // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2003. № 1. С. 213.

[Вернуться](#)

56

Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 25–26, 92–93.

[Вернуться](#)

57

Постановление СНК РСФСР «О воспреещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». 19 декабря 1919 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alppp.ru> (дата обращения 12.03.2017).

[Вернуться](#)

58

Аничкова С.И. Загадка Ленина: из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 155.

[Вернуться](#)

59

Григорьев С. Казарма // Круг: альманах артели писателей. Кн. 4. М., 1925. С. 120.

[Вернуться](#)

60

Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920-1930-е годы. СПб., 2010. С. 116.

[Вернуться](#)

61

Аничкова С.И. Загадка Ленина. С. 162–163.

[Вернуться](#)

62

Чистиков А.Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб.: Изд-во журнала «Нева», 2000. С. 301.

[Вернуться](#)

63

Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов-н/Д., 2012. С. 264–265.

[Вернуться](#)

64

Письма во власть. 1917–1927. М., 1998. С. 29.

[Вернуться](#)

65

Там же. С. 44–45.

[Вернуться](#)

66

Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Изд-во журнала «Нева», 2000; *Хоффманн Д.* Возвращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018.

[Вернуться](#)

67

Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 10.

[Вернуться](#)

68

Ленинградская правда. 1926. 20 окт. Везенбергская шпана получила свое прозвище по имени Везенбергской улицы (ныне – улица Розенштейна). Дом просвещения им. К.А. Тимирязева (Обводный канал, д. 147), основанный в 1908 г., был самым крупным очагом культуры Московско-Нарвского района.

[Вернуться](#)

69

Неслучайно в милицеских сводках самым распространенным преступлением были самогонование и шинкарство: «На территории 19-го Отделения, в 17 час. во время обхода по Б. Спасской ул. в д. № 30 кв. 11 у гр-ки ИГНАТЬЕВОЙ Нины Павловны была обнаружена выгонка самогонки» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 119. Л. 72. Сводка о происшествиях за время с 10 час. 5-го до 10 час. 6-го декабря 1925 г.); «На территории 15-го Отделения, по 3-й линии д. № 6 в кв. №№ 2 и 5 обнаружена самогонка у гр. гр. КГНЕР (нрзб.) Августина Яковлевича и ГАЛКИНА Леонида Ивановича» (Там же. Л. 144 об. Сводка о происшествиях за время с 10 час. 22-го до 10 час. 23-го января 1926 г.); «На территории 9-го Отделения, в кипяточной-закусочной принадлеж. гр-ке КРОГИС Елене, помещ. по Лиговской ул. д. № 235 обнаружено полбутылки хлебного вина, полбутылки самогонки и 2 порожние бутылки с запахом самогонки» (Там же. Л. 239).

Сводка о происшествиях за время с 10 час. 12-го до 10 час. 13-го марта 1926 г.) и т. д.

[Вернуться](#)

70

Чуковский К.И. Дневник. 15 апреля 1924 г.

[Вернуться](#)

71

Цит. по: Девиантность и социальный контроль в России. СПб., 2000. С. 37.

[Вернуться](#)

72

Цит. по: *Алянский Ю.Л.* Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 2003. С. 27–28.

[Вернуться](#)

73

Зоценко М. Лимонад.

[Вернуться](#)

74

Цит. по: *Мусаев В.И.* Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 135.

[Вернуться](#)

75

Самогонные заводы в психиатрической больнице // Красная газета. Вечерний вып. 1925. № 9. 10 янв. С. 3.

[Вернуться](#)

76

Гард Э. «Луга-пьяная» // Там же. 1925. 2 февр. № 27. С. 4.

[Вернуться](#)

77

Мусаев В.И. Городская повседневность. С. 136.

[Вернуться](#)

78

цГа СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 282. Л. 12 об. Отчет административного отдела Ленинградского губисполкома за октябрь-декабрь 1925 г.

[Вернуться](#)

79

Борьба с шинкарями // Красная газета. Вечерний вып. 1927. 1 сент. № 235. С. 5.

[Вернуться](#)

80

Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Библиотека-Алия, 1982. С. 266–267.

[Вернуться](#)

81

Измозик В.С. НЭП через замочную скважину. Советская власть глазами советского обывателя // Родина. 2001. № 8. С. 84.

[Вернуться](#)

82

Шульгин В.В. Три столицы.

[Вернуться](#)

83

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 282. Л. 12 об. Отчет административного отдела Ленинградского губисполкома за октябрь-декабрь 1925 г.

[Вернуться](#)

84

Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922–1927 гг. М.: ЦСУ СССР, 1929. С. 28.

[Вернуться](#)

85

Павлюченков С.А., Аманжолова Д.А., Булдаков В.П. и др. Россия нэповская. М., 2002. С. 269.

[Вернуться](#)

86

Дидрихсон Б. Город Ленина мобилизуется на борьбу с алкоголизмом (Письмо из Ленинграда) // Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 12

[Вернуться](#)

87

Туберкулез, сифилис и алкоголизм (К пленуму секции здравоохранения Ленинградслвета) // Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. 1 сент. № 235. С. 5.

[Вернуться](#)

88

Борьба с пьянством // Там же. 1925. 3 марта. № 53. С. 3.

[Вернуться](#)

89

Панин С.Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92–102.

[Вернуться](#)

90

Дейчман Э. Факты и цифры об алкоголизме в нашей стране // Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 5–6.

[Вернуться](#)

91

Образцов, врач. Еще о пьянстве // Егоровец. 1928. 27 сент. № 5 (50). С. 6.

[Вернуться](#)

92

Отчего пьют дети и молодежь? // Трезвость и культура. 1928. № 3. С. 5.

[Вернуться](#)

93

Там же.

[Вернуться](#)

94

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 331.

[Вернуться](#)

95

Полетика Н.П. Виденное и пережитое. С. 266.

[Вернуться](#)

96

По желанию (*лат.*).

[Вернуться](#)

97

Шульгин В.В. Три столицы.

[Вернуться](#)

98

Гард Э. «Человек из ресторана» // Красная газета. Вечерний вып. 1927. 31 окт. № 295. С. 3.

[Вернуться](#)

99

Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Н. Новгород, 2015. С. 69.

[Вернуться](#)

100

Григорьева, врач. Алкоголь – яд // Егоровец. 1929. 24 окт. № 11. С. 3.

[Вернуться](#)

101

Трезвость и культура. 1928. № 2. С. 13

[Вернуться](#)

102

Шпана мешает // Электросила. 1928. 28 апр. № 7 (50). С. 2.

[Вернуться](#)

103

Адулов. О плохих обедах, грязных приборах и пиве // Ленинградская правда. 1927. 1 дек. № 274. С. 4.

[Вернуться](#)

104

ЦГАИПД СПб. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 61а. Л. 23–24.

[Вернуться](#)

105

«Закреть пьяную „живопырку“» // Красная заря. 1928. 21 янв. № 2 (6). С. 5.

[Вернуться](#)

106

Старое в нашем быту // Вестник профсоюзов (ежемесячный орган Северо-Западного Областного Бюро ВЦСПС и Ленгубпрофсовета). 1924. № 6. С. 77.

[Вернуться](#)

107

Карманный вор.

[Вернуться](#)

108

Беспрозванный. Пьяница // Красный треугольник. 1929. 1 апр. № 17 (56). С. 4.

[Вернуться](#)

109

Бернгард К. Вместо пьянки – вечера самодеятельности // Ленинградская правда. 1927. 7 сент. № 203. С. 4.

[Вернуться](#)

110

Жига И. Думы рабочих, заботы, дела. Записки рабкора. Л., 1927. С. 37.

[Вернуться](#)

111

За режим экономии // Производственное совещание (журн. Ленингр. губпрофсовета). 1926. № 9. С. 2.

[Вернуться](#)

112

Делегатка. Пьянство в столовой // Стапель. 1928. 7 нояб. № 9. С. 3.

[Вернуться](#)

113

Алексеев. «Буксиры» // Красная заря. 1929. 26 янв. № 2 (31). С. 5
[Вернуться](#)

114

Барк М. В дни полочки // Красный треугольник. 1929. 8 апр. № 19 (58). С. 2.
[Вернуться](#)

115

Князев В. Пивная или клуб // Ленинградская правда. 1926. 2 февр. № 26. С. 5.
[Вернуться](#)

116

Оса. Завьялов кутит // Голос Казицких. 1928. 28 июля. № 5. С. 3.
[Вернуться](#)

117

Ник. На борьбу с алкоголем // Там же. 1928. 3 июля. № 3. С. 4.
[Вернуться](#)

118

Сухов В. Смесь – больница и милиция. (Не разберешь – куда надо!) // Ленинградская правда. 1926. 9 янв. № 7. С. 6.
[Вернуться](#)

119

Каплун. Герои пьянки и разврата // Красный треугольник. 1929.

[Вернуться](#)

120

нояб. № 77 (116). С. 4.

² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 118. Л. 157. Сводка о происшествиях за время с 9 час. 14-го до 9 час. 15-го сентября 1925 г.

[Вернуться](#)

121

Зоценко М. Тормоз Вестингауза.

[Вернуться](#)

122

Язва. О пьянке // Красный железнодорожник. 1928. 16 сент. № 11. С. 3.

[Вернуться](#)

123

Герасимов. К чему ведет алкоголизм // Там же. 1928. 16 нояб. № 16. С. 4.

[Вернуться](#)

124

Гров. В поход на алкоголь // Красный треугольник. 1929. 31 дек. № 122 (161). С. 4.

[Вернуться](#)

125

Похмелье // Ленинградская правда. 1928. 18 апр. № 90 (3896). С. 3.

[Вернуться](#)

126

М. За трезвость! // Красная заря. 1928. 25 авг. № 17 (21). С. 4.

[Вернуться](#)

127

Кепка. Долой пьянство! // Красный железнодорожник. 1928. 16 апр. № 3. С. 2.

[Вернуться](#)

128

Формовщик. Положить конец // Голос Балтийца. 1928. 10 марта. № 3 (91). С. 3.

[Вернуться](#)

129

Следопыт. Меткие стрелки по бутылкам // Там же. 1928. 24 марта. № 4 (92). С. 3.

[Вернуться](#)

130

Зверь Капустный. В пьянстве нет поощрения никому // Там же. 1928. 24 марта. № 4 (92). С. 3.

[Вернуться](#)

131

Строитель. Пьяные уголки // Там же. 1928. 28 июля. № 12 (100). С. 3.

[Вернуться](#)

132

Л-д. Пьем дружно // *Электросила*. 1928. 21 марта. № 4 (47). С. 3.

[Вернуться](#)

133

Андреев, Напорко. Убрать базари вино // *Красный железнодорожник*. 1929. 12 июля. № 15. С. 4.

[Вернуться](#)

134

Не пьяница. «Конкурс пьяниц» // *Стапель*. 1928. Июнь. № 2. С. 2.

[Вернуться](#)

135

Скиталец. «Мурманка». Показательный процесс в Лодейном Поле // *Ленинградская правда*. 1927. 27 июля. № 169. С. 5.

[Вернуться](#)

136

Пьянство в поездах // *Красная газета. Вечерний выпуск*. 1927. 16 дек. № 338. С. 3.

[Вернуться](#)

137

Пьяные водители // Ленинградская правда. 1927. 23 авг. № 190. С. 4.

[Вернуться](#)

138

Белицкий Г. Братва // Ленинградская правда. 1928. 1 июня. № 126. С. 3.

[Вернуться](#)

139

ЦГАИПД СПб. Ф. 587. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–2.

[Вернуться](#)

140

Слесаря по бутылкам и токаря по мату (Небольшая характеристика их «высокополезной деятельности») // Красная заря. 1928. 21 янв. № 2 (6). С. 5.

[Вернуться](#)

141

Ртутный Ф. «Подначка» // Массовик (прилож. к «Ленинградской правде»). 1925. 18 мая. № 18 (71). С. 3.

[Вернуться](#)

142

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 119. Л. 73–73 об. Сводка ответственного дежурного по Ленинградской городской милиции о происшествиях за

время с 10 час. 6-го до 10 час. 7-го декабря 1925 г.

[Вернуться](#)

143

Там же. Оп. 11. Д. 275. Л. 155 об. Сводка о происшествиях за время с 10 часов 14-го до 10 часов 15-го апреля 1927 г.

[Вернуться](#)

144

Рафаил М. За нового человека. Л., 1928. С. 11.

[Вернуться](#)

145

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 86. Д. 2 Циркуляр государственных дорог губернии, доклад об азартных играх в игорных клубах, март-май 1927 г. Л. 41–42 об.

[Вернуться](#)

146

Шабалин В.В. Пьянка, выпивка, попойка (Фоновые практики районной номенклатуры) // Алкоголь в России: материалы междунар. науч. – практ. конф. Иваново: филиал РГГУ в г. Иваново, 2012. С. 19–25.

[Вернуться](#)

147

Боровинин А. Пьяное цехпрофбюро // Красный треугольник. 1929. 23 сент. № 56 (95). С. 4.

[Вернуться](#)

148

Каплун. Герои пьянки и разврата // Там же. 1929. № 77 (116).

[Вернуться](#)

149

нояб. С. 4.

²Н.Ф. «Сегодня я праздничная» // Там же. 1929. № 19 (58). 8 апр. С.

4.

[Вернуться](#)

150

Происшествия. Ч. 3-я: из газет 1922–1927 гг. СПб., 2006.

[Вернуться](#)

151

967 задержанных. Публикуем список пьяных дебоширов // Ленинградская правда. 1928. 28 июня. № 148. С. 4.

[Вернуться](#)

152

Образчики хулиганства // Красная Заря. 1929. 5 нояб. № 35 (64). С. 6.

[Вернуться](#)

153

Там же.

[Вернуться](#)

154

Герои и жертвы зеленого змия. Из наблюдений судебного работника
// Рабочий суд. 1924. № 1–2. Стб. 30.

[Вернуться](#)

155

Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков),
принятая на VIII съезде партии (18–23 марта 1919 г.) // КПСС в
резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд.
Ч. I (1898–1925). М., 1953. С. 420–421.

[Вернуться](#)

156

50 000 «духовных притонов» // Трезвость и культура. 1929. Апр.
№ 8. С. 8–9.

[Вернуться](#)

157

Черемных М. Убедились // Безбожник. 1925. Апр. № 2.оборот
обложка.

[Вернуться](#)

158

«Расейские» и библейские первопьяницы // Безбожник у станка.
1929. № 19. С. 21.

[Вернуться](#)

159

Воронежский Мих. Духовные кабатчики // Там же. 1929. № 19. С. 13.
[Вернуться](#)

160

Гусев С. Предисловие. О борьбе с наследием прошлого / под ред. Е. Ярославского. М., 1925. С. 3.
[Вернуться](#)

161

Нукалкин И.Н. Оградим труд рабочего от пьянства и религии // Безбожник у станка. 1929. № 19. С. 6.
[Вернуться](#)

162

Пруссак М. Древо жизни // Атеист. 1928. Дек. № 35. С. 44.
[Вернуться](#)

163

Зайцев С. Во славу Божию // Безбожник у станка. 1929. № 19. С. 5.
[Вернуться](#)

164

Антон Логинов. И «спас» не спасся // Там же. 1929. № 15. С. 6.
[Вернуться](#)

165

Троцкий Л.Д. Водка, церковь и кинематограф // Троцкий Л.Д. Культура переходного периода. М.; Л., 1927.

[Вернуться](#)

166

Цит. по: *Жирков Г.В. Печать в системе антирелигиозной пропаганды периода НЭПа (1921-1927-е гг.) // Медиаскоп. Электронный науч. журнал. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru>.*

[Вернуться](#)

167

Бехтерев В.М. Алкоголизм и борьба с ним. Л., 1927. С. 31.

[Вернуться](#)

168

Ф.М. Цена пьяных праздников (Клинский район, Московского округа) // Безбожник у станка. 1929. № 19. С. 23.

[Вернуться](#)

169

Антон Логинов. И «спас» не спасся // Безбожник у станка. 1929. № 15. С. 6–7.

[Вернуться](#)

170

Партиец во христе // Электросила. 1929. 17 окт. № 40 (113). С. 3; У Дзуликий Янус // Электросила. 1929. 29 апр. № 10 (88). С. 4; Чистка продолжается // Балтиец. 1929. 10 окт. № 38 (148). С. 1; Член партии.

Помолилась и на душе легче // Балтиец. 1929. 14 июня. № 21 (131). С. 2.

[Вернуться](#)

171

Безбожница. А германским рабочим собираете? / Листок рабкора. 1923. 24 нояб. № 1. С. 3.

[Вернуться](#)

172

Трезвость и культура. 1929. Апр. № 8. С. 3.

[Вернуться](#)

173

Кабельщик. 1929. 1 мая. № 6–7 (62–63). С. 2.

[Вернуться](#)

174

Красный треугольник. 1929. 24 дек. № 117 (156). С. 1.

[Вернуться](#)

175

Электросила. 1928. 2 янв. № 17 (60). С. 3.

[Вернуться](#)

176

Евдокимова (3 кабельная). Попили – хватит // Кабельщик. 1929. 1 мая. № 6–7 (62–63). С. 2.

[Вернуться](#)

177

Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 188.

[Вернуться](#)

178

Прозревшая работница. От старой жизни к новой. Сбросьте поповскую пелену! / Листок рабкора. 1924. № 7. 19 января. С. 2.

[Вернуться](#)

179

Безбожница. А германским рабочим собираете? (Коробочная ф-ка Година) / Листок рабкора. Еженед. прилож-е к «Петроградской правде». 1923. № 1. 24 нояб. С. 3.

[Вернуться](#)

180

Лабаева Т., Рабкорка. Сашнина – первая. Кто будет второй? (Призыв к работницам трампарка имени Смирнова) / Листок рабкора. 1924. 12 янв. № 6. С. 1.

[Вернуться](#)

181

В.П. Великий пост // Работница и крестьянка. 1924. № 6. С. 24.

[Вернуться](#)

182

В.П. Великий пост // Работница и крестьянка. 1924. № 6. С. 24.

[Вернуться](#)

183

Член партии. Помолилась и на душе легче // Балтиец. 1929. 14 июня. № 21 (131). С. 2.

[Вернуться](#)

184

И.А. После крестин – пьяный кутеж // Балтиец. 1929. № 21 (131).

14 июня. С. 2. Скорее всего, речь идет о введении ограничений на продажу облигаций (по закону, купленную облигацию можно было свободно продать через сберкасса, но реально государство с 1928 г. стало ограничивать эту практику, что привело к созданию нелегального рынка облигаций). Человек уже подписался на заем, значит, скорее всего, у него вычтут эти деньги из зарплаты. Поэтому он торопится купить облигацию сразу за живые деньги, чтобы иметь возможность ее продать легально и не потерять при продаже спекулянту (те скупали 100-рублевые облигации на 5-10 руб.).

[Вернуться](#)

185

Железная метла. Проповедник / Балтиец. 1929. 31 дек. № 58 (168). С. 2.

[Вернуться](#)

186

Моторный. «Православные» / Стапель. 1929. 15 апр. № 6 (18). С. 4.

[Вернуться](#)

187

«Вы жертвою пали» // Электросила. 1928. 13 апр. № 6 (49). С. 2.

[Вернуться](#)

188

Стельмах П. Под защитным цветом // Обывательщину – на прицел!: сб. ст. и фельетонов. Л., 1928. С. 78.

[Вернуться](#)

189

Лок А. Черный фронт // Ленинградская правда. 1928. 11 мая. № 108. С. 3.

[Вернуться](#)

190

Цит. по: *Хили Д.* Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М., 2008. С. 190.

[Вернуться](#)

191

Чавкина М.А. Девиантное поведение в рабочей среде в годы нэпа (на примере БАССР) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8 (22): в 2 ч. Ч. II. Тамбов: Грамота, 2012. С. 218.

[Вернуться](#)

192

Трамп М. Под фонарем «Эльдорадо» // Обывательщину – на прицел!
С. 28–29.

[Вернуться](#)

193

Там же. С. 29

[Вернуться](#)

194

Улица Марата.

[Вернуться](#)

195

Советские улицы не пересекаются с улицей Марата. Может быть, автор имел в виду Социалистическую улицу.

[Вернуться](#)

196

Трамп М. Под фонарем «Эльдорадо». С. 29.

[Вернуться](#)

197

От англ. shimmy (1. вибрация, 2. женская сорочка) – танец, появившийся в 1917 г. В его основу положены танцы американских индейцев. Особенность заключается в том, что тело удерживается на месте, тогда как плечи быстро двигаются туда и обратно.

[Вернуться](#)

198

Трамп М. Под фонарем «Эльдорадо». С. 31.

[Вернуться](#)

199

Культработник. Оперетта, чарльстон и фокстрот // Кабельщик.
1929. 28 сент. № 13 (69). С. 4.

[Вернуться](#)

200

Нетанцующий. Танцулька // Красная заря. 1929. № 2 (31). С. 2.

[Вернуться](#)

201

Комсомолка. Мещаночка // Там же. 1928. 15 апр. № 8 (12). С. 5.

[Вернуться](#)

202

Краснорядцев Н. Товарищески подходить к девушке // Балтиец.
1929. № 17 (127). С. 3.

[Вернуться](#)

203

Киркиж. Является ли клуб местом массового воспитания молодежи?
// Там же. 1929. 12 дек. № 53 (163). С. 5.

[Вернуться](#)

204

Киркиж. Является ли клуб местом массового воспитания молодежи?
// Там же. 1929. 12 дек. № 53 (163). С. 5.

[Вернуться](#)

205

Разные бывают // Пионерская правда. 1927. 1 окт. № 26. С. 3.

[Вернуться](#)

206

Стратоницкий А. Вопросы быта в комсомоле. Л., 1926. С. 28–29.

[Вернуться](#)

207

В.М. Дикари // Красная заря. 1929. 10 авг. № 22 (51). С. 3.

[Вернуться](#)

208

Городецкая С. Ненужный журнал // Ленинградская правда. 1928. 16 мая. № 112. С. 5.

[Вернуться](#)

209

Работница и крестьянка. 1925. № 5 (23). С. 26.

[Вернуться](#)

210

Gradszkova, Yu. Soviet people with female bodies. Performing beauty and maternity in Soviet Russia in the mid 1930-1960s. Stockholm: Edita, 2007. P 118.

[Вернуться](#)

211

Работница и крестьянка. 1925. № 10 (28). С. 43.

[Вернуться](#)

212

Боголюбова О. Косметические яды // Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. 6 сент. № 240. С. 5.

[Вернуться](#)

213

Капыш. С танцульки – на работу // Листок рабкора «Ленинградской правды». 1925. 24 янв. № 4 (57). С. 2.

[Вернуться](#)

214

Рафаил М. За нового человека. Л., 1928. С. 50–51.

[Вернуться](#)

215

Каган А.Г. Молодежь после гудка. М.; Л., 1930. С. 183.

[Вернуться](#)

216

Комсомольский И. «Джимми» или баня? // Красная заря. 1928.
15 апр. № 8 (12). С. 5.

[Вернуться](#)

217

Эльха. Против грязной внутренности // Красновыборжец. 1928. 18
апр. № 6. С. 3.

[Вернуться](#)

218

Стратоницкий А. Вопросы быта в комсомоле. Л., 1926. С. 19.

[Вернуться](#)

219

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., 1928.
С. 69–70.

[Вернуться](#)

220

Трамп М. Под фонарем «Эльдорадо» // Обывательщину – на прицел!
Сборник статей и фельетонов. Л. 1928. С. 33.

[Вернуться](#)

221

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния. С. 101.

[Вернуться](#)

222

Луначарский А.В. Упадочные настроения среди молодежи //
Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. С. 15.

[Вернуться](#)

223

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния... С. 98.

[Вернуться](#)

224

Цит. по: Упадочное настроение среди молодежи. С. 129.

[Вернуться](#)

225

Луначарский А.В. Упадочные настроения... С. 13.

[Вернуться](#)

226

Там же.

[Вернуться](#)

227

Упадочное настроение среди молодежи. С. 124.

[Вернуться](#)

228

Упадочное настроение среди молодежи. С. 149.

[Вернуться](#)

229

Там же. С. 115.

[Вернуться](#)

230

Луначарский А.В. Упадочные настроения... С. 27.

[Вернуться](#)

231

Упадочное настроение среди молодежи. С. 109.

[Вернуться](#)

232

Упадочное настроение среди молодежи. С. 140.

[Вернуться](#)

233

Там же. С. 69.

[Вернуться](#)

234

Там же. С. VII–VIII.

[Вернуться](#)

235

Рафаил М. За нового человека. С. 40.

[Вернуться](#)

236

Недовольные жизнью. Упадочников – в штыки! // Товарищ. 1928. 14 февр. № 9 (67). С. 4.

[Вернуться](#)

237

Недовольные жизнью. Упадочников – в штыки! // Товарищ. 1928. 14 февр. № 9 (67). С. 4.

[Вернуться](#)

238

Письмо студента Юрова // Там же.

[Вернуться](#)

239

Рафаил М. За нового человека. С. 40–41.

[Вернуться](#)

240

Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М., 2008. С. 140.

[Вернуться](#)

241

Мусаев В.И. Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 139.

[Вернуться](#)

242

Там же.

[Вернуться](#)

243

Браннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. М., 1927. С. 40.

[Вернуться](#)

244

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в. М., 1994. С. 105–113.

[Вернуться](#)

245

Чуковский К.И. Дневники. 4 сентября 1925 г.

[Вернуться](#)

246

Бараш М. Проституция (конспект лекции). М., 1925. С. 6.

[Вернуться](#)

247

Девиантность и социальный контроль в России. СПб., 2000. С. 69.

[Вернуться](#)

248

Чуд. Арсений. Ночные притоны // Ленинградская правда. 1928. № 93 (3899). 21 апреля. С. 3.

[Вернуться](#)

249

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге. С. 105–113.

[Вернуться](#)

250

Чуд. Арсений. Ночные притоны // Ленинградская правда. 1928. 21 апр. № 93 (3899). С. 3.

[Вернуться](#)

251

Соскин Е.Я. Против половой распущенности (Письмо врача-венеролога) // Ленинградская правда. 1928. 9 мая. № 106. С. 5.

[Вернуться](#)

252

Шульгин В.В. Три столицы.

[Вернуться](#)

253

Преступный мир Петрограда // Последние новости. 1923. № 36 (58).
С. 3.

[Вернуться](#)

254

Бельский П.Г. Хулиганство в детском и юношеском возрасте // Хулиганство и преступление. М.; Л., 1927. С. 102.

[Вернуться](#)

255

Гальперин С.Е. Проституция. М., 1927. С. 3.

[Вернуться](#)

256

Василевский Л.М. Проституция и рабочая молодежь. Социальногигиенический очерк. М., 1924. С. 73.

[Вернуться](#)

257

Цуккер Б.В. Проституция. Ее причины и борьба с ней. М., 1927. С. 10.

[Вернуться](#)

258

ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 588. Л. 43. Письмо Исполнительного бюро профсекции ЛПИ им. М.И. Калинина уполномоченному Наркомпроса Б.П. Позерну от 9.07.1926 г. (Копия).

[Вернуться](#)

259

Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922. С. 46.

[Вернуться](#)

260

Пильняк Б. Снега.

[Вернуться](#)

261

Толстой А.Н. Случай на Бассейной улице.

[Вернуться](#)

262

Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Н. Новгород, 2018.
С. 225.

[Вернуться](#)

263

Листок рабкора «Ленинградской правды». 1925. 24 янв. № 4. С. 2.

[Вернуться](#)

264

Гард Э. «Дурная болезнь» // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925.
20 февр. № 43. С. 4.

[Вернуться](#)

265

Василевский Л.М. Проституция и рабочая молодежь: социальногигиенический очерк. М., 1924. С. 53.

[Вернуться](#)

266

Там же. С. 37–38.

[Вернуться](#)

267

Бараш М. Проституция (конспект лекции). М., 1925. С. 15.

[Вернуться](#)

268

Василевский Л.М. Проституция и рабочая молодежь. С. 8–9.

[Вернуться](#)

269

Каров А.Н., д-р. Проституция и новый быт. М., 1927. С. 23.

[Вернуться](#)

270

Голосенко И. Социологические исследования проституции в России. История и современное состояние вопроса. СПб., 1998. С. 62.

[Вернуться](#)

271

Цит. по: *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами. М., 2004.

[Вернуться](#)

272

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., 1928. С. 85.

[Вернуться](#)

273

Маклашкин С. Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь. Трудные повести / сост. и предисл. А.И. Ванюкова. М., 1990. С. 485.

[Вернуться](#)

274

Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. С. 180.

[Вернуться](#)

275

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния. С. 86–87.

[Вернуться](#)

276

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния. С. 80.

[Вернуться](#)

277

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния... С. 86.

[Вернуться](#)

278

Каверин В. Конец хазы // Каверин В. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1980. С. 254.

[Вернуться](#)

279

Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. С. 108.

[Вернуться](#)

280

Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. С. 46.

[Вернуться](#)

281

Там же. С.63.

[Вернуться](#)

282

Цит. по: *Иванов В.А. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов Ленинграда в начале 1930-х годов и их погром // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 133.*

[Вернуться](#)

283

Цит. по: Там же. С. 54–55.

[Вернуться](#)

284

Богомолов Н.А., Малм стад Дж. Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. 1996. С. 259–260.

[Вернуться](#)

285

Бехтерев В.М. О половом извращении, как особой установке половых рефлексов // Половой вопрос в школе и в жизни / под ред. И.С. Симонова. Л, 1925. С. 166. См. также: Протопопов В.П. Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма // Научная медицина. Сб. № 10. Пг., 1922. С. 49–62.

[Вернуться](#)

286

Там же. С. 167.

[Вернуться](#)

287

Бехтерев В.М. О половом извращении, как особой установке половых рефлексов // Половой вопрос в школе и в жизни / под ред. И.С. Симонова. Л, 1925. С. 166. См. также: Протопопов В.П. Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма // Научная медицина. Сб. № 10. Пг., 1922. С. 171.

[Вернуться](#)

288

Бехтерев В.М. О половом извращении, как особой установке половых рефлексов // *Половой вопрос в школе и в жизни* / под ред. И.С. Симонова. Л, 1925. С. 166. См. также: *Протопопов В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма // *Научная медицина*. Сб. № 10. Пг., 1922. С. 171..

[Вернуться](#)

289

Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. С. 64.

[Вернуться](#)

290

Ролдугина И. Раннесоветские гомосексуалы от первого лица // *Ab Imperio*. 2016. № 2.

[Вернуться](#)

291

Ролдугина И. Раннесоветские гомосексуалы от первого лица // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 221.

[Вернуться](#)

292

Там же. С. 224.

[Вернуться](#)

293

Ролдугина И. Раннесоветские гомосексуалы от первого лица // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 232.

[Вернуться](#)

294

Бехтерев В.М. О половом извращении. С. 178.

[Вернуться](#)

295

В.П. Осипов в данном случае ссылается на выводы немецкого психиатра Эмиля Крепелина (1856–1926).

[Вернуться](#)

296

Цит. по: *Хили Д.* Гомосексуальное влечение в революционной России. С. 213.

[Вернуться](#)

297

Осипов В.П. Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин: Госиздат, 1923. С. 356.

[Вернуться](#)

298

Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. С. 98.

[Вернуться](#)

299

Цит. по: *Хили Д.* Гомосексуальное влечение в революционной России. С. 177.

[Вернуться](#)

300

Иванов В.А. Контрреволюционные организации среди гомосексуалистов... С. 126.

[Вернуться](#)

301

Чистиков А.Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 305.

[Вернуться](#)

302

Чистиков А.Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 305.

[Вернуться](#)

303

Там же.

[Вернуться](#)

304

Цит. по: Там же. С. 306.

[Вернуться](#)

305

Чистиков А.Н. Государство против карточной игры // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е годы. СПб., 2000. С. 307.

[Вернуться](#)

306

Цит. по: Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Н. Новгород, 2015. С. 141–142.

[Вернуться](#)

307

Чистиков А.Н. Государство против карточной игры. С. 308.

[Вернуться](#)

308

Ленинградская правда. 1927. № 198. 1 сент. С. 5.

[Вернуться](#)

309

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 86. Д. 2. Циркуляр государственных дорог губернии, доклад об азартных играх в игорных клубах, март-май 1927 г. Л. 18.

[Вернуться](#)

310

ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 731. Наряды на охрану театров, садов, госучреждений и проведение операций по борьбе с хулиганством. 1923 г. Л. 4.

[Вернуться](#)

311

Там же. Л. 198, 226.

[Вернуться](#)

312

Сейчас в этом здании расположен Театр им. Ленсовета.

[Вернуться](#)

313

Огонек. 1930. № 6. С.13.

[Вернуться](#)

314

Непогодьев. Ну и общежитие // Стапель. 1929. 15 апр. № 6. С. 4.

[Вернуться](#)

315

Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний).
Библиотека-Алия, 1982.

[Вернуться](#)

316

Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. М., 2000.
С. 347–348; См. также: Российский государственный архив социально-
политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 467. Л.
128–129.

[Вернуться](#)

317

Цит. по: *Чистиков А.Н.* Государство против карточной игры. С. 310.

[Вернуться](#)

318

Б. Сам. В корень и плод // Крокодил. 1926. № 17. С. 2.

[Вернуться](#)

319

Письмо комсомольца А. Игошина И.В. Сталину. 25 марта 1926 г. // Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 498.

[Вернуться](#)

320

Воробьев С.В. Служебные злоупотребления хозяйственной номенклатуры Урала в условиях НЭПа // Десятые Татищевские чтения: материалы всерос. науч. – практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург: УмЦ УПИ, 2013. С. 195.

[Вернуться](#)

321

О партэтике. Проект предложений Президиума ЦКК II Пленуму ЦКК РКП(б) // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989. С. 156.

[Вернуться](#)

322

О партэтике. Проект предложений Президиума ЦКК II Пленуму ЦКК РКП(б) // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х-годов. М., 1989. С. 160.

[Вернуться](#)

323

Сольц А.А. Из отчета Центральной контрольной комиссии на XI съезде РКП(б) 28 марта 1922 г. // Партийная этика. С. 142.

[Вернуться](#)

324

Халфин В.С. Растрата среди должностных преступлений // Растраты и растратчики. М., 1926. С. 25.

[Вернуться](#)

325

Ленинградская правда. 1927. 20 сент. № 214. С. 6.

[Вернуться](#)

326

[Происшествия] // Ленинградская правда. 1927. 21 дек. № 291. С. 5.

[Вернуться](#)

327

Цит. по: Чистиков А.Н. Государство против карточной игры. С. 311.

[Вернуться](#)

328

Толстой А.Н. Случай на Бассейной улице.

[Вернуться](#)

329

Красная газета. 1926. 9 янв.

[Вернуться](#)

330

Ленинградская правда. 1926. 14 янв.

[Вернуться](#)

331

Там же. 1925. 25 дек.

[Вернуться](#)

332

Ленинградская правда. 1926. 16 марта.

[Вернуться](#)

333

Там же. 1926. 12 дек.

[Вернуться](#)

334

Один из участников районной рабочей конференции в Ленинграде в октябре 1924 г. говорил, что «все эти преступления, о которых мы знаем, это не столько желание посягнуть на деньги, сколько взять их потому, что они плохо лежат, что плохо в них отчитываются, что абсолютно нет бухгалтерского контроля и нет руководства» (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 6276. Оп. 9. Д. 41. Л. 46).

[Вернуться](#)

335

Ленинградская правда. 1926. 11 февр.

[Вернуться](#)

336

Ленинградская правда. 1926. 3 марта.

[Вернуться](#)

337

Халфин В.С. Растрата среди должностных преступлений. С. 50.

[Вернуться](#)

338

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 119. Л. 155. Сводка о происшествиях за время с 10 час. 1-го до 10 час. 2-го февраля 1926 года.

[Вернуться](#)

339

Там же. Оп. 11. Д. 275. Л. 192. Суточная информационная сводка Ответственного дежурного Отдела ЛГИ о происшествиях и

преступлениях, за время с 12-ти часов утра 6-го до 12-ти часов утра 7-го мая 1927 г.

[Вернуться](#)

340

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 11. Д. 275. Л. 219–220. Суточная информационная сводка... за время с 12-ти часов утра 14-го до 12 часов утра 15-го мая 1927 г.

[Вернуться](#)

341

Гард Э. Растрата Кольварского // Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. 21 окт. № 285. С. 3.

[Вернуться](#)

342

Лурье М.Л. Песни о растратчиках в уличной сатире эпохи нэпа // Антропологический форум. 2013. № 518. С. 273.

[Вернуться](#)

343

Полетика Н.П. Воспоминания. Тель-Авив, 1982. С. 267.

[Вернуться](#)

344

Растраты // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925. 7 февр. № 32. С. 3.

[Вернуться](#)

345

Гард Э. Традиции клуба «Торговый» // Там же. 1927. 2 нояб. № 297. С. 3.

[Вернуться](#)

346

Борьба с растратами (Беседа с уполномоченным Н.К. РабочеКрестьянской Инспекции Л.С. Залинсоном) // Там же. 1925. 6 февр. № 31. С. 3.

[Вернуться](#)

347

Гедеонов Н.Н. Влияние алкоголя и азарта на растраты // Растраты и растратчики. С. 98.

[Вернуться](#)

348

Там же. С. 110–111.

[Вернуться](#)

349

Селиванов Арк. Борьба с растратами // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925. 17 февр. № 40. С. 2.

[Вернуться](#)

350

Гедеонов Н.Н. Влияние алкоголя и азарта на растраты. С. 102.

[Вернуться](#)

351

Шульгин В.В. Три столицы.

[Вернуться](#)

352

Цит. по: Чистиков А.Н. Государство против карточной игры. С. 314.

Ленинградская правда. 1928. № 96. 25 апреля. С. 5

– Что заставило воровать? – спросили Костю.

Костя долго молчал, мял свою кепку, а потом, когда его щеки налились румянцем и из глаз быстро закапали слезы, тихим голосом заговорил:

– Шел с папой по Знаменской. У Бассейной стоял дяденька и кричал: „За три копейки стреляй, десять конфет получай!“. И мы с папкой стреляли. Дяденька кружок крутил, а я из пистолета стрелял. Девять копеек проиграл и пять конфет выиграл...

А потом стал без отца один ходить и стрелять в круг. Мама мне каждое утро 10 копеек на завтрак давала. На мамины деньги я стрелял на конфеты. Раз меня увидела тетя Дуня и маме сказала. Мама не стала мне больше давать денег. Я продал татарину ранец и арифметику и хрестоматию.

[Вернуться](#)

353

Стуколка – разновидность карточной игры. Свое название получила из-за того, что игрок объявляет о своем желании играть легким постукиванием костяшками пальцев о стол.

[Вернуться](#)

354

*Черных Андрей. Детские казино // Ленинградская правда. 1928.
25 апр. № 96. С. 5.*

[Вернуться](#)

355

Васильев П.А. Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика // Вестник Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2011. Вып. 3, т. 4. С. 85–92; Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917-920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 129–34.

[Вернуться](#)

356

Василевский Л.М. Дурманы (наркотики). М., 1924. С. 5–6.

[Вернуться](#)

357

Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика // Вопросы наркологии. Сб. № 2. М., 1928. С. 48.

[Вернуться](#)

358

Пильняк Б. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 2003. С. 37.

[Вернуться](#)

359

Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 197.

[Вернуться](#)

360

Мариенгоф А. Циники. М.:, 1990; Толстой А.Н. Гадюка // Советский рассказ. Т. 1. М, 1975. С. 125–158; Зазубрин В.Я. Щепка // Общежитие: сб. Новосибирск, 1990. URL: <https://royallib.com> (дата обращения: 15.02.17).

[Вернуться](#)

361

Задержаны 7 торговцев наркотическими средствами // Ленинградская правда. 1927. 21 авг. № 189. С. 4; Красная газета. Вечерний выпуск. 1927. № 328. С. 3.

[Вернуться](#)

362

Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина. Аэлита. М., 1985. С. 328–329.

[Вернуться](#)

363

Наркотизм как социальное явление: обзор литературы / сост. А.В. Янков. М., 2001. С. 4.

[Вернуться](#)

364

Девиантность и социальный контроль в России. СПб., 2000. С. 46.

[Вернуться](#)

365

Шоломович А.С. Теория и практика борьбы с наркотизмом // Московский мед. журнал. 1933. № 5. С. 123–128.

[Вернуться](#)

366

Булгаков М.А. Морфий. М., 1991.

[Вернуться](#)

367

Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика. С. 47.

[Вернуться](#)

368

Борьба с алкоголизмом и наркотизмом // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925. 31 янв. № 26. С. 3.

[Вернуться](#)

369

Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика. С. 48.

[Вернуться](#)

370

Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика. С. 52.

[Вернуться](#)

371

Кутанин М.П. Вопросы теории и практики морфинизма // Труды первого всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. М.; Л., 1929. С. 40.

[Вернуться](#)

372

Васильев П.А. Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917-1929 гг. Пути решения социальной проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия История. 2010. № 4. С. 21.

[Вернуться](#)

373

Горовой-Шалтан В.А. Морфинизм, его распространение и профилактика. С. 47.

[Вернуться](#)

374

С-кин Н. За морфием // Красная газета. Вечерний выпуск. 1928. 8 мая. № 125 (1795). С. 3.

[Вернуться](#)

375

Мусаев В.И. Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013. С. 137.

[Вернуться](#)

376

Толстой А.Н. Гадюка.

[Вернуться](#)

377

Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Окаянные дни; Горький М. Несвоевременные мысли. М., 2004. С. 162.

[Вернуться](#)

378

Васильев П.А. Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. Пути решения социальной проблемы // Вестник Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 21.

[Вернуться](#)

379

Борьба с алкоголизмом и наркотизмом // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925. 31 янв. № 26. С. 3.

[Вернуться](#)

380

Цит. по: Васильев П.А. Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. Пути решения социальной проблемы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия История. 2010. № 4. С. 18.

[Вернуться](#)

381

Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Н. Новгород, 2015.
С. 33.

[Вернуться](#)

382

Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Н. Новгород, 2015.
С. 61.

[Вернуться](#)

383

Рапопорт А.М. Кокаинизм и преступность // Преступление и преступность. Сб. 1. М., 1926. С. 77–96. С. 80.

[Вернуться](#)

384

Долгова Е.А., Хивинова Д.А. Педагогический институт социального воспитания и изучения нормального и дефективного ребенка В.М. Бехтерева: теоретическое и прикладное значение // Электронный журнал «Психолого-педагогические исследования». 2018. Т. 10, № 2. С. 6. URL: <http://psyjournals.ru> (Дата обращения: 25.02.2019 г.)

[Вернуться](#)

385

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 119. Л. 56 об. Сводка о происшествиях за время с 10 час. 24-го до 10 час. 25-го Ноября 1925 года.

[Вернуться](#)

386

Васильев П.А. Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. С. 21.

[Вернуться](#)

387

Хулиганство и преступление: сб. ст. Л.; М., 1927. С. 39.

[Вернуться](#)

388

Smith S.A. The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia // Past & Present. No. 160 (Aug., 1998). P. 191.

[Вернуться](#)

389

Семашко Н.А. Хулиганство – остатки «старого быта» // Хулиганство и преступление. С. 117.

[Вернуться](#)

390

Цит. по: *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города 1920–1930 гг. СПб., 1999. С. 61.

[Вернуться](#)

391

Smith S.A. The Social Meanings of Swearing. P. 195.

[Вернуться](#)

392

Оршанский Л.Г. Хулиган (Психологический очерк) // Хулиганство и преступление. С. 62, 71.

[Вернуться](#)

393

Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. М.; Л, 1927. С. 12–14; *Эдельштейн А.О.* Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина / под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегал и Ц.М. Файнберг. М.: Мосздравотдел, 1927. С. 30; *Утевский Б.* Хулиганство в эпоху 1905–1914 гг. // Хулиганство и хулиганы: сб. / под ред. В.Н. Толмачева. М, 1929. С. 24.

[Вернуться](#)

394

Луначарский А.В. Упадочные настроения среди молодежи // Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. С. 17.

[Вернуться](#)

395

Луначарский А.В. Упадочные настроения среди молодежи // Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. С. 16.

[Вернуться](#)

396

Там же. С. 18.

[Вернуться](#)

397

Прохожий. Наши уродцы // Красный Флот. 1923. № 8. С. 115.

[Вернуться](#)

398

Бочаров А.А. «Клёшники»: к изучению субкультуры матросов военно-морского флота периода Революции 1917 года и Гражданской войны в России // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память. СПб., 2017. С. 428.

[Вернуться](#)

399

Weissman N.B. Rural Crime in Tsarist Russia: The Question of Hooliganism, 1905–1914 // Slavic Review. Vol. 37, No. 2 (Jun., 1978). P. 228; Smith S.A. The Social Meanings of Swearing. P. 195–196.

[Вернуться](#)

400

Юревич В. Скрытое хулиганство // Голос Балтийца. 1928. 23 июня. № 10 (98). С. 1.

[Вернуться](#)

401

Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924-38 // Journal of Social History/ Vol. 30, No. 1 (Autumn, 1996). P. 97–128; Gorsuch A.E. «A Woman is Not a Man»: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // Slavic Review/ Vol. 55, No. 3 (Autumn, 1996). P. 656; Жирков. Хулиганство в бане // Погонялка. 1926. 7 дек. № 18 (46). С. 4.

[Вернуться](#)

402

Goruch A.E. Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana University Press, 2000. P. 108.

[Вернуться](#)

403

Хулиганство и преступление. С. 136–137.

[Вернуться](#)

404

Хулиганство и преступление. С. 137.

[Вернуться](#)

405

Там же. С. 142.

[Вернуться](#)

406

Там же. С. 22.

[Вернуться](#)

407

Рапопорт А.М., Харламов А.Г. О женском хулиганстве // Хулиганство и поножовщина. С. 149.

[Вернуться](#)

408

В рабочих районах. Хулиганы не унимаются // Красная газета. 1926. 20 янв. № 16. С. 4.

[Вернуться](#)

409

В рабочих районах. Хулиганы не унимаются // Красная газета. 1926. 20 янв. № 16. С. 4.

[Вернуться](#)

410

Хулиган, шпана и начинающий // Массовик (приложение к «Ленинградской правде»). 1925. 18 мая. № 18 (71). С. 1.

[Вернуться](#)

411

Хулиганство и преступление. С. 43.

[Вернуться](#)

412

Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. М.; Л., 1927. С. 52.

[Вернуться](#)

413

Кравчинский М. Песни и развлечения эпохи нэпа. Н. Новгород, 2015. С. 164.

[Вернуться](#)

414

Хулиган (Пережиток старины) // Листок рабкора «Ленинградской правды». 1924. 24 мая. № 24. С. 1.

[Вернуться](#)

415

Очистить улицы и жакты от хулиганов // Ленинградская правда. 1928. 24 апр. № 95 (3901). С. 5.

[Вернуться](#)

416

Егоровец. 1929. 4 сент. С. 4

[Вернуться](#)

417

Ленинградская правда. 1928. № 115. 19 мая. С. 5.

[Вернуться](#)

418

Милиционера.

[Вернуться](#)

419

Зацепя. С финкой под полою // Ленинградская правда. 1928. 21 июня. № 142. С. 4.

[Вернуться](#)

420

Кунтыжев Н. Хулиганская застава на Матвеевской улице // Ленинградская правда. 1928. 19 мая. № 115. С. 5.

[Вернуться](#)

421

Герасимов В. Против отделения милиции // Там же.

[Вернуться](#)

422

Наряды на охрану театров, садов, госучреждений и проведение операций по борьбе с хулиганством. 1923 г. // ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 731. Л. 71.

[Вернуться](#)

423

Очистить улицы и жакты от хулиганов. С. 5.

[Вернуться](#)

424

Хулиганство и преступление. М., 1927. С. 134.

[Вернуться](#)

425

Оршанский Л.Г. Хулиган (Психологический этюд). С. 76.

[Вернуться](#)

426

Ленинградская правда. 1928. № 96. 25 апр. С. 5.

[Вернуться](#)

427

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 119. Сводки ответственного дежурного по Ленинградской городской милиции о происшествиях по городу и уездам. 1 марта 1926 г. Л. 223.

[Вернуться](#)

428

Там же. Д. 118. Сводки ответственного дежурного по Ленинградской городской милиции о происшествиях по городу и уездам. Л. 184 об.

[Вернуться](#)

429

Егорова З. Это они... Это «шпана»... // Массовик (прилож. к «Ленинградской правде»). 1925. 18 окт. № 38 (91). С. 1.

[Вернуться](#)

430

Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. С. 37.

[Вернуться](#)

431

Заноза. Гришкин палец // Красный выборжец. 1928. 1 марта. № 3. С. 4.

[Вернуться](#)

432

«Красная заря» получила пощечину // Красная заря. 1928. 18 июня. № 13 (17). С. 3.

[Вернуться](#)

433

Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. С. 64.

[Вернуться](#)

434

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 118. Л. 21.

[Вернуться](#)

435

Алекс. Ром. Хулиганство в саду 1 мая // Ленинградская правда. 1927. № 153. С. 4.

[Вернуться](#)

436

Китаев А.В. История Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда. Открытые пространства: сады и парки (1900–1950 гг.). СПб., 2010. С. 14–15.

[Вернуться](#)

437

Ленинградская правда. 1926. 7 янв.

[Вернуться](#)

438

Луженко П. Фабзавуч отличился // Электросила. 1928. 28 июня.
№ 10 (53). С. 4.

[Вернуться](#)

439

Коган. «У попа была собака...» // Красный треугольник. 1929. 28
февр. № 9 (48). С. 3.

[Вернуться](#)

440

Подшефник. «Наше гостеприимство» // Красная заря. 1929. 12 янв.
№ 1 (30). С. 2.

[Вернуться](#)

441

Г. Н. По заслугам // Красная заря. 1929. 12 янв. № 1 (30). С. 2.

[Вернуться](#)

442

Ижевский Н.И. Кто хулиганит в медицинских учреждениях // Ленинградская правда. 1927. 3 июля. № 149. С. 5.

[Вернуться](#)

443

В. Д. Повседневное (В больнице им. Нахимсона) // Ленинградская правда. 1927. 3 июля. № 149. С. 5.

[Вернуться](#)

444

М. П. Хулиганы // Ленинградская правда. 1927. 3 июля. № 149. С. 5.

[Вернуться](#)

445

Хулиганы-антисемиты // Там же.

[Вернуться](#)

446

В. М. Пьянство в больнице // Ленинградская правда. 1927. 10 авг. № 180. С. 7.

[Вернуться](#)

447

В селах Ленинградской губернии среди молодежи хулиганские убийства и поножовщина действительно были распространенным явлением. Приезжая в Ленинград, такие люди не торопились менять свои привычки.

«В деревне Пески, Ленинградского уезда, по субботам, особенно после получки на Дубровке, и в праздники стоит дым коромыслом. Пьяные драки и буйство представляют заурядное явление. И потому, когда из дома крестьянки Семеновой, в воскресенье, 8 мая, раздались крики: „Караул, режут!“ – то они на услышавших их особенного впечатления не произвели.

Но в тот день в доме Семеновой действительно зарезали человека.

8 мая Козлов и его шурин Савельев выпили не то три, не то две бутылки. Но этого им было мало, – и они пришли к Семеновой, у которой, как говорили, всегда можно было „достать водку“. Бутылка и закуска появились на столе немедленно. И все кончилось бы благополучно, но на беду Козлов так неловко положил локти на стол, что стол закачался.

– Ты! увалень! – крикнул муж Семеновой Дмитриев. – Аккуратнее сиди, не то влетит!

– Как? Мне? Мне влетит? – заревел Козлов и набросился на Дмитриева.

Семенова и ее сын Миша кинулись их разнимать. Тогда Козлов выхватил из-за голенища финский нож, стал крошить их всех. Мишу пырнул два раза, Семеновой распорол живот, а Дмитриеву нанес шесть колотых и резаных ран, от которых тот через два дня и умер» (Ленинградская правда. 1927. 6 авг.).

[Вернуться](#)

448

Каган А.Г. Молодежь после гудка. М.; Л., 1930. С. 7.

[Вернуться](#)

449

Rojek C. Leisure Theory: Retrospect and Prospect // *Loisir et Societe I Society and Leisure*. 1997. Vol. 20. P. 393; *Williams D.J.* Deviant leisure: rethinking «the good, the bad, and the ugly» // *Leisure sciences*. 2009. Vol. 31. P. 208.

[Вернуться](#)

450

Дело в Чубаровском переулке (Несколько статистических данных) // *Хулиганство и преступление*. С. 153–168.

[Вернуться](#)

451

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 233.

[Вернуться](#)

452

Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М., 1928. С. 109–113.

[Вернуться](#)

453

Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. С. 73.

[Вернуться](#)

454

Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Библиотека-Алия, 1982. С. 268.

[Вернуться](#)

455

Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929 // Экономические конфликты и политический протест: сб. документов. СПб., 2000. С. 402.

[Вернуться](#)

456

ЦГАИПД. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 273. Л. 34.

[Вернуться](#)

457

Аристов-Литвак. 1) «Шутка» хулиганов // Ленинградская правда. 1928. 20 мая. № 116. С. 3; 2) Язва заводского быта // Там же. 1928. 22 мая. № 117. С. 5.

[Вернуться](#)

458

Суд над убийцами тов. Клевядо // Ленинградская правда. 1928. 22 июня. № 143. С. 5.

[Вернуться](#)

459

Там же.

[Вернуться](#)

460

Аристов-Литвак. «Шутка» хулиганов. С. 3.

[Вернуться](#)

461

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 2071. Оп. 1. Д. 273. Л. 34.

[Вернуться](#)

462

К. Шутники // Красный железнодорожник. 1928. 18 июня. № 7. С. 3

[Вернуться](#)

463

Пьяный букет // Красновыборжец. 1928. 17 октября. № 17. С. 4.

[Вернуться](#)

464

Горчаков. Хулиганы // Стапель. 1928. 10 июля. № 3. С. 3.

[Вернуться](#)

465

Служащий. Музыкальные хулиганы // Там же. 1928. Август. № 4. С. 2.

[Вернуться](#)

466

Слесарь. Заклепочные «шутки» // Стапель. 1928. Авг. № 4. С. 2.

[Вернуться](#)

467

7 подписей. Одерните зарвавшегося // Трибуна халтуринцев. 1929. 25 марта. № 6 (18). С. 3.

[Вернуться](#)

468

«Глазок». Хулиганка // Трибуна халтуринцев. 1929. 4 янв. № 1(13). С. 4.

[Вернуться](#)

469

«Стенкоры» // Радиостроитель. 1929. 8 марта. № 5. С. 4.

[Вернуться](#)

470

Самокритик. Об уборной, культуре и вообще // Голос Казицких. 1928. № 8. С. 3; Некультурность или хулиганство?.. // Радиостроитель. 1929. 8 марта. № 5 (17). С.4.

[Вернуться](#)

471

Зощенко М. Рассказ о зажиточном человеке.

[Вернуться](#)

472

В. М. Рекорд бытового хулиганства // Ленинградская правда. 1927.

[Вернуться](#)

473

авг. № 174. С. 5.

² Хулиганство управдома // Красная газета. Вечерний выпуск. 1925.
6 янв. № 5. С. 3.

[Вернуться](#)

474

Ленинградская правда. 1924. 21 авг.

[Вернуться](#)

475

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 118. Сводки ответственного дежурного по Ленинградской городской милиции о происшествиях по городу и уездам. Сводка о происшествиях с 7-го по 8-ое июня 1925 года. Л. 21.

[Вернуться](#)

476

Там же. Д. 119. 10 декабря 1925 г. Л. 76.

[Вернуться](#)

477

ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 119. 23 апреля – 1 марта 1926 г. Л. 298.

[Вернуться](#)

478

Обух В. За новый быт (вступительная статья) // За новый быт. 1925.
№ 1. С. 2.

[Вернуться](#)

479

Измайлов. За культурный отдых // Электросила. 1929. № 10 (88). 29 апреля. С. 3.

[Вернуться](#)

480

3-е Всесоюзное совещание рабкоров «Рабочей газеты». М., 1926. С. 158. Р. Зидер, отметив недостаток знаний о ведении домашнего хозяйства у женщин-работниц, объяснил это тем, что в рабочих семьях не хватало ни времени, ни «подходящих примеров» для того, чтобы познакомить девочек с основами кулинарии и т. п. (см.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М., 1997. С. 188).

[Вернуться](#)

481

О руководстве и задачах партии в области театральной работы. ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 10. Д. 9819. Л. 133.

[Вернуться](#)

482

Зощенко М. Избранное. В 2 т. Т. 1. Л., 1978. С. 157–158.

[Вернуться](#)

483

Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма // «Нева». СПб., 2000. С. 240–247.

[Вернуться](#)

484

А. Р-ин Экскурсионные базы для текстильщиков. До сих пор не разработаны меры борьбы с пьянкой / Ленинградская правда. 1928. № 110. 13 мая. С. 4.

[Вернуться](#)

485

Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 11

[Вернуться](#)

486

Ильин Я. Жители фабричного двора. М., 1928. С. 162.

[Вернуться](#)

487

Селецкий П. Рабочие клубы // Вестник профсоюзов. 1923. № 1. С. 77.

[Вернуться](#)

488

ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9591. Л. 34.

[Вернуться](#)

489

Смирнов-Чубринский М. Культработа у деревообделочников // Вестник профсоюзов. 1923. № 2–3. С. 70–72.

[Вернуться](#)

490

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 6. Д. 192. Л. 28.

[Вернуться](#)

491

ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9668. Л. 1.

[Вернуться](#)

492

Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012. С. 177–178.

[Вернуться](#)

493

Тезисы докладов 5-го Всероссийского Съезда Текстильщиков. М., 1922. С. 13.

[Вернуться](#)

494

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и испр. М., 1984. Т. 4. С. 426.

[Вернуться](#)

495

Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК-ОГПУ М., 2009. С. 50.

[Вернуться](#)

Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 260.

[Вернуться](#)